

**Петербургская
библиотечная школа
№3 (4) 1997 г.**

Настоящий
журнал
издан
при
финансовой
поддержке
«Института
Открытое
Общество.
Фонд
содействия».

Редакционная коллегия

З.В. Чалова,
С.А. Басов,
В.Ю. Григорьев,
А.С. Зонин,
Н.М. Комиссарчик,
Е.В. Колюхова,
Л.Г. Косачева,
Н.Н. Мазняк,
В.А. Минкина,
Р.А. Михалева,
Т.Ю. Монакова,
Н.Н. Никитина,
Т.И. Новикова,
Т.В. Петрусенко,
З.А. Рудая,
Н.П. Тряпкина,
Е.В. Шеповалова

Редакционный совет

Б.Ф. Володин
(Научный редактор),
М.Ф. Ежова
("Публичные библиотеки"),
З.А. Рудая
("Уникумы"),
В.Ю. Григорьев
("Информационные
технологии"),
И.Л. Клим
("Переводы"),
С.С. Серейчик
("Реклама")

Литературный редактор

Л.Д. Грибакина

УЧРЕДИТЕЛЬ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ
БИБЛИОТЕЧНОЕ
ОБЩЕСТВО
191025 С.-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 46
тел. (812) 311 27 53
факс (812) 311 22 47

Регистрационный

№П1360

от 03 марта 1995 г.

015 199
Петерб.
Библ. школа 3:

Борис Володин,
научный редактор журнала

К читателю

В фокусе этого номера — научно-гуманитарная (исследовательская) библиотека. Термины эти используются и в переводах на русский язык работ зарубежных авторов, и в работах российских специалистов, но они еще достаточно непривычны. Авторы, обращающиеся к понятию «исследовательская библиотека» и его иностранным аналогам — английскому — *Research library*, немецкому — *Forschungsbibliothek*, французскому — *bibliothèque de recherche* и т.д., прежде всего, исходят из того, что речь идет не об абстрактной научной библиотеке, предназначенной для удовлетворения информационных потребностей ученых, преподавателей, студентов и других читателей в области самых разных наук. Они исходят из особых интересов читателей-гуманитариев и интересов самих библиотек, обладающих большими уникальными фондами гуманитарной литературы, как их называют часто наши зарубежные коллеги — исторически ценными книжными фондами.

В конце XX века стало очевидным, что гуманитарные науки требуют учета своей специфики при организации работы как научных библиотек универсального профиля, так и специализированных научных библиотек, полностью сориентированных именно на гуманитарные науки.

Среди библиотек первой группы следует выделить две наиболее интенсивно развивающиеся крупнейшие национальные библиотеки мира — Британскую библиотеку в Лондоне и Национальную библиотеку Франции в Париже. При подготовке новых стратегических планов развития этих библиотек, проектов их новых зданий учтена специфика гуманитарных наук, особенности обслуживания читателей-гуманитариев. Необходимость предоставления всей литературы по теме — во всей полноте, как современной, так и т.н. старой, была одним из основополагающих принципов, определивших сегодняшний и завтрашний день этих библиотек. Учтена природа этих наук и в планах комплектования современной литературы, а именно — с учетом их уникальных, исторически ценных книжных фондов.

Что касается специализированных научных библиотек, то за рубежом уже имеются библиотеки, которые можно считать эталонными, идеально организованными в соответствии с требованиями гуманитарных наук и их уникальной природой. Среди них следует назвать прежде всего такие немецкие библиотеки, как Библиотека имени герцога Августа в Вольфенбюттеле и Библиотека имени герцога Анны Амалии в Веймаре.

Кабинет
Библиотековедения
БАН

Понятие "исследовательская библиотека" не следует считать абстрактным, отвлеченным, или идеальным. Сегодня каждая библиотека, обладающая уникальным исторически ценным фондом гуманитарной литературы, при решении всех вопросов должна определить, насколько она учитывает уникальность своего фонда, а если и учитывает, то как она определяет свое отношение к вопросам обеспечения сохранности этого фонда, ибо эти вопросы находятся в известном противоречии с вопросами обеспечения широкого доступа к его использованию.

В Петербурге имеется множество библиотек, обладающих богатейшими коллекциями исторически ценных книжных фондов. Но в силу многих причин интересы гуманитарных наук, интересы самих читателей—гуманитариев у нас учитываются сегодня иначе, в сравнении с тем, как решают эти вопросы наши коллеги в наиболее развитых библиотечных странах мира.

Те, кого интересуют такие вопросы, как требования к исследовательским библиотекам, критерии оценки работы этих библиотек, характеристика самой их природы, их отличие от других научных библиотек и другие — могут обратиться к монографии профессора Бернхарда Фабиана "Книга, библиотека и гуманитарные исследования", а также к переводам его доклада и доклада его соотечественника Михаэля Кнохе, с которыми они выступили на российско-немецком семинаре "Проблемы развития исследовательских библиотек" в Петербурге в июне прошлого года. Автор статьи об этом семинаре в журнале "Библиотека" — зам. директора РГБИ в Москве Ада Ароновна Колганова назвала свою работу "В ожидании идеала". По ее мнению, несмотря на то, что идеал, каким является исследовательская библиотека, уже существует и можно воспользоваться опытом зарубежных библиотек, мы все еще находимся в состоянии ожидания идеала.

В данном номере "Петербургской библиотечной школы" мы хотим показать реальное состояние дел в тех библиотеках Петербурга, которые обладают уникальными исторически ценными книжными фондами и являются мастерской читателя—гуманитария. Насколько они готовы к тому, чтобы быть и идеальной лабораторией ученого—гуманитария — это вопрос, который хотелось бы поставить. Не менее важным представляется и другой вопрос: что же нужно предпринимать для того, чтобы петербургские библиотеки, обладающие фантастическими богатствами, смогли постепенно приблизиться к идеалу исследовательской библиотеки?

Особенностью номера является появление новой рубрики, которая, надеемся, станет постоянной — "Библиотека как центр культуры". Петербург — это город, обладающий огромным духовным потенциалом. В немалой степени этот потенциал создается библиотеками, которые не только являются хранителями вечных ценностей, но также, играя роль центров культуры, знакомят с уникальным миром культуры Петербурга, с наиболее интересными произведениями мастеров отечественной культуры. Первая встреча, о которой мы рассказываем, состоялась с одним из самых удивительных художников, обладающим ярко выраженной индивидуальностью — с кинорежиссером А.Н.Сокуровым.

Борис Володин

Вторая Санкт-Петербургская Библиотечная книжная выставка-ярмарка состоялась 9-11 апреля. Организатор ярмарки — Ленинградская областная универсальная научная библиотека при поддержке Комитета по культуре Правительства Ленинградской области, книготорговых и издательских фирм Санкт-Петербурга. В ярмарке участвовали 93 крупнейшие библиотеки Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России, в том числе 6 библиотечных коллекторов. Очень радует, что на Второй ярмарке было представлено на 11 библиотек больше, чем на первой. География участников Ярмарки разнообразна: это Сургут и Омск, Саранск и Калининград, Петрозаводск и Мурманск, Новгород и Калуга. В Ярмарке участвовали 49 издательств. Московский книжный рынок был представлен 18 издательствами и книготорговыми фирмами; Санкт-Петербургский — 27; города России были представлены 3 издательствами (Саранск, Смоленск, Калининград); Белоруссию представляло издательство "Алциона" (Минск). Большой интерес не только у библиотечных работников, но и у издателей и книготорговцев вызвал круглый стол "Новые возможности формирования библиотечных фондов в современных условиях". В дни ярмарки проходили профессиональные встречи и консультации со специалистами Российской национальной библиотеки, Ленинградской областной библиотеки. Все издательства — участники ярмарки имели возможность представить выпускаемые ими книги, а также различные услуги по комплектованию библиотек. Особо стоит отметить премьеру книги Н.Р.Левиной и Ю.И.Кирцидели "По этим улицам, по этим берегам. Петербургские прогулки", презентацию книг калининградского издательства "Янтарный сказ", а также представление серии книг "Медицина против медицины", автором которой является М.Я.Жолондз (Издательство "Лань").

21-23 мая к 135-летию со дня рождения Н.А. Рубакина в библиотеках Ленинградской области прошли традиционные (пятые) Рубакинские чтения. В этом году чтения вышли за границы области и, по инициативе Российской национальной библиотеки, получили статус Всероссийской научно-практической конференции, которая называлась "Рубакинские традиции в исследовании чтения в библиотеках". В ходе конференции состоялись литературные встречи за "круглым столом" на тему "Современная литература: шкала ценностей". На родине Рубакина, в Ораниенбауме обсуждались такие вопросы как "Н.А.Рубакин и традиции чтения в крестьянской среде конца XIX начала XX веков", "Возможности чтения у посетителей Рубакинской и Лебяжинской библиотек", "Идеи Н.А.Рубакина о домашних библиотеках и их реализация сегодня", "Читает ли молодежь современную литературу?" (по материалам исследования РНБ "Чтение в библиотеках России"). Особой теплотой была проникнута встреча читателей с писателями в Лодейном Поле. Оазисом духовности и культуры назвали русскую провинцию приехавшие в гости писатели. По единодушному желанию читателей и писателей Лодейное Поле решили считать экспериментальной базой по изучению чтения современной отечественной литературы различными категориями читателей провинциальных городов.

Ленинградская ОУНБ совместно с ЦГБ им. А.Аалто (г. Выборг) 13-14 июня провели выездное заседание Совета директоров ЦБС Ленинградской обл. в г. Хельсинки (Финляндия), в котором участвовали директо-

ра 11 ЦБС Ленинградской области, ведущие специалисты Ленинградской ОУНБ, Ленинградской областной детской библиотеки, Областного центра переподготовки кадров культуры и искусства. Цель поездки — изучение организации библиотечного обслуживания в Финляндии. Участники Совета директоров познакомились с деятельностью крупнейшей публичной библиотеки Финляндии — Городской библиотекой Хельсинки, несущей миссию национальной библиотеки для публичных библиотек Финляндии, а также со старейшими публичными библиотеками Хельсинки: библиотеками районов Валлила и Каллио. Завершило знакомство — посещение Культурного Центра Малмиталя и библиотеки Центра

Ленинградская ОУНБ совместно с ЦГБ им. А.Аалто (г. Выборг) с 23 по 26 июня провели выездное заседание клуба методистов ЦБС “Менеджер библиотеки”, в котором приняли участие 12 ЦБС, ведущие специалисты Ленинградской ОУНБ, Ленинградской областной детской библиотеки и Российской национальной библиотеки. Цель заседания клуба “Менеджер библиотеки” — подтверждение теоретических основ менеджмента опытом работы методистов в современных условиях. Основной упор в программе клуба был сделан на проблемы формирования правовой среды в условиях местного самоуправления и экономических отношений в библиотеке. Одним из итоговых решений клуба стало предложение о необходимости объединения общих усилий для решения проблем библиотек Ленинградской области и продвижения правовых документов путем создания секции библиотек Ленинградской области при Петербургском библиотечном обществе.

15-17 апреля на базе Зональной научной библиотеки им. М.Горького Санкт-Петербургского государственного университета проходил межвузовский семинар “Компьютеризация библиотеки: стратегия и тактика”. В ходе семинара участники познакомились со следующими докладами:

- Мониторинг современного состояния компьютеризации в вузовских библиотеках Санкт-Петербурга (по результатам анкетирования) (Косарева Е.А., СПбГУ)
- Общие проблемы компьютеризации библиотек (Григорьев В.Ю., юр. фак. СПбГУ)
- Практика использования сети INTERNET как начального этапа компьютеризации библиотеки (Дорофеев С.Т., СПбГУ)
- Стратегия и тактика компьютеризации библиотек США (Клим И.Л., Американский центр)
- Роль концепции и планирования в компьютеризации библиотеки (Некрасова Е.В., СПб консерватория им. Н.А.Римского-Корсакова)
- Методическое обеспечение и принятие управленческих решений при переходе библиотеки на новые компьютерные технологии (Лизун Т.А., СПбГУ)
- Роль отделов компьютерных технологий в автоматизации библиотек (Симонова Л.Д., СПбУЭФ)
- Система профессиональной подготовки кадров для компьютеризированных библиотек (Ляшенко Т.В., СПбГАК)
- Источники финансирования компьютеризированных библиотек (Никитина Н.Н., СПБИЭА)
- Компьютеризация библиотек и платные услуги (Конюхова М.В., ЦГПБ им. В.В.Маяковского).

Участникам семинара была предоставлена возможность обменяться мнениями по теме семинара, а также познакомиться с компьютеризацией библиотек экономического и юридического факультетов Санкт-Петербургского государственного университета.

28-30 мая в Санкт-Петербургском государственном университете проходил четвертый Университетский салон "Книга. Издатель. Библиотека", организованный Научной библиотекой им. М.Горького и издательством СПбГУ. Наряду с традиционными участниками в работе салона принимали участие и новые издательства: "Культ-информ-пресс", "Златоуст", "Европейский дом", "Гиперион", "Вирд" и другие. Посетителям салона была предоставлена возможность познакомиться с новинками не только научной и учебной, но и интеллектуальной литературы.

В рамках Университетского салона '97 прошли:

- семинар "Библиотеки на книжном рынке",
- библиотечный мастер-класс,
- презентация петербургского отделения русского Пен-клуба,
- творческая мастерская "Франс Эдиссон",
- мастер-класс "Ланге & Шпрингер".

Состоялись также презентация постоянно действующего "Университетского книжного салона" и презентация издательств и книготорговых фирм. Участники салона смогли познакомиться с новыми книгами и издательскими проектами, приобрести литературу для библиотек, обсудить профессиональные проблемы в неформальной обстановке.

С 26 по 28 мая в СПбГИЭА проходило Всесоюзное совещание заведующих экономико-организационными кафедрами "Совершенствование подготовки кадров в соответствии с Законом "О высшем и послевузовском образовании", на котором присутствовали представители различных регионов, от Пскова до Хабаровска.

Библиотека принимала активное участие в организационных мероприятиях совещания: была организована выставка новой экономической литературы, проводились консультации представителей по использованию компьютерных технологий в организации информационно-библиографического обеспечения учебного процесса.

Удовлетворяя повышенный спрос на внутривузовские издания (рабочие программы дисциплин, учебные пособия и монографии ученых СПбГИЭА) библиотека смогла заработать дополнительные средства, выполняя ксерокопии. Участие библиотеки в таких встречах позволяет продемонстрировать свои возможности, наладить контакты для организации книгообмена, а в целом — заявить о себе как об одном из главных подразделений высшего учебного заведения.

В апреле Научная музыкальная библиотека Санкт-Петербургской консерватории им. Н.А.Римского-Корсакова провела Вторые чтения рукописного отдела, которые, как и первые, были посвящены проблемам разыскания, изучения, восстановления, хранения музыкальных рукописей.

В течение трех дней с докладами выступали ведущие специалисты Петербурга, Москвы и других городов России, среди которых профессора и

доценты консерватории, ведущие научные сотрудники крупнейших хранилищ страны, имеющих в своих фондах коллекции музыкальных рукописей, сотрудники архивов, музеев, библиотек. Впервые предпринята попытка объединить специалистов в области хранения и научно-исследовательской обработки письменного источника по истории мировой музыкальной культуры. На открытии чтений был представлен сборник статей и материалов "Петербургский музыкальный архив", явившийся первым из серии задуманных публикаций, посвященных источниковедению в области музыкального искусства.

С 27 марта по 28 апреля в Санкт-Петербургской Государственной Театральной библиотеке проходила выставка "Русские сезоны Сергея Дягилева". Выставка была организована как одно из мероприятий, проводившихся в рамках празднования 125-летия со дня рождения выдающегося деятеля русской и мировой культуры, в честь которого 1997 год объявлен ЮНЕСКО Годом Дягилева.

Небольшой Каминный зал Театральной библиотеки, казалось, вместил огромный художественный мир "Русских сезонов" — блистательную страстную отечественного искусства, навсегда вошедшую в мировой художественный процесс.

На выставке были представлены редкие издания конца 19 — начала 20 века, многочисленные фотографии и документы, другие свидетельства жизни и творчества С.П.Дягилева и выдающихся личностей, составлявших окружение великого антрепренера.

Особый интерес вызывали подлинные эскизы костюмов и декораций к спектаклям "Дягилевских сезонов", таким как "Павильон Армиды", "Петрушка", "Карнавал". Большинство экспонатов этой выставки были представлены широкой публике впервые.

Выставка привлекла внимание петербуржцев и гостей нашего города, получила благожелательные отклики в печати, на радио и телевидении.

16 июня в Каминном зале Театральной библиотеки состоялось открытие выставки "Эта хорошая квартира". Выставка открылась при содействии Комитета по культуре, Музея театрального и музыкального искусства, Мариинского театра, Академии Русского балета им. А.Я.Вагановой, с привлечением материалов из частных коллекций.

Автор выставки, художник Теймураз Мурванидзе, решил совместить прошлое с настоящим, воссоздать "реальную нереальность" мира молодости, "войти в этот дом... вернуть под его крышу тех, с кем сводила судьба на протяжении восьми лет..."

Речь идет о квартире 129 во дворе дома 2 по улице Зодчего Росси (здесь и сейчас гостиница-общежитие Мариинского театра), в которой в 60-70-е гг. месяцами и годами находили приют Рудольф Нуриев, Олег Виноградов, Валерий Панов, Дмитрий Брянцев, Михаил Барышников, Валерий Гергиев, Владимир Васильев, Булат Минжилкиев... и многие другие, чьи имена так много значат для нашего искусства.

Это их молодость, их дальнейшая судьба, мировая слава — здесь фотографии, книги, живопись, сценические костюмы, вещи — мир неповторимый и запечатленный во взаимосвязи с реальностью.

Выставка продлится до середины сентября, вход бесплатный.

В фойе Большого зала Санкт-Петербургской филармонии организована выставка "Редкие издания из фондов Музыкальной библиотеки" — нотные партитуры и гравюры.

На хорох Большого зала сейчас экспонируется выставка работ художника Ж.В.Ефимовского "Взгляд из зала: музыканты и публика".

Для слушателей симфонических концертов — ежедневные выставки по программе концерта (книги, периодика, иконография композиторов и исполнителей).

В читальном зале библиотеки можно познакомиться с выставками: "К 200-летию Газтано Доницетти", "Г.Гейне в музыке" (к 200-летию Г.Гейне).

НОВОСТИ ИЗ ЦБС

"Мир глазами детей" — так называлась выставка изобразительной студии Дома детского творчества Московского района, проходившая в мае в Выставочном зале ЦБС Московского района и ставшая традиционным отчетом работы ИЗОстудии. Скоморохи-зазывалы уже на улице приглашали гостей посетить сказочный мир детской фантазии. Зрителей встретили участники театральной студии камерным концертом. Выставку, на которой были представлены акварели, графика, роспись по дереву, лепка, батик, открыл глава администрации Московского района К.В.Кондаков. Пять дней работы выставкиместили 4 лекции о творчестве А.С.Пушкина, 4 концерта, 6 экскурсий. 714 человек, посетивших выставку, смогли не только познакомиться с детским творчеством, но и приобрести поделки детей.

В Рыбацкой библиотеке с успехом прошел конкурс на знание истории Невского района, посвященный 80-летию района. Конкурс проводился среди школьников в два тура по интересной и увлекательной программе, разработанной краеведом и издателем, большим другом Рыбацкой библиотеки — А.Ф.Векслером.

К юбилею Невского района был объявлен конкурс среди жителей всех возрастов: на лучшие произведения, посвященные району (стихи, проза, публицистика, картины); на лучшее название для нового парка в Веселом поселке и лучший детский рисунок. Победителем конкурса на лучшее стихотворение о районе стала Наталья Збаровская, зав. юношеским абонементом ЦРБ им. Л.Соболева.

30 мая в Центральной библиотеке Московского района состоялась конференция и демонстрация автоматизированной библиотечной системы "КОЛИБРИ". Конференция была организована ЦБС Московского района и Научной музыкальной библиотекой Государственной Консерватории им. Н.А.Римского-Корсакова.

Ведущие специалисты, работающие с "КОЛИБРИ" познакомили участников конференции с историей создания программы, с общими принципами ее построения, с возможностями применения АБИС "КОЛИБРИ" в библиотеках различного типа и уровня (научная библиотека консерватории, ЦГДБ им. А.С.Пушкина, ЦБС Московского района).

После выступлений состоялась демонстрация автоматизированных рабочих мест "КОЛИБРИ", что позволило участникам и гостям познакомиться с автоматизацией процессов комплектования фондов, обработки и каталогизации, библиографического обслуживания, статистического учета и др.

В апреле ЦГДБ им. А.С.Пушкина и Научно-методический центр Адмиралтейского района провели олимпиаду школьников Адмиралтейского района "ТВИНК" ("Твоя информационная культура" так зашифровали название сами участники). Она проводилась в три тура. Восемь команд семиклассников соревновались на 4-х станциях "Магия книги", "Словари", "Справочники и энциклопедии", "Фантазия и творчество" за обладание званием лучшего знатока: книговеда, библиографа и книгочел.

Участники продемонстрировали свое умение работать с разнообразными источниками информации, знание справочного аппарата книги и ее структуры, умение выстроить алгоритм поиска информации и дать правильные ответы на поставленные вопросы, а также научно-поисковое творчество.

Пока объединенное жюри подводило итоги, для участников олимпиады и зрителей состоялся небольшой концерт, организованный силами учащихся. После подведения итогов победители и участники были награждены почетными грамотами и ценными подарками.

Международная деятельность ЦГДБ им. А.С.Пушкина главным образом направлена на воспитание юного петербуржца, способного интегрироваться в европейскую и мировую культуру.

В апреле-мае читатели могли познакомиться с очередной международной выставкой детской литературы, инициатором которой стал Финский институт детской литературы и которая была поддержана на этот раз 9 странами Балтии (Дания, Эстония, Финляндия, Германия, Латвия, Литва, Польша, Швеция и Россия).

Каждая страна представила лучшие образцы национальной детской литературы. Программа выставки включала в себя экскурсии, беседы и обзоры. Школьники встретились с актером ТЮЗа — народным артистом России Николаем Ивановым, исполнившим роль Маттиаса в пьесе по повести А.Линдгрен "Рони — дочь разбойника", приняли участие в литературной игре "Балт-клуб", а также побывали "в счастливой долине муммитроллей", "в гостях у Карлсона" и других литературных героев, созданных фантазией писателей стран Балтии.

В мае-июне состоялся детский фестиваль "От троллей до мумитроллей". Организаторами фестиваля стали Санкт-Петербургская ассоциация культурного сотрудничества "Интерколлегиум", ассоциация сотрудничества со странами Северной Европы "Норден", Учебно-методический центр по образованию Комитета по культуре Администрации Санкт-Петербурга, ЦГДБ им. А.С.Пушкина.

Наряду с книжной выставкой и конкурсом детского рисунка в рамках фестиваля прошла Научная конференция в Санкт-Петербургском государственном университете. С докладами выступили российские и зарубежные специалисты по русскому и скандинавскому фольклору, а конкурс детского

рисунка, организованный в библиотеке, вел заведующий кафедрой скандинавской филологии СПб университета профессор Б.С.Жаров.

Основная тематика книжной коллекции Мемориальной библиотеки князя Г.В.Голицына (Фонтанка, 46) — современная "Rossica", то есть публикации, вышедшие в свет за пределами России и посвященные русской истории, литературе, культуре. Тематика проводимых библиотекой вечеров для читателей — русское зарубежье, творчество писателей-эмигрантов разных поколений, западные исследования о России.

14 февраля в Библиотеке была организована презентация январского номера журнала "Звезда", целиком посвященного творчеству И.Бродского. Выпуск тематического номера и организация вечера были приурочены к печальной дате — годовщине со дня смерти поэта. Во встрече с читателями приняли участие авторы журнала "Звезда", друзья поэта, поделившись своими воспоминаниями с почитателями его таланта.

На вечере прозвучали записи стихов в авторском исполнении, был показан видеofilm об И.Бродском, любезно предоставленные Музеем А.А.Ахматовой. Вел встречу с читателями известный петербургский литературовед С.Лурье.

18 марта состоялась встреча читателей Библиотеки, петербургских историков с американским профессором истории (Университет Северная Айова), автором книг по истории России — Тимом О'Коннором. Т.О'Коннор хорошо известен русским исследователям: на русский язык были переведены его книги о начальном периоде истории советского государства, посвященные таким известным политическим деятелям как Г.В.Чичерин, Л.Б.Красин, А.В.Луначарский.

Американский ученый любезно передал Мемориальной библиотеке князя Г.В.Голицына свои книги на английском и русском языках.

Помимо этого, в Библиотеке Голицына регулярно проводятся обзоры фондов для читателей, преподавателей, ученых, библиотекарей Петербурга, организуются экскурсии по особняку графини Карловой, в котором расположена библиотека.

НОВОСТИ ИЗ АКАДЕМИИ КУЛЬТУРЫ

В мае-июне на библиотечно-информационном факультете СПбГАС студенты-выпускники дневного, вечернего и заочного отделения защищали дипломные работы. Государственная комиссия под председательством В.Н.Зайцева высоко оценила исследования, проведенные студентами и отметила целесообразность использования многих из них в библиотечной практике. Принято решение, начиная с будущего учебного года, публиковать реферативные списки дипломных работ специально для информирования сотрудников библиотек города.

Преподаватели СПбГАС полагают, что благодаря такому информированию окажется возможным более активное привлечение библиотек и в качестве заказчиков дипломных исследований, и в качестве баз, апробирующих полученные результаты.

Взаимодействие факультета с библиотеками Петербурга рассматривается как непереносимое условие повышения актуальности и практической направленности дипломных работ. Для библиотек же это — реальная возможность осуществления исследований, на которые в повседневной работе обычно нет ни средств, ни времени.

Проблематика дипломных работ чрезвычайно разнообразна и охватывает самые различные направления деятельности библиотек. Активно исследуются особенности восприятия литературы различными группами читателей (О.Г.Савичева "Психология мужского чтения", Н.М.Звягинцева "Чтение детей с задержкой психического развития").

Интересна модель психологической службы юношеской библиотеки, предложенная Т.В.Хотулевой. Цикл дипломных работ был посвящен информационному обеспечению деятельности учителей средней школы в контексте изменений, происходящих в системе общего образования.

Ряд студенческих исследований касался развития книжного рынка России и комплектования библиотечных фондов (Т.В.Максимук "Ассортимент детской развивающей литературы", Е.С.Смирнова "Книжные ярмарки", М.Е.Данилова "Библиотечный коллектор в системе книгоснабжения общедоступных библиотек", Н.В.Харламова "Обязательный экземпляр как источник пополнения фондов научных библиотек").

Студенты-дипломники изучали библиотечно-библиографическое обслуживание предпринимателей, анализируя возможности библиотек как информационных учреждений.

В помощь практической деятельности центров деловой информации подготовлены такие дипломные работы как "Информационная поддержка деловых переговоров" (Е.А.Лукьянец), "Информационная оценка надежности фирм" (О.В.Чеховская), Справочник по информационно-аналитическим центрам составлен Ю.В.Бабушкиной, по центрам сертификации — А.Ю.Корчагиным, по консалтинговым фирмам — В.А.Воверис.

На последнее обстоятельство хочется обратить особое внимание библиотечной горюхи:

МНОГИЕ ДИПЛОМЫ МОЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ИМЕННО В КАЧЕСТВЕ СПРАВОЧНИКОВ ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ РЕСУРСАМ, КОТОРЫХ СЕЙЧАС ТАК НЕ ХВАТАЕТ.

С 20 апреля по 10 мая в ЦГПБ им. В.В.Маяковского проходила выставка "Польские писатели — лауреаты Нобелевской премии" в рамках VI фестиваля Польской культуры в Санкт-Петербурге, организованного Культурно-просветительским обществом "Полония". На выставке были представлены книги и материалы о творчестве четырех польских писателей: ГЕНРИХ СЕНКЕВИЧ (1846–1916), лауреат Нобелевской премии 1905 г.; ВЛАДИСЛАВ РЕЙМОНТ (1867–1925), лауреат 1925 г.; ЧЕСЛАВ МИЛОШ (1911–), поэт, получивший премию в 1980 г.; ВИСЛАВА ШИМБОРСКА (1923–), поэтесса, лауреат премии 1996 г. На выставке были показаны около 120 книг, указанных авторов (на языке оригинала и в переводах на русский язык), публикации из журналов и газет об их творчестве.

24 мая в ЦГПБ им. В.В.Маяковского состоялась встреча переводчиков славянской поэзии. На встрече присутствовали известные переводчики с

чешского (В.Каменская), словацкого (О.Малевич), польского (Л.Цивьян) и болгарского языков. Это мероприятие было первым в серии "Встреч с переводчиками", которые планируют организовать Отдел литературы на иностранных языках ЦГПБ им. В.В.Маяковского и Центр "Многонациональный Петербург".

До конца года планируется провести следующие встречи: "Поэзия Ярослава Сейферта (чешский поэт, лауреат Нобелевской премии 1984 г.)" в октябре, "Поэзия Уильяма Блейка (к 240-летию со дня рождения)" в ноябре, "Поэзия Владислава Броневского (к 100-летию со дня рождения) в декабре 1997 г. Одновременно с поэтическими вечерами, предполагается организация выставок книг, посвященных творчеству указанных авторов.

Рубрика "Хроника" подготовлена при участии
Л.Г.Косачевой, зам. директора Ленинградской ОУНБ,
Н.М. Комиссарчик, зав. НМО СПбГУ,
Е.В.Некрасовой, директора НМБ консерватории им.
Н.А.Римского-Корсакова,
Л.Ф.Сиголаевой, зав. библиотекой-филиалом ЦБС
Московского р-на,
Л.С.Беркутовой, гл. библиографа ЦБ Московского р-на,
Н.Н.Мазняк, зам. директора ЦГДБ им. А.С.Пушкина,
Е.В.Конюховой, заведующей Мемориальной библиоте-
кой князя Г.В.Голицына,
Н.Г.Козловой, зав. отделом литературы на иностран-
ных языках ЦГПБ им. В.В.Маяковского,
В.А.Минкиной, зав. кафедрой НТИ Академии культуры,
Н.Б.Сергеевой, ведущего методиста Театральной
библиотеки им. А.В.Луначарского.

ИТОГИ ПЕРВОГО ЭТАПА ИНФОРМАЦИЗАЦИИ

Раиса Андреевна Михалева — директор Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеки, член Правления Петербургского библиотечного общества, Заслуженный работник культуры России, активно выступает на российских и зарубежных конференциях и семинарах; автор многих публикаций.

Санкт-Петербургская государственная Театральная библиотека — одна из немногих в России самостоятельных искусствоведческих библиотек и одна из старейших библиотек страны, осенью 1996 г. отметила 240 лет своего существования. Тема данной статьи — первые результаты внедрения новой техники и компьютерных технологий в традиционную библиотечную систему на примере нашей библиотеки.

Работа по информатизации ведется нами с 1993 г. при поддержке МК РФ и комитета по культуре Санкт-Петербурга. Цель программы:

- обеспечить сохранность, развитие и использование фонда Театральной библиотеки, который представляет собой большую историко-культурную ценность;

- предоставить пользователям возможность доступа к удаленным источникам информации.

Задачи программы:

1. Создание в Театральной библиотеке автоматизированной информационно-поисковой системы (АБИПС) на базе локальной вычислительной сети (ЛВС), которая обеспечила бы сбор, хранение и обработку информации различного вида и назначения в соответствии с профилем работы библиотеки; интеграцию локальной сети в региональную, федеральную и зарубежные информационные сети.

2. Изготовление и распространение электронных факсимильных копий изданий, коллекций, тематических информационных продуктов профессионального и просветительного характера на основе использования оптических дисков (CD-ROM) и технологии мультимедиа.

Технический исполнитель программы: группа сотрудников ГОИ им. Н. И. Вавилова.

Несколько слов об особенностях осуществления программы информатизации в Театральной библиотеке. Прежде всего, надо отметить, что библиотека хранит в своих фондах подлинные документы, связанные с историей отечественного и зарубежного театра. По принятой в нашей стране типологии библиотек (которую давно следовало бы пересмотреть) Театральная библиотека отнесена к группе специализированных библиотечных учреждений. Такое определение ха-

рактирует, главным образом, профиль комплектования и состав фондов.

На наш взгляд, СПб Театральная библиотека в ее современном состоянии наиболее близко подходит к типу исследовательской библиотеки, описанной в статье Б. Ф. Володина “Исследовательская библиотека — новый тип старой европейской библиотеки”¹.

СПб Театральная библиотека — ровесник российской профессиональной сцены. Ее основание относится ко времени появления в 1756 г. Указа Императрицы Елизаветы Петровны об учреждении “Русского для представления трагедий и комедий театра”. Библиотека стала формироваться как репертуарное собрание пьес первой русской труппы, которую возглавил основоположник русского театра Федор Волков.

Со времени знаменитого Указа прошло 133 года, и в 1889 г. Театральная библиотека, которая насчитывала уже несколько тысяч книг и рукописей, была преобразована в Центральную библиотеку Императорских театров. При этом ее фонд пополнился собраниями Французской и Немецкой казенных трупп, работавших в Петербурге в течение XVIII—XIX вв. Сюда же, в Центральную библиотеку Императорских театров, поступила так называемая “Монтировочная библиотека” — она состояла в основном из эскизов костюмов и декораций к спектаклям, шедшим в Петербурге начиная с XVIII века.

После 1917 г. в наше хранилище был передан фонд рукописных пьес, известный как “Библиотека Драматической цензуры”. Тогда же стали поступать личные архивы, коллекции, собрания деятелей русской культуры и библиофилов.

Так сложилось историческое ядро фонда. Именно его своеобразие определило в наши дни и особенности структуры библиотеки, и элементы музейной и архивной работы в деятельности библиотеки, и сложности в решении проблем информатизации.

К настоящему времени фонд Театральной библиотеки (СПбТБ) насчитывает около 700 тыс. ед. хр., из них 40% (265,5 тыс. ед. хр.) составляют рукописи, редкие книги, ценные издания и коллекции, подлинные эскизы. Фонд отличается широким хронологическим охватом, видовым и языковым разнообразием. Библиотека состоит на учете в Государственном архиве России и включена в справочник “Театральные коллекции мира”.

Вот некоторые сведения о ценных и редких фондах:

- рукописи — 65.526 ед. хр.
- архивные материалы: (39 фондов) — 3.560 ед. хр.
- старопечатные книги — 1.800 ед. хр.
- редкие издания — 200 тыс. ед. хр.
- эскизы театральных художников — 15 тыс. ед. хр.

Хронологический охват:

- рукописные книги — XVIII—XX вв.
- архивные материалы — с 1783 г. по настоящее время
- старопечатные книги — XVI—XVIII вв.
- редкие издания — XVIII—XX вв.

Материалы представлены кроме русского на многих языках народов России, а также на основных западноевропейских языках.

¹ Володин Б. Ф. Исследовательская библиотека — новый тип старой европейской библиотеки // Пробл. национальных библиотек и региональных библиотечных центров. Вып. 3. - СПб, 1994, с. 10-54.

Фонд СПбТБ по-своему уникален. Достаточно сказать, например, что здесь собран практически с исчерпывающей полнотой репертуар русского театра с 1756 по 1917 г., то есть более чем за полтора века. При этом кроме опубликованных хранятся также и неопубликованные пьесы — запрещенные цензурой или те, что шли на сцене, но никогда не были напечатаны.

В собрании библиотеки хорошо представлен также западноевропейский театр XVIII–XIX вв. Например, коллекция князя Лобанова-Ростовского очень полно отражает французскую драматургию XVI–XVIII вв.

В фонде “Эпистолярии” хранятся письма Ф. Шаляпина, А. Островского, М. Щепкина, Л. Толстого, В. Комиссаржевской и многих других деятелей русской культуры.

Коллекцию фонда театральных эскизов украшают работы П. Гонзаго, семьи Бокэ, Ж. Берэна ст., К. А. Коровина, А. Я. Головина, Л. С. Бакста, А. Н. Бенуа...

Традиция собирания рукописей, личных архивов театральных деятелей и подлинных работ театральных художников продолжается и сейчас.

Фонд библиотеки служит постоянной базой для научных исследований, для подготовки к изданию рукописей, собраний сочинений, монографий, справочников, других материалов. Сотрудники библиотеки занимаются историей формирования коллекций и их описанием.

Но вместе с тем хочется подчеркнуть, что СПбТБ не архив. Она принимает участие во всех сторонах современной театральной жизни. Прежде всего, это относится к работе с театрами (и не только петербургскими), а также с радио, кино и телевидением: библиотека предоставляет пьесы для постановок (часто в разных редакциях); подбирает по заявкам необходимую литературу и иллюстративный материал; дает справки об истории постановок и исполнителях.

Почти половину всех читателей библиотеки (47%) составляют специалисты: режиссеры, актеры, художники, завлиты, искусствоведы, журналисты, преподаватели вузов.

Еще одно важное направление работы библиотеки — участие в подготовке кадров будущих специалистов. СПбТБ никогда не брала на себя функции учебной библиотеки, но 42% ее читателей — студенты, главным образом, Академии театрального искусства, Академии культуры, Института изобразительного искусства им. Репина, Мухоминского училища.

Ежегодно до 400 читателей приезжают к нам со всех концов России, а также из ближнего и дальнего зарубежья.

Скажу сразу, что информатизация для нас — это не дань моде, а насущная потребность. Иным путем СПбТБ не сможет ни раскрыть по-настоящему свои фонды, ни сохранить авторитет в глазах читателей, ни участвовать в международном библиотечном сотрудничестве.

Библиотека гордится своими фондами и коллекциями, но это налагает на нас и огромную ответственность: как обеспечить их сохранность и, одновременно, сделать доступными, реализовать их огромный культурный потенциал?

Именно в решении этой проблемы мы увидели, прежде всего, большие возможности, которые предоставляет компьютеризация:

1. Создание баз данных на редкий фонд и коллекции.
2. Создание фонда электронных страховочных копий на наиболее ценные документы.

Но, как показала практика, внедрение новой техники и технологий влияет практически на все направления работы библиотеки.

После долгих обсуждений и споров было принято решение, что автоматизированная система Театральной библиотеки должна состоять из 3-х подсистем:

1. Подсистема автоматизации библиотечно-информационных процессов, таких как комплектование, каталогизация и систематизация, предметизация (сюда же относится автоматизация картотек, которые ведет библиографический отдел).
2. Подсистема автоматизации обслуживания пользователей, которая включает:
  - регистрацию читателей
  - базу данных анкетной и учетной информации о читателях
  - реализацию поиска в генеральном электронном каталоге и в специализированных базах данных по запросу читателей
  - оформление и доставку требований читателя по локальной сети в книгохранилище.
3. Подсистема автоматизации организационно-управленческих задач. Каждая подсистема включает определенное число автоматизированных рабочих мест (АРМ), и в целом они охватывают все основные процессы и операции библиотечной работы. На уровне отделов АРМы создают единые программно-аппаратные комплексы, объединенные в сеть.

Надо признать, что общая концепция и структурная схема автоматизации библиотеки сложились не сразу, и мы думаем, что еще будем их развивать.

Подготовительный период занял почти год, но мы не считаем, что это время было потрачено напрасно. Было проведено изучение уровня организации работы всех подразделений библиотеки, чтобы выявить скрытые возможности, определить приоритеты.

Нам стало ясно, что существует противоречие между большим потенциалом библиотеки и ее реальными возможностями. Прежде всего, необходимо было решить проблему реорганизации структуры фондов, углубления работы с редкими и ценными материалами, и введения их в научный оборот. Очень остро стоял также вопрос повышения информативности справочно-библиографического аппарата, который насчитывал несколько миллионов карточек. Обе эти проблемы были непосредственно связаны с изменением характера запросов читателей, появлением новых групп пользователей, нетрадиционных для библиотеки.

Мы пришли к выводу, что решение этих проблем невозможно без изменения структуры библиотеки и укрепления ее кадрового состава специалистами высокой квалификации.

Что дала нам реализация этого направления? Самое главное, был создан (вернее, воссоздан, т.к. уже существовал в 1918 г.) отдел рукописей и редкой книги. Сейчас этот отдел работает очень активно. В отделе выделены два самостоятельных сектора — сектор театральных эскизов и сектор архивных материалов.

Не менее эффективным стало укрепление сектора каталогизации, который взял под контроль весь справочно-библиографический аппарат библиотеки, сектора иностранной литературы и сектора обменно-резервного фонда.

Важную роль сыграли организация и проведение компьютерной подготовки сотрудников библиотеки: мы использовали с этой целью разнообразные формы обучения — курсы и лекции, практикумы, индивидуальное обучение. Подготовительный период сыграл положительную роль и в том отношении, что помог

преодолеть психологический барьер у некоторых работников библиотеки: их страх перед техникой, нежелание менять привычную технологию и, более того, самим участвовать в разработке новых технологических процессов. Конечно, как всегда, были активные сторонники и активные противники, были и такие, кто надеялся, что их эти проблемы обойдут. Но вот прошло три года — и активных противников уже не осталось. Более того, повысилось профессиональное самосознание и самоуважение, появились дополнительные стимулы к повышению квалификации и творческому отношению к труду. (К сожалению, негативную роль и здесь играет несоответствие между зарплатой и прожиточным минимумом). Требуется также решение вопроса о материальном стимулировании работников библиотеки, занимающихся одним из самых трудоемких элементов компьютеризации — вводом информации и созданием баз данных.

И все-таки, несмотря на многочисленные объективные и субъективные трудности, мы получили к настоящему времени вполне осязаемые конкретные результаты. А это, в свою очередь, помогло коллективу осознать, что компьютеризация — процесс нелегкий, но для библиотеки необходимый и перспективный.

Результаты выполнения программы информатизации Театральной библиотеки за 1993–1995 гг.

- разработана структурная схема автоматизированной компьютерной системы ТБ;
- введена в эксплуатацию локальная вычислительная сеть (ЛВС ТБ), состоящая из 11 ПЭВМ (с марта 1995 г.);
- разработано программное обеспечение и введено в эксплуатацию 10 АРМов на 12 рабочих станциях;
- ведется формирование баз данных на печатный фонд (новые поступления на русском и иностранных языках), фонд эскизов, фонд материалов архивного хранения, обменно-резервный фонд. Создается БД иллюстративных материалов (на основе запросов художников, режиссеров, актеров). Всего в базы данных введено около 12 тыс. записей;
- разрабатывается новая система классификации документов (на базе ББК для научных библиотек) в целях подготовки к межбиблиотечному обмену информацией;
- создается специализированная БД — биобиблиографический указатель “Г. А. Товстоногов”;
- на основе материалов из графической БД АРМа “Художник” создана и записана на лазерный диск (CD-ROM) презентационная мультимедийная программа “Экскурсия по Санкт-петербургской Театральной библиотеке” (опытный вариант);
- формируется программно-аппаратный комплекс для установления связей и обмена информацией с другими библиотеками и центрами культуры;
- ежегодно проводятся занятия по компьютерной подготовке.

Структура, функциональные возможности и технические характеристики БИПС ТБ

Как уже было сказано, структура БИПС ТБ связана со структурой библиотеки: она состоит из программно-аппаратных комплексов, создаваемых на базе отде-

лов ТБ и объединенных в единую сеть. На каждом АРМе пользователь имеет возможность не только выполнить необходимые технологические операции, но и получить информацию со всех доступных системе источников. (При работе на ПЭВМ библиотекари активно используют как специализированные ПО, так и стандартные программы — например, текстовый редактор MS Word 6.0 for Windows). На выделенном файл-сервере хранятся записи генерального электронного каталога — сейчас роль ГЭК выполняет один из компьютеров библиографического отдела.

В настоящее время в каждом отделе ТБ (кроме отдела обслуживания) функционируют от 1 до 4-х АРМов, что создало основу для развития их в программно-аппаратные комплексы отделов и объединения в систему.

В качестве базовых средств вычислительной техники используются ПЭВМ с архитектурой процессора фирмы Intel моделей 80486 (12 ед.), 80586 (1 ед.). Каждый компьютер имеет жесткий диск емкостью не менее 200 Мбайт и объем оперативной памяти (РАМ) не менее 8 Мбайт. Рабочие станции снабжены принтерами. Работа всех специализированных библиотечных программ предполагается в среде ОС Windows. В качестве языка программирования используется Fox Pro 2.6 for Windows. (Часть программ, написанных ранее для ОС DOS, работает под управлением Windows как приложение).

Для осуществления межмашинного обмена информацией все компьютеры объединены в одноранговую локальную вычислительную сеть (ЛВС). Для этого используется аппаратный протокол обмена Ethernet. В каждом компьютере установлена сетевая карта производства фирмы 3 COM марки 3С509.

В качестве сетевой операционной системы (ОС) используется Microsoft Windows for Workgroups 3.11.

Автоматизированные рабочие места в отделах библиотеки

Отдел комплектования, обработки и каталогизации — действуют 3 АРМа (на 4-х рабочих станциях).

АРМ “Комплектование-1” (Подписка) — программное обеспечение (ПО) установлено на 3 рабочие станции; автоматизированы следующие операции:

- формирование списков заказываемых периодических изданий;
- печать форм по остановленным образцам;
- регистрация поступления периодики и контроль за ним;
- формирование списка впервые полученных ТБ периодических изданий (для передачи в ЭК “Периодика”);
- формирование указателя новых поступлений периодики.

АРМ “Обработка” на двух ПЭВМ (“Обработка-1” для сектора обработки отечественных изданий; “Обработка-2” для сектора обработки иностранной литературы) имеет вспомогательный программный модуль для составления библиографических записей на немецком и французском языках. ПО установлено на 4 рабочие станции отдела. Автоматизированы следующие операции:

- формирование и накопление записей для ГЭК;
- формирование и печать комплекта каталожных карточек и прикнижного формуляра;
- формирование указателя новых поступлений (на русском и иностранных языках).

АРМ “Периодика” (ЭК периодических изданий на русском языке).

ПО установлено на 1 раб. станцию; автоматизировано:

- формирование справочников для дальнейшего использования в программах ввода, корректировки и поиска в ЭК;
- формирование данных ввода периодических изданий для пополнения ЭК;
- формирование и печать комплекта каталожных карточек;
- отбор описаний из ЭК по запросу пользователя (по заданным реквизитам);
- выполнение запросов по заданной тематике (в соответствии с выбранным кодом из справочника), корректировка справки и печать.

Отдел редкой книги, документов архивного хранения и эскизов

В состав программно-аппаратного комплекса отдела сейчас входят 2 АРМа.

АРМ “Архив” — предназначен для обработки и формирования ЭК на фонд документов архивного хранения (рукописные и др. материалы, принадлежавшие видным деятелям отечественного и зарубежного театра XIX–XX вв.). Автоматизированы:

- формирование справочников для дальнейшего использования в программах ввода, корректировки и поиска в ЭК;
- формирование данных ввода по архивам и по единицам хранения;
- формирование и печать комплекта каталожных карточек с возможностью корректировки перед печатью;
- отбор карточек из ЭК по заданным реквизитам с целью их корректировки;
- поиск в ЭК по запросу пользователя с возможностью отбора карточек и их печати.

В 1995 г. в ЭК АРМа введен архив П. П. Гайдебурова, включающий 73 ед. хр. (ок. 1000 различных документов). Сформированы следующие справочники этого архива: персоналия, виды документов, названия театральных учреждений, названия постановок, имена персонажей.

Рабочая станция АРМа “Архив” не подключена к ЛВС ТБ, ПО АРМа “Архив” написано под ОС DOS и пока оставлено без изменений, однако уже сейчас эта программа работает под управлением ОС Windows как приложение.

АРМ “Художник” — предназначен для формирования ЭК на фонд эскизов театральных костюмов и декораций (XVIII–XX вв.). Записью этого каталога является картотека, содержащая описание эскиза (по музейному образцу), и связанная с карточкой электронная копия эскиза (“картинка”), ПО АРМа “Художник” написано на языках “Fox Pro 2.6 for Windows” и “Borland Pascal 7.0 for Windows” и работает под ОС Windows.

Автоматизированы следующие операции:

- формирование справочников для использования при вводе карточек и при поиске;
- ввод описания эскиза и подключение к нему иллюстрации (“картинки”);
- печать каталожных карточек;
- отбор описаний эскизов из ЭК по заданным реквизитам;
- просмотр электронной копии эскиза на экране монитора;
- проведение переинвентаризации эскизов.

В программе поиска АРМа “Художник” предусмотрена возможность создания пользователем нужной ему модели поиска из предлагаемого набора полей.

В 1995 г. для этого АРМа разработано новое ПО, позволяющее осуществлять автоматический просмотр набора эскизов и их описаний на экране монитора основной и удаленной рабочих станций (АРМы “Дежурный библиограф” и “Отдел внешних связей”), а также на экране телевизора Panasonic TC-29 GF10R через TV-coder, который подключен к компьютеру АРМа “Отдел внешних связей”. Продолжает пополняться БД, в АРМе “Художник” свыше 600 электронных копий цветных изображений эскизов (не сжатых) записаны на магнитную ленту или компакт-диск и составляют резервный фонд:

- в графическую БД АРМа “Художник” записано 750 электронных копий эскизов, сжатых в 10–20 раз (без потери качества изображения);
- в ЭК вводится текстовая информация об эскизах по заданной форме;
- создается резервный фонд эскизов на слайдах (600 ед.).

С целью сокращения места, занимаемого базой данных эскизного фонда на диске, все иллюстрации подвергаются процедуре сжатия с помощью аппаратных и программных средств компании Images Inc. Величина сжатия (от 10 до 20 раз) выбрана такой, чтобы качество “картинки” оставалось высоким. Для отображения “картинки” на экране при просмотре базы данных служит специальная сервисная программа, которая распаковывает “картинку” и выводит ее в стандартном для Windows-приложений виде на экран монитора. Наличие полос прокрутки позволяет просматривать всю “картинку”, даже если она по размерам не помещается целиком на экран. При необходимости существует возможность вной копии, записанной на CD-ROM.

Отдел основного книгохранения

В отделе создан и введен в эксплуатацию АРМ “Обменно-резервный фонд”. Основные операции, выполняемые с помощью ПО АРМа: обработка поступающих и выбывающих изданий, суммарный учет (по видам изданий и по содержанию), формирование ЭК ОРФ, печать комплекта каталожных карточек, поиск в ЭК по заданным реквизитам, сверка по сети с ГЭК, печать актов поступления и выбытия. В настоящее время проводится доработка АРМа в процессе эксплуатации.

Библиографический отдел

Введены в эксплуатацию 2 АРМа.

АРМ “ХПО” (Художественно-постановочный отдел) — предназначен для создания каталога иллюстративных материалов (в помощь тем, кто создает спектакли и кинофильмы или работает над образом).

- формирование справочников поисковых ключей для дальнейшего использования в программах ввода, корректировки и поиска;
- формирование данных и их передача в ЭК ХПО;
- печать комплекта каталожных карточек;
- поиск по запросу пользователя для корректировки по любому из заданных реквизитов;
- поиск по запросу в ЭК с возможностью отбора карточек по заданным признакам и их печати.

ПО АРМа “ХПО” написано в 1994 г. под ОС DOS, в настоящее время работает под управлением Windows как приложение.

В БД АРМа “ХПО” введено 2000 записей.

АРМ “Дежурный библиограф”. ПО предназначено для просмотра записей в ГЭК и в специализированных ЭК. По желанию вводится в файл для просмотра или выводится на печать.

Отдел внешних связей

Разработан один АРМ, предназначенный для выполнения следующих операций: установление связи и обмен информацией с другими библиотеками на региональном и федеральном уровнях; обеспечение выхода в международную компьютерную сеть; запись на видеокассету; создание и запись материалов на лазерных компакт-дисках, просмотр материалов из баз данных, имеющихся в ТБ.

Этот АРМ создан на базе компьютера с процессором Intel 586. Компьютер дополнительно оснащен мультимедиа-системой, видеомагнитофоном Panasonic NV-SD 400 и телевизором типа Panasonic TC-29GF10R, которые могут быть использованы в процессе создания мультимедийных продуктов. Сюда же подключено устройство для записи лазерных компакт-дисков и устройство для вывода цветных изображений с монитора на экран телевизора и для записи на видеокассету. В настоящее время продолжается отработка этой аппаратуры в различных режимах и сочетаниях.

Для вывода на печать текстовых и графических материалов к компьютеру также подключены черно-белый лазерный принтер и цветной струйный принтер.

Для связи с другими организациями на рабочей станции установлен внешний факс-модем и стандартное коммуникационное ПО, которые позволяют принимать и посылать электронную почту и факсы.

Перспективы развития библиотечно-информационной системы в Санкт-Петербургской Театральной библиотеке

Предполагается дальнейшее наращивание возможностей БИПС ТБ: продолжение автоматизации библиотечных процессов; пополнение электронных каталогов; развитие новых видов информационных услуг; освоение передовых компьютерных технологий (мультимедиа и коммуникаций).

Для достижения поставленной цели планируется:

- Развитие программно-аппаратных комплексов в отделах ТБ.
Создание 14 новых АРМов:

Отдел обслуживания (3):

“Запись, перерегистрация и учет читателей”

“Читальный зал”

“Абонемент”.

Библиографический отдел (2):

“Аналитика” (аналитическая обработка информации по театру и создание БД на 4-х станциях);

“Дежурный библиограф-2”.

Отдел основного книгохранения (2):

“Хранитель основного фонда”;

“Сектор газетно-журнальных вырезок”.

Отдел редкой книги и рукописей (2):

“Репертуар русского театра XVIII-нач. XX вв.”;

“Фонд иностранных изданий XVI-XIX вв.”.

Отдел комплектования, обработки и каталогизации (3):

“Комплектование-2” (учет заказанной литературы на русском и иностранных языках);

“Систематизатор”;

“Редактирование и обслуживание ГЭК”.

Отдел внешнего обслуживания (1):

“Настольное издательство”.

Дирекция (1):

“Зам. директора по библиотечной работе”.

- Размещение ГЭК на выделенном файл-сервере — высокопроизводительном компьютере с процессором типа Intel 586 — 100 МГц, с винчестером, емкостью 1–2 Гбайт, оперативной памятью 16 Мбайт; для файл-сервера ЛВС ТБ предполагается установить источник бесперебойного питания (ИБП) типа Smart UPS 600, а также SQL-сервер, который позволит обеспечить оптимальный порядок обработки запросов со всех рабочих станций ЛВС.
- Изучение использования русской версии MARC-формата для нормативных записей.
- Продолжение формирования и пополнения ГЭК и специализированных баз данных; создание новых баз данных.
- Формирование резервного фонда эскизов на лазерных дисках. Разработка концепции создания лазерных дисков с записью материалов из коллекции ТБ. Создание нового мультимедийного продукта (“Архив М. Фокина”).

Думаю, не будет преувеличением сказать, что в Санкт-Петербургской Театральной библиотеке сейчас идет процесс обновления — создание “нового типа старой европейской библиотеки”. Пока мы сделали только первые шаги, но буквально каждый день приносит что-то новое. А главное — появились перспективы.

Все наши усилия направлены на то, чтобы создать современное библиотечное учреждение, отвечающее международным стандартам, но сохраняющее своеобразие.

Мы приступаем ко второму этапу программы информатизации, одной из главных задач которого является интеграция библиотеки в национальные и зарубежные сети по культуре. Все технические возможности у нас для этого есть. Они позволяют нам уже сейчас выйти на контакты с удаленными библиотеками и наладить информационный обмен.

Мы знаем, что библиотеки России имеют очень интересные фонды по театру и хотели бы получать для наших читателей информацию о них. Со своей стороны мы готовы отвечать на ваши запросы. Необходимо восстановить те связи, которые у нас существовали многие годы. Мы также заинтересованы иметь сведения о новых местных изданиях, информация о которых до нас часто не доходит.

В заключении хочется отметить: все, что в настоящее время нам удалось осуществить, стало возможно благодаря помощи и поддержке Министерства культуры РФ, которое по существу явилось инициатором этой программы.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И УДОВЛЕТВОРЕНИЯ

Татьяна Владимировна Соколова — зав. сектором обслуживания Российской национальной библиотеки, канд. пед. наук, автор многих публикаций по вопросам обслуживания читателей и другим проблемам библиотечного дела.

Исторические реалии не только меняют систему регуляции и саморегуляции социального поведения личности, но и воздействуют на социальные потребности, делая актуальным поиск новых путей выхода из сложных ситуаций, что особенно важно для современной России.

Реализация объективно обусловленных вариантов новых статусно-иерархических отношений, иных систем ценностей и установок требует более активного включения компенсаторных личностных механизмов, формирования особых форм готовности, позволяющих адекватно воспринимать и оперативно действовать в условиях быстро меняющихся ситуаций. Необходимость соответствовать требованиям изменившегося рынка труда и желание сохранить социальную уверенность и оптимизм в значительной мере объясняют специфику процессов, происходящих в сфере информационных потребностей российских граждан.

Характерная для последних лет гуманитаризация информационных потребностей имеет, таким образом, как внешние, так и внутренние стимулы для своего развития, комплексность и специфическая сегментация которых существенно осложняет их изучение и прогнозирование.

Контингент читателей российских библиотек представляет собой обширную и репрезентативную базу изучения современных информационных потребностей в различных аспектах, однако по ряду причин широкомасштабные исследования данной проблематики в последние годы не проводились, хотя практическая необходимость в этом обострилась в связи с внедрением новых информационных технологий.

В настоящее время представляется недостаточной ориентация на абстрактного читателя и теоретические модели информационных потребностей, необходимы точные и конкретные знания как основа для организации мобильной и экономичной системы обслуживания и обучения пользователей действующих или проектируемых автоматизированных библиотечных систем.

Новые задачи, формы, результаты прикладных исследований обсуждались, в частности, на семинаре “Современные пользователи АИБС: проблемы изучения и обучения”, организованном Российской национальной библиотекой (РНБ) в рамках 3-й международной конференции “Крым-96”.

Изучение состава читателей и их запросов на литературу является традиционным элементом деятельности РНБ, направленной на удовлетворение универсальных информационных потребностей практически всех категорий пользователей, от школьников и студентов до специалистов с высшим образованием и профессоров.

В начале 1990-х гг. в обслуживании читателей РНБ возникли новые проблемы, связанные, в частности, с очевидными изменениями социально-демографических характеристик состава читателей и их информационных потребностей. Динамизм социокультурной ситуации, изменение статуса библиотеки, приближение сроков ввода в строй нового здания на 2 тыс. читательских мест поставили в ряд неотложных задач модернизацию и реорганизацию практической работы в соответствии с новой стратегией библиотечно-библиографического обслуживания, для подготовки которой потребовалось осуществить так называемую предпрогнозную ориентацию.

Получение дополнительной информации для анализа конкретного прогностического фона явилось основной целью исследования “Современный читатель РНБ как объект библиотечно-библиографического обслуживания”, проведенного в 1994–1995 гг. на базе отделов РНБ: отдела фондов и обслуживания (ОФО) и информационно-библиографического отдела.

В качестве центрального элемента исследования было выбрано анкетирование представителей основных категорий посетителей РНБ: читателей общих залов (ОЧЗ), свыше 90% которых составляют студенты, и читателей научных залов (НЧЗ), то есть специалистов, имеющих высшее образование. Из 1200 анкет оказались пригодными для компьютерной обработки 1042, в том числе 625 — по НЧЗ и 417 — по ОЧЗ.

Результаты анкетирования, связанные с отраслевым аспектом обслуживания, дополненные статистическими данными ОФО, позволили создать достаточно достоверную картину информационных потребностей современных читателей, определить наиболее оптимальные сочетания традиционных и инновационных элементов структуры библиотечно-библиографического обслуживания в условиях нового здания РНБ.

Регистрация (запись) читателей РНБ производится по пятилетним циклам. Сопоставительный анализ двух последних циклов, включая 1995 год, позволяет сделать вывод о начавшейся тенденции превалирования числа специалистов гуманитарного профиля в общей совокупности читателей РНБ. Если ранее специалисты в области техники и точных наук составляли 50% всех читателей НЧЗ, то сейчас они составляют лишь 40%, с соответствующим изменением количества гуманитариев с 37% до 47%, при стабильных 13%, приходящихся на специалистов естественно-научного профиля.

Подобные процессы характерны также для учащейся молодежи, что связано с расширением и укреплением в последние годы гуманитарной компоненты среднего и высшего образования. Специалистам, ориентированным на будущее, уже недостаточно рецептурных знаний в своей узкой отрасли, необходимо фундаментальное образование в гуманитарных областях, прежде всего — в области наук о человеке, то есть наук социальных.

Особый интерес представляет динамика изменений внутри определенных отраслевых групп пользователей. Например, можно констатировать, что среди посетителей РНБ становится меньше историков, языковедов, сотрудников учреждений культуры и искусства, но возрастает количество юристов, экономистов, литературоведов, специалистов в области маркетинга и менеджмента. Однако делать выводы об устойчивой тенденции пока преждевременно, хотя выявленная динамика в целом соответствует общей социально-экономической ситуации в России и в некоторой степени может быть прогнозируема.

В частности, нет оснований предполагать, что в дальнейшие годы произойдут значительные изменения в распределении читателей РНБ по сферам занятости. По данным 1995 г. свыше 33% читателей преподают в вузах, около 12% работают в научных организациях и учреждениях, 9% заняты в здравоохранении, менее 4% — в промышленности. С учетом новых требований к большинству профессий и изменившимся задачам высшей школы, это означает неизбежность дальнейшей гуманитаризации информационных потребностей читателей и необходимость корректировки способов и форм их удовлетворения.

Дополнительным обоснованием гипотезы о качественном изменении информационных потребностей различных слоев российского общества и устойчивой тенденции к гуманитаризации являются результаты анализа посещаемости и книговыдачи РНБ за последние 10–11 лет.

Среднегодовая посещаемость всех читальных залов РНБ составляет свыше 1,2 млн. человек, книговыдача — 10 млн. экз. Центральное место в структуре этих показателей долгие годы занимали специалисты в области техники и точных наук, что было связано с превалированием интересов военно-промышленного комплекса.

Актуализация гуманитарной проблематики научных исследований, новые прикладные задачи существенно изменили алгоритм читательского поведения, в том числе сегментацию спроса на литературу. К началу 1996 г. посещаемость гуманитарных отраслевых залов в 2 раза превысила посещаемость зала технической литературы и более чем в 5 раз — зала медико-биологической литературы. Книговыдача изданий в отраслевых залах гуманитарного профиля составила 50%, в фонде журналов на русском языке — 75%, в фонде книжных и периодических изданий на иностранных языках — свыше 50%, в центральной справочной библиотеке — не менее 50%.

Примечательны результаты внутриотраслевого изучения книговыдачи гуманитарного профиля, особенно — в читальном зале социально-экономической литературы. Первое место прочно удерживает экономика, второе — юриспруденция, третье — история. Раздел “Философия”, ранее включавший большой объем изданий по марксизму-ленинизму и находившийся в числе лидеров по спросу, занял только четвертое место, которое он делит с разделом “Психология”. Произведения основоположников коммунистической теории и практики, а также весь спектр материалов КПСС остаются в сфере информационных интересов читателей РНБ, но уже не в качестве предмета всеобщего и обязательного изучения и единственного руководства к действию, а как источниковедческая база исторических исследований. Применительно к читателям РНБ подобную источниковедческую роль нередко имеет также художественная литература, хотя нельзя исключать и компенсаторную функцию бестселлеров.

Гуманитарные науки занимают ведущее место в структуре книговыдачи таких специализированных отделов РНБ, как отдел литературы на языках стран Азии и Африки, отдел эстампов и другие. В целом имеются все основания предположить, что тенденция гуманитаризации информационных потребностей имеет не только очевидный, но и достаточно устойчивый характер, что является несомненной предпосылкой дальнейшего развития РНБ как исследовательской библиотеки. В этой связи особое практическое значение приобретают проблемы удовлетворения информационных потребностей, и, прежде всего — поиск эффективных компромиссов между потенциальными желаниями читателей и реальными возможностями библиотеки, которые во многом зависят от состояния современного книжного рынка.

Экспресс-опрос более 200 читателей РНБ, проведенный в мае 1996 г. по просьбе Ассоциации петербургских издателей, показал, что, несмотря на количественную насыщенность книжного рынка, книжный репертуар последних лет имеет много серьезных лакун, в том числе — в гуманитарной сфере.

По мнению читателей-специалистов, остается неудовлетворительной ситуация с изданием научных трудов в области педагогики, языкознания, теории и истории искусства, социологии, юриспруденции. Конкретные пожелания, связанные с необходимостью переиздания определенных работ, во многом отражают проблемы обслуживания старой книгой, в том числе — не всегда удачное маневрирование между доступностью и сохранностью библиотечного фонда.

Заметно снижается интерес к исторической, мемуарной литературе, хотя в целом данное направление спроса еще нельзя считать удовлетворенным, особенно в среде специалистов негуманитарного профиля. Примечательно, что постоянные посетители зала технической литературы продемонстрировали также сохраняющийся интерес к публикациям в областях юриспруденции, менеджмента, банковской и бухгалтерской деятельности, то есть подтверждается проявившаяся с начала 1990-х гг. тенденция к профессиональному перепрофилированию и переобучению.

Вопросы информационной обеспеченности непрерывного образования и переобучения взрослых требуют оперативных решений на государственном уровне наряду с традиционной деятельностью высшей школы, что подтверждают высказывания, оценки, пожелания читателей-студентов.

Национальная библиотека и студенты — тема для самостоятельного исследования, ограничимся лишь констатацией того факта, что многие вузовские библиотеки переживают сейчас трудный период, поэтому обслуживание учащейся молодежи с каждым годом требует от РНБ все больше усилий и времени, что делает весьма проблематичной возможность одновременного выполнения в полном объеме функций исследовательской библиотеки.

Ввиду предстоящего освоения нового здания РНБ поиск оптимальных вариантов сочетания различных функций библиотеки перемещается из сферы теории в сугубо практическую плоскость. В числе предстоящих перемен — введение единого читательского билета для основных категорий посетителей, что означает, прежде всего, отказ от дифференциации обслуживания студентов и специалистов с высшим образованием.

Система дифференцированного обслуживания читателей РНБ начала формироваться с 1860-х гг., когда в Императорской публичной библиотеке организуется особая журнальная комната, а при новом читальном зале создается фонд справочных и наиболее спрашиваемых изданий, то есть в условиях активно растущей посещаемости делается попытка разделить поток посетителей в соответствии с характером читательских запросов.

В дальнейшем применение принципа дифференциации расширилось, в результате была создана с учетом возраста, специальности и уровня образования читателей комплексная система читальных залов, существующая в РНБ до настоящего времени, что во многом является не столько свидетельством определенного консерватизма, сколько следствием объективных социальных и экономических условий.

Планирование инновационной деятельности в сфере обслуживания читателей предполагает решение достаточно широкого диапазона конкретных проблем, в числе которых — сравнительная оценка инновационной диспозиции всех реальных и потенциальных участников разработки и внедрения нововведений. При этом

можно считать стратегически правильным выбор гуманитарной проблематики в качестве одного из главных аспектов изучения.

Учитывая, что инновационная диспозиция, как правило, соответствует общей диспозиционной структуре личности, особый интерес представляет связь между ценностными ориентациями и готовностью к нововведениям, то есть степень внутренней согласованности инновационной диспозиции. Отметим, что выявление и разносторонний анализ подобной взаимосвязи сложны и требуют специального исследовательского инструментария.

В рамках проведенного анкетирования представилось возможным получить ответы лишь на некоторые вопросы, связанные с будущим РНБ, которые имеют, однако, принципиальный характер для уточнения стратегии РНБ в сфере обслуживания читателей.

Один из таких вопросов — реакция респондентов на предполагаемое введение в РНБ единого читательского билета с одновременным расширением приоритетного обслуживания особых категорий пользователей.

Примечательно, что в оценке первой части планируемых изменений было проявлено почти полное единодушие, независимо от специализации респондентов: одобряют эту меру 64% читателей зала художественной литературы и искусства, 65% — зала социально-экономической литературы, 63% — зала технической литературы; 58% — зала биологии и медицины. Несмотря на очевидность приведенных сведений, их восприятие нуждается в некоторой корректировке и комментариях.

При всей важности отраслевого подхода, это лишь одна из возможных форм выявления инновационной установки читателей, что было учтено при разработке методики анкетирования, основанной на многовариантности критериев. В результате выяснилось, что критерием, в наибольшей степени детерминирующим то или иное установочное отношение читателей к введению единого билета, стал уровень образования, реализуемый в РНБ через принадлежность к определенным читальным залам.

Предполагалось, что читатели НЧЗ продемонстрируют больше консерватизма в данном вопросе. Действительно, лишь 47% респондентов НЧЗ одобряют планируемое новшество, что почти в 1,5 раза меньше соответствующего числа респондентов ОЧЗ, 87% которых дали однозначно положительный ответ. Категорическое “не одобряю” высказали 36% респондентов НЧЗ и 6% — ОЧЗ, затруднились ответить, соответственно, 17% и 7%.

Любопытен тот факт, что психологическая готовность к будущему “соседству” со студентами у специалистов с гуманитарным образованием значительно ниже, чем у выпускников технических и медико-биологических вузов. Со стороны некоторых посетителей научных залов гуманитарного профиля уже сейчас имеются случаи протеста против практикуемой записи в НЧЗ студентов, пишущих дипломные работы.

Одна из причин связана, вероятно, со спецификой информационных потребностей гуманитариев, в значительно большей степени, чем у других категорий, обусловленных образовательными задачами.

Обращаются в РНБ, имея учебные цели, 23% респондентов с медико-биологической специализацией, 26% — с технической, 49% — с литературно-художественной, 52% — с социально-экономической.

Обращения в связи с преподавательскими функциями составляют, соответ-

ственно, 18%, 16%, 23%, 18%. Учитывая, что студенты и преподаватели нередко нуждаются в одних и тех же изданиях, можно предположить, что на оценочные установки гуманитариев существенно повлияла ситуация с книгообеспеченностью (лакуны книжного репертуара, недостаточное количество библиотечных экземпляров и т. д.).

Интересны и во многом симптоматичны мнения респондентов о предполагаемом расширении приоритетной категории читателей РНБ. Не останавливаясь на деталях, отметим, что в настоящее время по приоритетному принципу обслуживаются преимущественно доктора наук, представители профессорского состава.

После соединения двух основных потоков читателей — НЧЗ и ОЧЗ — в единых залах, может возникнуть необходимость в расширении приоритетной категории пользователей за счет включения в нее кандидатов наук.

В ходе анкетирования выяснилось, что гуманитарии не только обладают достаточной когнитивностью, то есть знают и сопоставляют “плюсы” и “минусы” существования читательской элиты, но и более благосклонно относятся к планам ее расширения: на вопрос “следует ли расширить приоритетную категорию читателей” ответили положительно 36% респондентов с литературно-художественной специализацией, 35% — с социально-экономической, 31% — с технической и 24% — с естественно-научной.

Предполагалось, что разные уровни отношения прямо пропорциональны процентному составу кандидатов наук в соответствующих отраслевых группах читателей, однако эта гипотеза не подтвердилась.

По результатам статистического анализа, количество кандидатов наук, записавшихся в читальные залы гуманитарного профиля, примерно в 1,5 раза меньше, чем записавшихся в технический и медико-биологический залы, то есть причинно-следственные связи в данном случае более сложны и выходят за рамки формальной логики. В целом можно констатировать наличие некоего феномена читательского поведения гуманитариев, имея в виду неразрывность и взаимообусловленность внешних проявлений и элементов ценностно-ориентационной структуры личности.

Создание объяснительной модели, раскрывающей сущность данного феномена, — задача будущих исследований, которые, по нашему мнению, должны ориентироваться преимущественно на социально-психологические факторы, определяющие характер взаимоотношений читателя и библиотеки.

Подобные исследования можно расценивать как важное условие успешной практической реализации концепции исследовательской библиотеки как учреждения, где концентрируются и удовлетворяются преимущественно гуманитарные информационные потребности.

Многоаспектное изучение читательского поведения гуманитариев имеет также общекультурную и политологическую значимость, учитывая особую, традиционную для России социальную активность гуманитарной интеллигенции.

КОНЦЕПЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ БИБЛИОТЕКИ И ПРОБЛЕМЫ ОБСЛУЖИВАНИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ-СТУДЕНТОВ В РНБ

Галина Ивановна Красильникова — главный библиотекарь общих читальных залов Российской национальной библиотеки; активно выступает на научных конференциях и семинарах; особый интерес проявляет к изучению инновационных процессов в обслуживании студентов.

Концепция исследовательской библиотеки, предложенная доктором Б. Фабианом, предполагает дифференцированное обслуживание. Обслуживание читателей с учетом возраста, уровня образования и специальности в РНБ фактически началось с 1925 г. Система дифференцированного обслуживания, имеющая целью создание наиболее благоприятных условий доступа к научной литературе специалистов с высшим образованием, окончательно оформилась к началу 70-х гг.

Безусловно, говорить о том, что были созданы все условия для свободной исследовательской деятельности, неправомерно, прежде всего, в силу идеологических установок на доступность или закрытость информации.

Официальное снятие запретов при обращении к источникам информации, десятилетиями хранившимся в так называемых спецхранах (доступ к литературе специального хранения был строго ограничен), не означало, что вопросы создания оптимальных условий для проведения научных исследований в стенах библиотеки решены.

Возможность обращения к уникальным фондам РНБ не только большого количества читателей научных читальных залов, но и студентов, которые составляют около 80% читателей общих читальных залов и более 40% читателей в целом по РНБ, породила новые проблемы обслуживания.

Выявлению основных причин увеличения количества заказов изданий из основного фонда РНБ (за период с 1987 по 1994 г. количество посещений в зале основного фонда возросло на 80%) было посвящено исследование «Информационные потребности читателей-студентов РНБ», проведенное в отделе общих читальных залов в 1992–1994 гг.

Информационные потребности студентов не ограничиваются только потребностями, связанными с получением высшего образования, но именно потребности, связанные с учебной деятельностью, проведением первых самостоятельных научных исследований, являются преобладающими при обращении к подсобным фондам РНБ.

Информационные потребности студенческой молодежи различных вузов Санкт-Петербурга изучались в отделе общих читальных залов на протяжении ряда лет. Итогом этого изучения явился вывод об изменении содержания информационных потребностей студентов, наметившимся с конца 80-х гг. Причи-

ны таких изменений проистекают из новых требований общества к образованию. Реформирование системы высшего образования при переходе к постиндустриальному обществу в развитых странах, начавшееся в 60–70-е гг. и продолжавшееся в 80-е гг., предусматривает способность обучаемых к поиску новых знаний, к проективной детерминации будущего. Специалисты по проблемам высшего образования выделяют такие черты реформы высшего образования, которая теперь проходит и в России, как инновационность, гуманитаризация содержания, форм и методов образования. Специалист, подготовленный в высшей школе, должен быть творческой личностью, способной к многовариантному решению задач. Достижение этой цели потребовало изменения содержания учебных курсов и программ, что и привело к изменению содержания информационных потребностей студентов, особенно обучающихся на гуманитарных факультетах.

И ранее большинство читателей-студентов в РНБ составляли студенты СПбГУ, РГПУ, СПбУЭФ, преимущественно гуманитарных факультетов, так как вузовские библиотеки и прежде испытывали затруднение в комплектовании фондов научной литературой гуманитарного профиля. Поэтому комплектование подсобных фондов общих читальных залов ориентировалось преимущественно на научную и научно-популярную литературу последних лет изданий. При необходимости обращения к изданиям более ранним читатели пользуются системой заказа в основном фонде.

Учебная литература в достаточном количестве имела в фондах вузовских библиотек. Ухудшение комплектования не только научной литературой, но и учебной литературой в вузовских библиотеках явилось причиной обращения студентов в фонды научных библиотек, в том числе РНБ, БАН. Поэтому к концу 80-х годов значительно увеличилась доля заказов литературы из основного фонда.

Проведенные в отделе общих читальных залов исследования показали, что 25% заказанных в основном фонде изданий — издания дореволюционных лет, а 29% — изданы после 1986 г. Если рассматривать отрасли знаний, то 18% литературы заказывается по истории, 14% — по языкознанию, 11,3% — по экономике, 10,5% — по литературоведению, 7,5% — по философии, 5% — по политическим наукам, 4% — по праву, 4% — по религии, 4% заказов составляет художественная литература. То есть доля заказов на издания гуманитарного профиля составляет более 80% от общего количества заказов.

Если же рассматривать цель обращения студентов к уникальным основным фондам РНБ, то 60% заказов были связаны с написанием рефератов, курсовых и дипломных работ, 36% — с подготовкой к занятиям в вузе (практические занятия, семинары).

Не останавливаясь сегодня более подробно на таких проблемах обслуживания читателей-студентов, как значительный рост посещаемости, падение общей и информационной культуры, отметим, что в отличие от тех стран, где информационное обеспечение высшего образования осуществляется, в основном, библиотеками университетов и колледжей, в нашей стране фонды вузовских библиотек, прежде всего, тех вузов, которые дают гуманитарное образование (как негосударственных, так и государственных) не соответствуют в полной мере информационным потребностям студентов. Это характерно не только для Санкт-Петербурга, но и для Москвы и для других центров высшего образования в России. Поэтому универсальные научные библиотеки, нацио-

нальные библиотеки в обозримом будущем должны будут занимать определенное место в системе информационного обеспечения высшего образования. И это, в определенной степени, будет противоречить реализации стратегии развития национальных библиотек как исследовательских. Прежде всего, имеется в виду, что значительная посещаемость не способствует созданию комфортной библиотечной среды, как одного из условий реализации концепции исследовательской библиотеки. Во-вторых, рост количества обращений к основным фондам ставит очень серьезную проблему сохранения основных фондов. В-третьих, определенные издания одновременно могут быть заказаны как научными сотрудниками, так и студентами, то есть не всегда доступны.

Упомянутая в докладе доктора Б. Фабиана ситуация, когда библиотека Гарвардского университета, является не только учебной, но и исследовательской библиотекой, к сожалению, заставляет сделать неутешительный вывод о том, что РНБ с ее уникальными фондами используется не столько как исследовательская, сколько как вузовская библиотека. Но, с другой стороны, особенность развития РНБ как библиотеки исследовательской можно считать то, что уникальные фонды РНБ доступны для проведения первых исследований студентам высших учебных заведений, что может способствовать формированию культуры исследовательской деятельности у будущих специалистов.

ТЕКУЩЕЕ И РЕТРОСПЕКТИВНОЕ КОМПЛЕКТОВАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ В РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Наталья Юрьевна Стамат — зав. сектором отечественного комплектования Российской национальной библиотеки, канд. пед. наук, автор многих публикаций по проблемам комплектования и использования фондов научных библиотек; один из разработчиков Закона РФ "Об обязательном экземпляре"

Комплектование национальной библиотеки отечественной литературой как непрерывный и целенаправленный процесс, имеющий огромное значение для пополнения ее богатейших фондов гуманитарной литературы, за последние десять лет претерпело принципиальные изменения.

Это обусловлено глубокими социальными, экономическими и геополитическими трансформациями, которые переживала и продолжает переживать наша страна. Возникшие в этот период проблемы в комплектовании фондов Российской национальной библиотеки в большинстве случаев отражают специфические особенности конкретного книгохранилища. Их порождением на фоне общих катаклизмов являются глубинные связи, объединяющие совокупность библиотек с издательско-полиграфическим и книготорговым комплексом, переживаю-

щим сложный период своего развития. В числе наиболее значительных, поворотных явлений книжного дела на рубеже 90-х гг. и в последующее десятилетие, определивших политику и принципиальным образом повлиявших на практику комплектования фондов библиотеки отечественными изданиями, *в области книгоиздания* следует назвать:

1. Сужение рамок государственного сектора и возникновение большого числа альтернативных издательств различных форм собственности (7247 на 01.01.95) с разной степенью активности и профессионализма. Рейтинг по основным показателям их деятельности (количество названий, суммарный тираж, характеристика условных продаж, учитывающая средневзвешенную мелкооптовую цену каждой книги) регулярно приводится на страницах профессиональных журналов (“Книжное дело”, “Книжный бизнес”, “Витрина” и др.). Наиболее очевидным следствием многоукладности в книжном бизнесе стали трудности, с которыми сталкиваются библиотеки в этой стихии спонтанно возникающих и умирающих издательств. Одна из таких трудностей — дебиторские задолженности библиотек вследствие непредвиденного, безадресного и безвозвратного исчезновения издательств, которым были направлены деньги на приобретение требуемых книг.

2. Изменение структуры книгоиздания, связанное, прежде всего, с трудностями в издании социально значимой литературы, как научной, так и учебной:

- резким сокращением количества продолжающихся изданий и сборников, публикуемых научными и учебными институтами страны;
- появлением большого числа книг, изданных на средства авторов, труднодоступных для библиографического учета и комплектования;
- сокращением тиражей, особенно научных изданий, также сужающее возможности комплектования;
- исчезновением целых пластов литературы (массовая общественно-политическая литература пропагандистского характера, литература по обмену опытом, в помощь организации производства и т.п.);
- неистребимым пиратством и появлением большого числа перепечаток западных авторов в различных жанрах массового чтения (любовный роман, детектив, приключения, фантастика, оккультная литература и др.) одноименных названий, изданных в одно время различными издательствами.

Рекордсменом 1995 г. согласно аналитическим данным ИМЦ “Альвис” стал сентиментальный жанр (как по числу названий, так и по показателям средней тиражируемости среди книг художественной литературы — 5300 экз.). Высокие коммерческие результаты достигнуты этим жанром за счет любовных романов в мягкой обложке.

Остросужетный жанр занял уверенное второе место. На третье место в секторе художественной литературы вышла фантастика. Отечественная словесность заняла четвертое место, причем доля книг в обложке в категории “русская современная и классическая художественная литература” одна из самых высоких, а средний тираж такой книги — 3600 экз. На пятом месте по представительности экономическая и техническая литература, на шестом — энциклопедическая и справочная.

Как отмечают аналитики, кризис сбыта в области коммерческой литературы подталкивает издательства к изданию отраслевой, учебной, некоммерческой ли-

тературы и соответственно к усилению интереса к библиотекам как целевому потребителю.

Вместе с тем, в текущем комплектовании назревает проблемная ситуация, которую можно обозначить как превышение предложения книжного рынка над библиотечным спросом. Ее причины коренятся в ограниченном, нестабильном, плохо прогнозируемом финансировании, а начиная с 1996 г. — практически полном его отсутствии (статья “комплектование” национальной библиотеки входит в раздел “прочие расходы”).

Это противоречие между потенциальными возможностями, которые открылись перед библиотеками в отборе необходимой литературы, предоставляемой современной издательской деятельностью, и экономикой библиотек, которая не позволяет эти возможности использовать.

3. Отсутствие на государственном уровне полной и достоверной информации об издательской деятельности и разрыв информационного пространства, так как ни один современный источник не дает целостного представления о российском книжном рынке. В результате территории — субъекты Федерации не располагают картиной книжного рынка в целом, а центр — достаточно полной информацией о книжном потоке в регионах. Тематическое планирование практически отсутствует, отечественный вариант справочника “Books in print” (“Книги в наличии и печати”) находится в зачаточном состоянии.

В области книгораспространения:

1. Приватизация в системе книжной торговли, приведшая к значительному сокращению количества книжных магазинов, их переориентации, свертыванию репертуара книжной торговли, сдаче площадей в аренду коммерческим организациям, далеким от профиля деятельности магазина.

2. Возникновение уличной торговли, “дикого книжного рынка” с произвольными ценами, большого числа перекупщиков и мелких оптовиков (пример с Тютчевым: отказываются брать на реализацию, если нет гарантии получить 300–400% прибыли).

3. Региональная замкнутость в формировании книжного рынка и труднодоступность периферийных изданий.

4. Дороговизна почтовых услуг по пересылке литературы.

Некоторые надежды вселяет приказ Федеральной службы почтовой связи РФ, по которому с 1 августа 1996 г. введен новый порядок взимания платы за пересылку переводов наложенного платежа.

Согласно этому приказу оплата будет производиться адресатом, а при приеме наложенного платежа плата за пересылку взиматься не будет.

В области книгоснабжения библиотек:

1. Распад государственной централизованной системы, основу которой составляло центральное оптовое книготорговое объединение “Союзкнига” и предварительный заказ по тематическим планам издательств. Разрушение инфраструктуры книгоснабжения.

2. Утрата библиотечными коллекторами статуса надежных источников комплектования. Качество предоставляемого ими информационного потока не удовлетворяет главным требованиям библиотек — полноты репертуара и разнообразия

видов документов. Пассивная позиция коллекторов в ожидании предложений от посредников вместо выхода на прямые связи с издательствами, отсутствие маркетинговых служб, претензии на монополию в книгоснабжении все меньше соответствуют действительности и заставляют библиотеки искать более рациональные и экономически выгодные модели организации комплектования, налаживать отношения с другими источниками книгоснабжения.

В числе этих источников:

- покупка в магазинах и книготорговых фирмах (с середины 1995 г. В числе крупнейших поставщиков РНБ — Санкт-Петербургская книготорговая компания);
- прямые связи с издательствами (РНБ работает напрямую с 18 издательствами города).

Таким образом, в текущем отечественном комплектовании наряду с увяданием роли библиотечного коллектора происходит все большее смещение акцентов в сторону активного комплектования, вызванного к жизни и стимулируемого развитием рыночных отношений, а также падением централизации в книгоснабжении библиотек (исключением является лишь поступление обязательного экземпляра из РКП) так как даже централизованная подписка на периодику в современных финансовых условиях начинает давать сбой и в ряде случаев заставляет ориентироваться на работу без посредников по принципу “дверь в дверь”, например, в части реферативных и некоторых других журналов). Однако и в доставке обязательного экземпляра, начиная с текущего года, прослеживаются элементы децентрализации (самовывоз).

Новые горизонты открываются перед комплектователями в связи с организацией в стенах библиотеки ассортиментного кабинета петербургской книги. Это возможность последовательно отслеживать репертуар, а также приобретать литературу в одном месте на приоритетных началах и льготных условиях оплаты (по отпускным ценам издательств).

Идея ассортиментного кабинета в сочетании с региональной системой “Книги в наличии и печати” могли бы стать для библиотек надежным компасом в стихии отечественного книжного рынка.

Проблемы ретроспективного отечественного комплектования выливаются, в основном, в неплатежеспособный библиотечный спрос и отсутствие денег у библиотек на пересылку запрошенных изданий.

В заключение хотелось бы подчеркнуть принципиальное значение для самопознания комплектователя и развития в нем активного творческого начала тех глубоких количественных и качественных изменений, которые характеризуют сегодня процесс комплектования и заставляют использовать приемы и методы, отличные от тех, которыми привычно оперировали раньше.

К сожалению, доминанта этих изменений пока скорее отрицательная, чем положительная. Развитие РНБ как исследовательской библиотеки требует учета этих особенностей.

ОСОБЕННОСТИ ПРОБЛЕМ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ БИБЛИОТЕК БЫВШЕЙ ПАРТИЙНОЙ СЕТИ

(на примере библиотеки Таврического дворца)

*Ирина Владимировна Чигарева — директор
библиотеки Таврического дворца (СЗАГС)*

Проблемы библиотеки Таврического дворца (ныне принадлежащий Северо-Западной Академии Государственной Службы) являются общими для сети академий по подготовке государственных служащих при Президенте РФ.

Ранее эти библиотеки относились к ведомству ЦК КПСС, поскольку входили в качестве структурных подразделений в состав высших партийных школ. Такое положение делало их “государством в государстве”. Идеологическое руководство осуществлялось ЦК КПСС, ветры библиотечных перемен практически не затрагивали эти библиотеки.

Проблемы организации фондов, системы каталогов, картотек отодвигались на второй, третий план, а потому, отдавая все силы на решение главной проблемы — обеспечение учебного процесса “кузницы партийных кадров”, библиотечная жизнь замирала.

Думаю, что ведомственные барьеры, возводившие непреодолимые препятствия не только для ученых, специалистов, но и “пришельцев” из библиотечно-го мира, желающих поделиться библиотечным опытом и информацией, характерны не только для библиотек бывшей партийной сети, но и для многих специальных библиотек в целом.

Но именно по библиотекам бывшей партийной сети сильнее всего ударили произошедшие общественные изменения, породив ряд серьезных, специфических проблем (что показало совещание директоров библиотек, проходившее в Москве, в библиотеке Российской Академии государственной службы). Именно в этих библиотеках оказался непригодным для пользования сразу большой массив литературы.

В библиотеках подобного общественно-политического профиля помимо собрания трудов бывших вождей и учителей находится много книг по истории России, права, социологии, истории мирового революционного движения. Так в фонде библиотеки Таврического дворца собраны уникальные книжные собрания большого научного потенциала:

- издания XVIII в. (самая старая книга датируется 1717 г.);
- коллекция книг библиотеки Государственной Думы, составляющая ядро фонда;

- библиотека Пажеского Е. И. В. корпуса;
- коллекция книг Императорского училища правоведения;
- библиотека Министерства финансов;
- коллекция нелегальной литературы и запрещенных в России изданий.

Особый интерес вызывают книги 20-х гг., широко представленные в фонде; книги 30–40 гг., изъятые цензурой во времена политических чисток из фондов других библиотек.

Обширна и не менее интересна коллекция автографов и изданий с дарственными надписями (более 150) выдающихся деятелей культуры, политики России: Н. Е. Репина, А. А. Блока, Н. И. Бердяева, М. И. Пыляева, П. Б. Струве, С. Ю. Витте и др.

Вопрос исследования общественно–политического фонда учеными–историками, политологами с точки зрения его пригодности в изменившихся общественных условиях должен быть тщательно изучен, взвешен для того, чтобы определить, что подлежит списанию как морально устаревшая литература, а что необходимо хранить для потомков.

Наличие в фондах этих библиотек исторически ценной литературы (ранее не изученной в силу недоступности фондов) происхождение которой можно объяснить только всеобщим книжным перемещением, характерным для книжных собраний России после 1917 г., ставит еще одну специфическую проблему: проблему возврата отдельных книжных коллекций, проводимую под лозунгом восстановления так называемой “исторической справедливости”, на практике оборачивающейся нарушением принципа неделимости фондов, лежащим в основе библиотечного строительства России.

В подобных ситуациях, когда ценные книжные коллекции, становятся предметом спора, задача заключается в том, чтобы сделать эти книги предметом научного исследования специалистов, включить их в научный оборот, в общероссийские библиотечные программы, а не ломать копыта вокруг вопроса владения этими коллекциями.

В заключение нельзя не обратить внимание еще на одну проблему — проблему подготовки персонала для библиотек. Трудно поверить, что персонал библиотеки бывшей ВПШ не видел и не знал, что в общем фонде, рядом с книгами по истории КПСС стояли книги XVIII столетия, книги с автографами таких общеизвестных деятелей культуры.

Думаю, что видел и знал, но не хотел объявлять о находках потому, что был неготов к последующим за этим переменам: пристальному вниманию к положению дел в библиотеке, способности персонала к научно-исследовательской работе и многому другому.

Сложный процесс ломки стереотипов, умение выйти за рамки узковедомственного подхода, готовность к переменам, ломающим налаженную и спокойную работу “по старинке”, — все это процесс перестройки психологии и работы персонала не только библиотек бывшей партийной сети.

На этом примере наиболее ярко видна общая проблема — проблема подготовки кадров для специальных, научно-исследовательских библиотек.

ГЛАВНОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ БОГАТСТВО (из истории библиотеки Военно-медицинской академии)

*Галина Михайловна Рослик — главный библиотекарь
библиотеки Военно-медицинской академии, канд. пед. наук.*

Военно-медицинская академия, отмечаящая в 1988 году свое двухсотлетие, была создана для подготовки “лекарей”, то есть медицинских чиновников для различных министерств, образованных в России в начале XIX века в связи с реформой органов управления (военного и морского министерства, министерства внутренних дел, министерства просвещения и др.) Первоначальное название Медико-хирургическая (МХА), которое она носила около ста лет, должно было подчеркнуть основательность подготовки ее воспитанников, не только умевших производить несложные в ту пору хирургические манипуляции, но и обладавших знаниями внутренней медицины. Для обеспечения такой подготовки была нужна библиотека, возникшая одновременно с учреждением самой академии.

Основой фонда библиотеки послужили 12,5 тыс. томов, переданных из упраздненной Медицинской коллегии, некоторых госпиталей и частных собраний. Среди последних наиболее интересны медицинская часть библиотеки бр. Залуских (в 1927 г. она была эвакуирована в Польшу) и архив голландского врача, профессора Лейденского университета Германа Бурхава (1668-1738).

Имя его мало что говорит современному человеку, но в свое время его слава выходила далеко за пределы Европы, хорошо известен он был и в России, его медицинские демонстрации посетил, будучи в Голландии, Петр I.

Архив Г. Бурхава, принятый в счет уплаты долга у его наследников императором Павлом I, был по его указанию передан в МХА. В последующие годы в библиотеку поступили собрания книг крупнейших врачей того времени (Н. Максимовича-Амбодика, Я. Виллие и др.).

Они не только пополнили ее европейской книгой XV–XVIII веков (Аристотель, Гиппократ, Гален, Парацельс, Фракасторо, Паре, Мальпиги), но и хорошо представляли более молодую русскую медицинскую печать — первые оригинальные русские учебники по медицине И. Буша и П. Загорского, лечебники для народа, первый русский медицинский журнал “Санкт-Петербургские врачебные ведомости”.

С частными собраниями попали в библиотеку уникальные рукописи — материалы консилиума по поводу болезни Петра I, рекомендации медиков по лечению Петра II и др.

И все же в первую половину XIX века библиотека МХА еще не заняла в жизни академии того места, которое позволило в дальнейшем одному из ее

профессоров назвать ее “главным академическим богатством”¹. Размещаясь в административном здании штаба академии и работая 1–2 часа в день, она служила больше украшением, которое охотно показывали высокопоставленным гостям, устраивая пышные приемы и обеды в обрамлении старинных книг. “Там, где ходят цари и их сановники, простым смертным делать нечего”, — писал впоследствии один из историков библиотеки².

А цари там действительно ходили: сохранились сведения о посещениях Александра I, вдовствующей императрицы; в библиотеке бывали гр. Кочубей, гр. Строганов, гр. Разумовский и др.

Лишь с середины XIX века библиотека начинает выполнять те функции, ради которых она была создана, активно наращивая фонд. А поскольку денег на комплектование не хватало и тогда, основным его источником стал книгообмен. К этому времени в академии действовала система повышения квалификации врачей, в том числе защита диссертаций с присвоением звания “доктор медицины”. В год защищалось более ста диссертаций, 500 экземпляров которых направлялось в библиотеку.

Среди адресатов обмена медицинские общества — от Общества снисейских врачей до Аргентинского врачебного общества, редакции русских и иностранных медицинских журналов, университеты Германии, Франции, Италии. Один из широко известных медицинских журналов “Lancet” (Великобритания) отмечал в те годы, что интерес к академическим диссертациям мог бы быть еще выше, если бы не языковой барьер, делавший их “безнадёжно недоступными” многим европейским врачам³.

Более перспективным в этом смысле был обмен печатными каталогами на фонд книг и журнальных статей, выпущенными библиотекой. Из-за небольших тиражей высылка каталогов осуществлялась только после положительного решения Конференции академии и наиболее солидным организациям.

Известно, например, что в 70-х годах интерес к этим каталогам проявила Библиотека генерал-хирурга армии США (нынешняя американская Национальная медицинская библиотека), проходившая в то время массовые закупки медицинской литературы в Европе и, естественно, нуждавшаяся в библиографическом путеводителе. В 1882 году в адрес академии от нее поступило 800 диссертаций и отчетов.

Для упорядочения комплектования очень важным было соглашение, заключенное в 1862 году с книгоиздателем и книгопродавцем К.Л. Риккером, практическим монополистом на рынке медицинской литературы в Петербурге, о присылке всей получаемой и издаваемой им литературы на просмотр в академию с последующей покупкой отобранных изданий.

Помимо этого, осуществляя по цензурному уставу контроль над содержанием медицинской литературы, академия имела право оставлять себе один экземпляр изданий, получивших ее одобрение.

Таким образом, даже не получая обязательного экземпляра (неоднократные обращения по этому поводу в Главное управление по делам печати остались без ответа), к началу XX века библиотека академии вышла на второе место в мире среди медицинских библиотек по размеру фонда — 190000 томов, отставая только от библиотеки медицинского факультета Парижского университета.

¹ *Протоколы заседаний Конференции ВМА за 1890/1891 уч. год. — СПб, 1891. — С. 42*

² *Белоликов В.И. Исторический очерк библиотеки ВМА. — Л., 1948. — С. 40 (машинопись)*

³ *Russian graduation dissertation // Lancet - 1889 - 16 Febr. - P. 348*

Медицинская общественность города считала ее ведущей медицинской библиотекой Петербурга в сравнении с “довольно бедным медицинским отделом Публичной библиотеки”, Библиотекой Академии наук, комплектуемой медициной лишь “отчасти”, библиотеками Клинического института и Института экспериментальной медицины⁴.

В начале 70-х годов библиотека переезжает в специально для нее отведенное помещение в клиническом госпитале с трехъярусным книгохранилищем, где она находится и сегодня. Расширяется круг ее посетителей: читать в библиотеке имели право не только сотрудники и учащиеся самой академии, но и врачи всех ведомств, а также “посторонние лица обоего пола”.

Однако тенденция превращения библиотеки МХА в публичную отраслевую библиотеку не получила завершения из-за перехода академии в военное ведомство и переориентации ее на выпуск врачей для нужд русской армии.

Библиотеке Военно-медицинской академии, как академия стала называться с 1881 года, предписывалось обслуживать лишь личный состав и прикомандированных лиц.

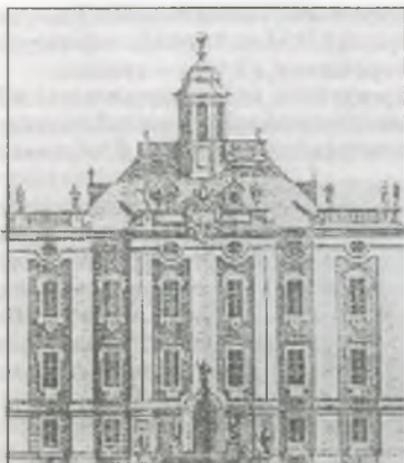
Только в 1929 году к работе в читальных залах библиотеки были вновь допущены гражданские врачи. В это время после нестабильности первых после-революционных лет, поиска своего места в новых условиях (руководство библиотеки “по этическим соображениям” противилось использованию складов ре-квизированных книг для пополнения фонда) Фундаментальная библиотека — так она называлась с 1925 года — активно наверстывает вызванное обстоятельствами отставание. С 1929 года ее комплектование стало опираться на обязательный экземпляр, и к 1941 году фонд вырос более чем в 4 раза.

Ценой колоссальных усилий сотрудников это ценнейшее отраслевое собрание удалось сохранить в годы блокады — лишь 20 книг были уничтожены попаданием снаряда и около ста повреждены водой. Заведующая библиотекой получила орден Красного Знамени.

Сегодня двухмиллионный фонд библиотеки Военно-Медицинской академии используется не только врачами нашей страны, но и зарубежными учеными. Библиотека, в которой идут работы по компьютеризации, надеется не только сохранить славу одной из старейших отраслевых библиотек России, но и стать частью международной автоматизированной системы научной информации.

---

⁴ *Врач. — 1895 — № 14. — С. 401*

ЕВРОПЕЙСКИЙ ФЕНОМЕН БИБЛИОТЕКИ ЗАЛУСКИХ

Борис Федорович Володин — заведующий Научно-исследовательским отделом библиотековедения Российской национальной библиотеки, канд. пед. наук.

250 лет назад — 8 августа 1747 г. в Варшаве была открыта первая публичная библиотека Польши — Библиотека Залуских.

Выдающиеся просветители братья Залуские — Анджей Станислав (1695–1758) и Юзеф Анджей (1702–1774) собрали уникальную библиотеку, которая как по своему объему, так и по разнообразию фондов сопоставима с крупнейшими библиотеками Европы того времени.

Библиотека формировалась и дальше — еще 47 лет, то есть до 1794 г., когда она была вывезена в Россию.

С 1795 г. ее судьба оказалась связанной с Императорской Публичной библиотекой в Петербурге, которая была учреждена в соответствии с указом Екатерины II.

Согласно официальной точке зрения варшавская библиотека была доставлена в Петербург в качестве военного трофея (1).

В XIX в. руководители Публичной библиотеки считали наличие в петербургской библиотеке фондов библиотеки из Варшавы само собой разумеющимся фактом истории (2). Более того — саму историю Библиотеки Залуских с момента ее открытия до вывоза ее сокровищ в Петербург они воспринимали как период предьстории собственно петербургской библиотеки. Как отмечает исследователь РНБ О. Д. Голубева, “в 1854 г. в отделении “Россика” был поставлен стеклянный шкаф, в котором собиралось все, что когда-либо было напечатано о библиотеке или самой библиотекой с момента ее зарождения в Варшаве” (3).

Каждый период формирования Публичной библиотеки отмечался в этой коллекции своим цветом переплетов: эпоха Залуских — фиолетовым, Оленина — зеленым, Бутурлина — коричневым, а Корфа — красным.

Естественным, прежде всего, в период правления М. А. Корфа, считалось уделение особого внимания пополнению фондов библиотеки литературой, выходящей в Польше, что является и большой заслугой библиотекаря А. Д. Ивановского (4).

В начале XX в. во время подготовки к празднованию столетия со дня открытия Императорской Публичной библиотеки обойти историю Залуских в юбилейном издании, посвященном истории петербургской библиотеки, все-таки было невозможно. В книге Библиотеке Залуских уделялось немало внимания, но при этом акцент был сделан на то, что накануне ее вывоза в Петербург она находилась в столь запущенном состоянии, а книги столь активно разворовывались, что сам факт вывоза рекомендовалось воспринимать как благо для Библиотеки Залуских — во имя ее же спасения от гибели (5).

В последующие годы, то есть уже в советский период, эта точка зрения сомнению не подвергалась, напротив — утверждалась как единственно возможная. Но если ранее рассматривалась и сама история создания библиотеки в Варшаве, и вклад братьев Залуских в ее создание, в последующие годы эти сведения становились все более лаконичными. В большой монографии по истории Публичной библиотеки, вышедшей к 150-летию со дня ее открытия, Библиотеке Залуских уже отведено всего несколько строк: "...Пошатнувшееся материальное положение семьи Залуских, смерть одного из братьев — Андрея-Станислава Залуского, различные обстоятельства политического характера привели к начавшемуся упадку библиотеки. Книги расхищались, приходили в ветхость, гибли." (6). Поэтому приходится констатировать: к сожалению, на протяжении двух веков правдивая информация о том, что представляла собой Библиотека Залуских непосредственно перед ее вывозом из Варшавы, в российской библиотечной литературе отсутствовала. Поэтому неудивительно то, с какой категоричностью и даже негодованием польские авторы, обращающиеся к истории этой библиотеки, пишут о фальсификации истории и умалчивании этого факта, с недоумением спрашивают, до каких же пор в России будут искажать реальные факты. По мнению Тадеуша Зажембского, люди российской науки и культуры вводятся в заблуждение официальной пропагандой о якобы имевшей место запущенности библиотеки в Варшаве перед ее вывозом. В связи с этим он спрашивает: "Если бы это было правдой, неужели было бы потрачено столько средств и сил людей, дабы перевезти фонды на расстояние в 1300 км и навечно обрести имя грабителей?" (7).

Но отсутствует не только правда о перевозе Библиотеке, но и какие-либо попытки непредвзято рассказать об истории этой библиотеки (8). И это при том, что очевидна уникальность Библиотеки — как личной библиотеки, которая начала складываться в конце второго десятилетия XVIII в., как первой в истории Польши публичной библиотеки, каковой она стала в 1747 г., как первой национальной библиотеки Польши после получения в 1774 г., официального статуса государственной библиотеки. Библиотека Залуских обладает еще одной важной характеристикой — на всех этапах своего развития она складывалась и как уникальная научная библиотека, фонды которой имели общеевропейское значение, ибо отражали культурное наследие многих стран и народов Европы XVIII в., а также духовные богатства минувших эпох.

І. ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА (начало 1720-х гг. — 1747 г.)

Формирование библиотеки началось в 1716–1718 гг. — в годы учебы обоих братьев за границей. Анджей Станислав обучался в Италии — в университете della Sapienza папы Римского. В 1718 г. он получил ученую степень доктора права. Юзеф Анджей также начал учебу в Италии — у иезуитов. После возвращения в 1719 г. в Польшу он получает сан священослужителя. В 1720–1722 гг. он продолжает учебу во Франции — в семинарии, а затем в парижской Сорбонне. В Париже он получает степень бакалавра теологии, а через два года, уже в Кракове он, как и старший брат, становится доктором права. В эти годы библиотека Юзефа Залуского уже насчитывает 13 тыс. томов (9).

Юзеф Анджей был, прежде всего, коллекционером-фанатиком, который, как отмечает польский исследователь Петр Баньковский, “в погоне за книгой, за рукописью, за документами не щадил ни времени, ни денег, ни здоровья” (10). В самой Речи Посполитой не было ни одной библиотеки, обладавшей ценными фондами, которую бы он не посетил и не изучил бы ее коллекции.

В 1725 г. библиотекарь Гутковский создал первый каталог коллекции Юзефа Залуского. Он состоял из 3 томов. В нем было 7 основных разделов: теология, история, право, медицина, философия, математика и литература.

В 1732 г. фонд библиотеки, размещившийся в квартире Юзефа Анджея при монастыре босых кармелитов в Варшаве, включал в себя 150 тыс. томов.

С 1733 г. Юзеф Залуский вновь попадает в Рим, где в течение трех лет имеет возможность сочетать с дипломатической миссией занятия по самому активному пополнению своей библиотеки. После отъезда из Рима в Париж в конце 1736 г. он делает особенно крупные приобретения книг как в Италии, так и во Франции и Швейцарии (11).

После возвращения в Польшу в связи с завершением своей дипломатической деятельности Юзеф Анджей бывал за границей с целью пополнения своей библиотеки под вымышленным именем Joseph Chandron. Он посещал города многих стран Европы — Амстердам, Гаагу, Роттердам, Лондон, Копенгаген, Упсалу (13).

Анджей Станислав Залуский

Юзеф Анджей Залуский и его портрет на медали Библиотеки Залуских

При этом следует отметить, что его интересовал не только сам факт собирания, пополнения коллекции редкими изданиями. Бывая за границей, он завязывает тесные контакты с учеными и не менее активно посещает библиотеки, знакомится с их работой.

В процессе посещения этих библиотек Юзеф Залуский сталкивается с тем, что библиотека, предназначенная для того, чтобы читатели пользовались ее фондами, представляет собой не только коллекцию всевозможных книжных и других редкостей, но и выполняет особую миссию — миссию служения науке. Она является инструментом науки или, как воспринимали ее многие современники, мастерской науки. Именно в эти годы библиотека начинает осознавать себя как общественный институт. Осознанию значимости этой роли и решению связанных с этим конкретных практических задач способствуют сами ученые — многие выдающиеся ученые этого времени приходят на работу в библиотеки, продолжая заниматься научной деятельностью, вносят важный вклад в развитие библиотечного дела, в обогащение библиотечной теории. Именно эти, наиболее передовые библиотекарские сознания: в том, как организована библиотека, насколько продумана или напротив не продумана система расстановки книг, а также в том, насколько хороши или плохи каталоги библиотеки, отражается, выполняет ли библиотека функцию служения науке.

Юзеф Залуский не может не обратить внимание и на то, что посещаемые им библиотеки отличаются друг от друга не только по объему и составу фондов, но и по тем задачам, которые они решают. Некоторые из них служат нации, играют в обществе особую роль — как уникальные библиотеки с наиболее полным фондом книг, вышедших в стране, опубликованных на языке (языках) страны, посвященных самой стране.

Наконец, увиденные им библиотеки были отличны друг от друга и тем, на кого они ориентированы — только на элиту или на достаточно широкий круг читателей.

Все эти и другие вопросы библиотечного развития возникли в наиболее развитых странах Европы впервые. Их постановка и сама необходимость их решения определялись потребностями наступившей эпохи Просвещения. В первую очередь это проявилось в таких странах, как Франция, Великобритания, Германия и в определенной степени в Италии.

Итальянские библиотеки поразили Юзефа Залуского богатством своих коллекций. Можно предположить, что и его страсть к собиранию книг пробудилась и сформировалась именно здесь — под влиянием богатейших личных собраний, увиденных им в этой стране. Но при этом некоторые библиотеки произвели сильное впечатление и тем, как была организована их работа, как они были ориентированы на обслуживание своих читателей.

Среди них следует особо выделить Библиотеку *Ambrosiana* в Милане, Библиотеку *Angelica* в Риме, а также особенно любимую Юзефом Залуским *Ватиканскую библиотеку*, с руководителем которой А.М. Quiripi его связывали и дружеские отношения.

Вызвал большой интерес и ряд французских библиотек, и в особенности Королевская библиотека в Париже, которую он посещал неоднократно. Несомненно эти визиты повлияли на формирование образа той библиотеки, которую хотел он видеть в своей стране в качестве ведущей библиотеки. Не ускользнуло от его внимания и то, как здесь были на практике воплощены идеи выдающегося французского ученого и библиотечного деятеля Габриэля Нодэ (1600–1653) о необходимости со-

здания и развития универсальной библиотеки, которую можно было бы назвать “ассамблеей самых выдающихся людей всех времен и всех наций” — библиотеки, открытой для каждого, кто в ней нуждается.

В Великобритании Юзеф Залуский также посетил немало библиотек и мог оценить те преимущества, которые здесь получает для работы широкая публика. Но посещение одной из них имело для него особое значение. Он имел возможность оценить достоинства Библиотеки Британского музея, создание которой в значительной степени стало возможным благодаря инициативе Ханса Слоуна, чья частная коллекция легла в основу ее собрания. И то, что инициатива Слоуна была поддержана парламентом Великобритании, побудило и Залуского выступить с такой же инициативой — он обратился в польский сейм с аналогичным предложением.

И, наконец, Юзеф Залуский активно посещал библиотеки Германии.

В эти годы переживает расцвет библиотека Геттингенского университета, которая становится лучшей научной библиотекой своего времени, ибо она не только отражает в своих фондах всю научную литературу, выходящую в мире, но и предоставляет для своих читателей идеальные условия для научной работы.

Но в целом большинство научных библиотек Германии, обладающих большими и богатыми книжными собраниями, не были слишком дружелюбны по отношению к своему читателю. Даже великий ученый Готтфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716), столь мощно обогативший библиотечную теорию, воспринимавший библиотеку как мастерскую для научной работы, не слишком охотно пускал в нее самого читателя. Тем не менее его представления о библиотечной деятельности, сформировавшиеся в годы работы, библиотекарем в Ганновере и Вольфенбюттеле можно считать наиболее прогрессивными по отношению к своему времени. Реализация его идеи по организации фонда и по ведению каталогов способствовала развитию науки, и соответственно, раскрытию возможностей библиотек как “мастерских” научной работы.

Будучи по своей природе не библиотекарем, а страстным коллекционером, Юзеф Залуский на некоторые принципиально важные стороны работы лучших библиотек Германии, возможно, и не обращает должного внимания. Прежде всего, он был одержим страстью к увеличению объема фондов своей библиотеки, которая преобладала над тщательным отбором и стремлением к систематизации. Поэтому в библиотеке насчитывалось, как показал последующий анализ фонда, более 100 тыс. дублетов (14). Но деятельность одной из них, а именно — Королевской библиотеки в Дрездене вне всяких сомнений оказалась в центре его внимания. Представляется неслучайным, что его брат Анджей Станислав впоследствии, уже после открытия библиотеки в Варшаве для широкой публики, приводит в качестве образца для совершенствования работы их собственной библиотеки именно эту библиотеку.

То, что Дрезденская библиотека была в центре внимания обоих братьев, объясняется отчасти тесными связями между Польшей и Саксонией, которые основывались на династических союзах польских и саксонских монархов, ибо Август III был одновременно и польским королем, и саксонским правителем, а его резиденция находилась в саксонской столице — в Дрездене. Но по отношению к Королевской библиотеке интерес был объективно не случаен, так как благодаря реформам руководителя Дрезденской библиотеки Иоганна Михаэля Франке (1717–1775) она превратилась в одну из самых интересных библиотек Германии. Большую роль в ее развитии сыграл и префект библиотеки Ян

Христиан Гетце. Именно на его авторитет ссылается Анджей Залуский в своих письмах к брату. Для него особенно важным является то, в каких значительно более комфортных условиях работают читатели в Дрездене (15).

Влияние немецкого библиотечного дела на развитие библиотек Польши, на формирование новых представлений как о миссии библиотеки, так и об организации ее работы было определено и тем, что сами просветительские идеи приходят в Польшу из Германии, и в первую очередь из Саксонии (16). Основными центрами этого воздействия становятся Дрезден и Лейпциг, где проживает в эти годы большое число поляков.

В целом, знакомство с опытом работы библиотек других стран определило библиотечное мировоззрение Юзефа Залуского, его идеалы, его цель — создать в Варшаве большую, хорошо подобранную библиотеку, которая будет играть самую активную роль в служении обществу, государству, нации. Свое представление о том, какой он хотел бы видеть библиотеку, он дал в работе, опубликованной в 1732 г. — “*Programma literarium ad bibliophilos, typothetas et bibliopagos, tum et quosvis liberalium artium amatores*”. В ней он особо подчеркивал, что библиотека должна быть предназначена не только для частных исследований (*privatis studiis*), но и открыта в определенные дни и часы для широкой публики всем ученым и учащимся (17). В этой же работе он изложил и свое представление о роли библиотеки в активном служении обществу, государству, нации, а также обосновал необходимость создания национальной библиографии (18). Практически это была программа деятельности национальной библиотеки Польши (19).

При этом сам процесс комплектования фондов библиотеки свидетельствовал о том, что развитие крупной публичной библиотеки в качестве библиотеки, играющей самую активную роль в жизни общества, предполагает ориентацию и на отражение в ее фондах мирового духовного наследия. Особое внимание уделялось наследию народов Европы.

К концу правления Августа III формируется сильная партия Чарторыхских — европейски образованных аристократов, которые видели необходимость проведения реформ для преодоления влияния контрреформации, выражавшемся и в проявлении религиозного фанатизма, и убежденности в национальной исключительности. Они ориентировались на общеевропейские идеалы эпохи Просвещения.

В целом, в 1740–1760-е гг., то есть накануне главных просветительских реформ, поиск новых путей развития общества был связан, прежде всего, с попытками освобождения системы образования от влияния монастырей, в ведении которых она находилась. Преподаватель поэтики и риторики варшавского колледжа ордена пиаристов Станислав Конарский (1700–1773) высказывает предложение создать специальное государственное учреждение, которое способствовало бы развитию системы образования.

В 1746 г. был объявлен конкурс на лучшую литературную работу или трактат о значении публичных библиотек для развития наук и письменности. В конкурсе приняли участие около 80 польских и зарубежных авторов. Золотую медаль с изображением короля Августа III и надписью “*Decum et praesidium*” (“Красота и защита”) получили из иностранных участников — профессор права в Виттенберге Эрнст Мартин Хладениус и профессор права во Франкфурте-на-Одере Иоахим Бартольд, а из польских — профессор иезуитской коллегии в Варшаве Людвиг Сестшевитовский, а также Александр Павел Заторский.

В высокообразованной среде все отчетливее проявляется ориентация на открытый тип культуры, основанный на сочетании традиций национальной культуры с усвоением общеевропейских достижений в соответствии с идеалами эпохи Просвещения.

II. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ЗАЛУСКИХ

(1747–1774 гг.)

8 августа 1747 г. Библиотека Залуских была открыта для публики. Читатели могли пользоваться ею два раза в неделю по вторникам и четвергам с 8 утра до 7 вечера (зимой до 5 вечера) с трехчасовым перерывом на обед. Правила пользования были вывешены у входа. За порчу книг читатель лишался права пользоваться библиотекой. Перед началом чтения полагалось прочитать молитву в честь Залуских.

То, что открытие библиотеки стало возможным, является, прежде всего, заслугой Анджея Станислава Залуского. Именно он доводит до практического воплощения идею открыть библиотеку для широкой публики. На его средства не только приобретались книги. Он поставил перед собой задачу найти подходящее здание для библиотеки и нашел его: дворец Даниловича (Pałac Daniłowiczowski) который он и приобрел в 1736 г. (20). С самого начала работы Библиотеки он решал все вопросы финансирования и оплачивал многочисленные расходы.

Он же занимался и вопросами обеспечения сохранности фондов Библиотеки. В связи с этими проблемами он, в частности, писал брату о том, что, по его мнению, кто-то должен постоянно жить в здании библиотеки и следить за ее сохранностью (21).

Именно Анджей Залуский ищет способного и перспективного библиотекаря, который взял бы на себя основную заботу о библиотеке, и находит его в лице Яна Даниэля Яноцкого, прослужившего в ней более 30 лет (22).

В отличие от брата Анджей Станислав принципиально подходил и к новым приобретениям для библиотеки, тщательно проверяя, нет ли уже в Библиотеке той или иной книги.

Интересно, что до открытия библиотеки он, обращаясь к брату, пишет о Библиотеке как о библиотеке брата (23). Лишь после открытия ее для публики он написал “наша библиотека” (24).

В конце жизни, став епископом Краковским и не имея возможности подолгу жить в Варшаве, Анджей Залуский постоянно заботится о библиотеке, находится в курсе ее дел и практически продолжает руководить Библиотекой на расстоянии.

Но, возможно, самым существенным в отношении Анджея Залуского к библиотеке было то, с каких мировоззренческих позиций он воспринимал ее как общественный институт. Если младший брат был, прежде всего, страстным коллекционером, то старший воспринимал библиотеку с позиций человека науки.

Стремление поддерживать науку и развивать научные исследования проявлялось и во многом другом, например, в его деятельности мецената, который на свои средства посылал молодых польских ученых учиться за границу. Саму же библиотеку в соответствии с идеалами своего времени он воспринимал как храм науки. По его мнению, в одном здании с библиотекой должна была разместиться и астрономическая обсерватория, и музей. Неслучайным был и его интерес к

уставам академий в Париже, Болонье и Петербурге. Ставит он перед собой и задачу создать при Библиотеке Научное общество, которое способствовало бы расширению круга эрудитов, и предлагает брату возглавить его (25).

Именно Анджей Залуский ориентирует библиотеку на служение науке. Он предполагает сделать ее как средоточием гуманитарных знаний, так и центром развития математических и естественных наук (26). В целом братья Залуские хорошо дополняли друг друга. Анджей Станислав глубоко чувствовал природу науки, значение библиотек для ее развития как инструмента науки. Юзеф Анджей ощущал потенциальные возможности библиотеки как общественного учреждения, ее роль в развитии нации, хотя в своем стремлении к цели он, как человек темпераментный, увлеченный своими идеями и ориентирующийся на высокие идеалы, нередко вступал в конфликт с окружающим миром.

Анджей Станислав умер в Кракове 16 ноября 1758 г. После его смерти брат Юзеф Анджей становится распорядителем Библиотеки. В 1761 г. он принимает решение передать управление Библиотекой ордену иезуитов, за что подвергается критике со стороны современников. Юзеф Залуский принимает это решение, искренне полагая, что благодаря этому Библиотека будет иметь стабильное содержание, но эти надежды не оправдываются.

Сам Юзеф Залуский продолжает работать в Библиотеке и, прежде всего, занимается выявлением дублетов. Во время этой работы он обнаруживает пропажу книг общим объемом около 3 тыс. томов. В 1763 г. в газетах публикуется обращение, в котором говорится о значении публичной библиотеки, а в 1764 г. он решается, наконец, обратиться в сейм с проектом опеки государства над Библиотекой, который тогда поддержан не был.

Тем временем король Станислав Август предложил в 1765 г. расширить сферу деятельности Библиотек и осуществлять комплектование и с ориентацией на интересы основанной им кадетской школы (*Szkola Rycerska*). Это означало необходимость комплектования литературой по военному и инженерному делу. Юзеф Залуский не исключал этого, но готов был пойти на встречу только в случае выделения соответствующих финансовых средств. При этом он настаивал на том, что главным в комплектовании Библиотеки является сбор книг по теологии, философии, схоластике и истории, о чем писал в докладной записке на имя короля. Он предложил также выделить средства на создание на базе Библиотеки академии наук и искусств и на издание уже готовых 15 томов каталога Библиотеки (27).

Но и этим планам не суждено было осуществиться. Этому в определенной степени помешала чрезвычайно бурная политическая деятельность Юзефа Залуского, которая активизировалась под влиянием иезуитов. Это выразилось, в частности, в резких и очень эмоциональных выступлениях в сейме, в которых он полемизировал с оппонентами. В ночь с 13 на 14 октября 1767 г. по приказу российского посла князя Репнина Юзеф Залуский был арестован отрядом российских войск и сослан в Калугу. После его высылки Библиотека действительно начинает переживать не лучшие времена. В годы правления иезуитов Библиотека была доведена до крайней степени запущенности и упадка. Требовало ремонта здание. Ощущалась нехватка средств для приобретения новых книг. Все сложнее было решать проблемы сохранности фонда.

Так выглядит Библиотека в 1773 г., когда 18 марта возвращается из ссылки Юзеф Залуский.

Вскоре после его возвращения — 21 июля 1773 г. папа Римский Клеменс XIV издал буллу, согласно которой закон иезуитов был отменен.

27 сентября 1773 г. Юзеф Залуский обращается к королю с предложением открыть в Варшаве университет и академию наук по образцу Королевского общества (Royal Society) в Лондоне под названием Университет Понятовского (Wszelchnica Poniatowiańska) (28). По его мнению фундаментом обоих учреждений должна стать Библиотека Речи Посполитой. 14 декабря 1773 г. сейм приступил к рассмотрению этого проекта.

7 января 1774 г. Юзеф Залуский скончался в Варшаве. Через пять дней сейм при поддержке короля Станислава Августа возложил руководство Библиотекой на Комиссию народного образования (29). В 1775 г. Станислав Август выделяет на нужды Библиотеки 4 тыс. дукатов.

III. БИБЛИОТЕКА РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

(1774–1794 гг.)

В 1764 г. к власти приходит партия Чарторьских. На престол восходит Станислав Август Понятовский. После почти векового перерыва — (короли-саксонцы обычно жили в Дрездене) — Варшава вновь становится резиденцией короля Польши.

Последний польский король получил репутацию не очень удачливого политика, но он прославился как меценат, покровитель искусств. С ним же связана эпоха реформ “сверху”, эпоха расцвета культуры и науки.

В 1773 г. создается Комиссия народного образования, которая является первым централизованным учреждением в области образования. Комиссия добивается устранения монополии духовенства в области образования (30). Поддержка науки становится также одним из главных направлений деятельности комиссии (32).

Для того, чтобы понять значение работы Комиссии, необходимо учесть, в каких условиях проходила борьба за сохранение польской государственности. После каждого раздела Польши (1772, 1793, 1795) стремление обрести общенациональное единство возрастало, что также определило характер польского Просвещения, в целом ориентированного на просветительский космополитизм. Библиотека становится не только центром книги, но и центром духовной консолидации нации в условиях опасности потери независимости (33).

В течение 20 лет, с 1774 по 1794 г., Библиотека Залуских функционирует как национальная библиотека Польши, и ее официальным названием становится Библиотека Речи Посполитой имени Залуских (34).

В отличие от других стран Европы этого времени, в которых значительные успехи в развитии библиотечного дела были связаны с отдельными библиотеками, в Польше значительные позитивные изменения затронули все государство. Комиссия народного образования осуществляла целенаправленную централизованную библиотечную политику.

Главным ориентиром в развитии библиотек стала ориентация на всеобщую доступность, что распространялось и на ранее достаточно изолированные университетские библиотеки.

Комиссия занималась выявлением потребностей в персонале для библиотек страны, выделяла централизованно дотации на приобретение новой литературы и на пополнение фондов отдельных библиотек, решала вопросы консервации библиотечных фондов и проблемы выделения помещений для библиотек. Особо

следует сказать о роли Комиссии в выявлении дублетов в фондах библиотек с целью последующего более разумного их использования в других библиотеках. Наконец, централизованно в масштабах страны решались организационно-технические вопросы, например, планирования работы. По инициативе Комиссии были разработаны и инструкции по каталогизации (35).

С 1780 г. Библиотека Залуских согласно решению сейма получает обязательный экземпляр. А в 1793 г. сейм принял закон об обязательном экземпляре, в соответствии с которым помимо варшавской библиотеки обязательный экземпляр стала получать и Университетская библиотека в Вильно. Библиотека Залуских соответственно получала всю литературу, которая издавалась в Речи Посполитой — как на польском, так и на языках других народов, проживавших на территории государства. В 1788 г. по инициативе Комиссии архитектор Станислав Завадцкий (*Stanislaw Zawadzki*) разработал проект реконструкции здания Библиотеки Залуских.

С 1783 г. огромную роль в развитии Библиотеки играл Онуфрий Копчинский, который, будучи назначенным на эту должность Комиссией народного образования, работал в ней в качестве библиотекаря до ее закрытия. Он столкнулся с многими трудностями, одной из которых было отсутствие каких-либо каталогов на часть фонда (например, московские, португальские, шведские, древнееврейские и др. книги) (36).

Копчинский представляет в Комиссию свой план реорганизации Библиотеки. В основе этого плана — введение системы расстановки, соответствующей классификации наук, получившей распространение во многих библиотеках Европы, и создание каталогов, которые отражали бы состав фонда Библиотеки. Он предлагает разделить весь фонд по языкам. Внутри каждого языкового раздела предлагалось ввести систематизацию в соответствии с классификацией знаний Фрэнсиса Бэкона — 5 групп: *Religio* (религия), *Ratio* (Рассудок или наука), *Memoria* (память или история), *Oratio* (проза), *Imaginatio* (воображение или поэзия). Внутри каждого раздела предлагалось организовать подразделы, каждый из которых следовало поделить в свою очередь по пяти форматам. Внутри форматного раздела книги должны были быть расставлены по именам авторов. Наконец, каждый из залов должен был соответствовать языку и области знаний, а каждая книга — иметь снаружи отчетливое и хорошо видимое написание имени автора и названия отдела, а также номер зала, в котором она хранилась.

Составной частью плана являлось создание каталогов — алфавитного (по именам авторов) и предметного.

Большое значение придавалось и выявлению дублетов.

В отчете Комиссии народного образования за 1794 г. Копчинский констатировал, что в 26 залах работа по реорганизации осуществлена.

Современный историк Марьян Лодинский, характеризуя положение Библиотеки перед ее вывозом в Россию, приходит к выводу: “Через несколько лет Библиотека могла бы быть не только доступной читателю во всей своей полноте, но могла бы служить и образцом организации для других польских библиотек” (37).

После подавления восстания Тадеуша Костюшко в 1794 г. 29 октября того же года Библиотека была вывезена из Варшавы. Из-за плохой организации перевозки, крайне неподходящей для этого времени года, а также самого состояния российских дорог часть фондов была доставлена в Петербург в по-

врежденном виде (37). Всего было доставлено 394 150 томов, около 11 тыс. рукописей, 24 574 гравюры (38).

В Петербург были доставлены фонды Библиотеки, которая по численности фондов занимала четвертое место в Европе после Библиотеки Британского музея в Лондоне, Национальной библиотеки в Париже и Королевской библиотеки в Мюнхене (39).

Библиотека Залуских оказала огромное влияние на развитие национальной библиотеки России, не до конца осознанное и современниками и даже последующими поколениями. Будучи одной из богатейших европейских научных библиотек, связанной с духовным наследием многих народов Европы, Библиотека Залуских, прежде всего, оказала влияние на формирование фондов Императорской публичной библиотеки. С первых лет своего развития она начинает формироваться не только как национальная библиотека России, то есть библиотека, отражающая в своих фондах российское письменное культурное наследие, но и как библиотека, сориентированная на отражение европейской и мировой письменности.

Но именно в исследованиях по истории данной библиотеки и оказалась искаженной в наибольшей степени реальная картина рождения, жизни и гибели Библиотеки Залуских.

История Библиотеки Залуских не была продолжительной, но она является не только ярчайшей страницей библиотечной истории Польши — истории развития ее первой национальной библиотеки. Она является и интереснейшим явлением в мировой истории библиотек как истории развития национальной библиотеки большого многонационального государства, какой была Речь Посполитая. Наконец, становление и развитие Библиотеки Залуских — одно из самых значительных явлений в истории научных и культурных контактов в Европе, а в целом ее история несомненно одна из самых ярких страниц европейской истории библиотек.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исследователи истории Российской Национальной библиотеки (РНБ) ограничиваются, как правило, констатацией факта получения русским правительством фондов Библиотеки Залуских в качестве военного трофея после взятия Варшавы А. В. Суворовым 29 октября 1794 г. При этом отмечается, что книги прибыли из Варшавы летом 1795 г. и переданы в ведение кабинета Ее Величества. Отмечается и то, что, “по мысли Екатерины II книги Залуских должны были стать базой новой библиотеки, открытой для общей пользы и просвещения” (См.: Голубева О. Д. Хранители мудрости. М., 1988. С. 9).

2. Разумеется, политический оттенок в отношении к коллекции Библиотеки Залуских присутствовал. Когда в 1827 г. куратор Краковского университета граф Юзеф Залуский обратился к директору Публичной библиотеки А. Н. Оленину с просьбой принять на освободившиеся вакансии польских ученых, ссылаясь на намерение Александра I сделать богатые фонды бывшей Библиотеки Залуских доступными для изучения польских земель, он получил отказ. Не смогли ни поддержка секретаря Царства Польского графа Грабовского, ни министра общественного образования А. Шишкова (Архив РНБ. 1827. Ед. хр. 22).

3. См.: Голубева О. Д. М. А. Корф. Спб., 1995. с. 73.

4. См. напр.: Chwalewik E. *Losy zbiorów polskich w Rosyjskiej Bibliotece Publicznej w Leningradzie*. Warszawa; Kraków, 1926. S. 25.

5. Императорская Публичная библиотека за сто лет. 1814-1914. Спб., 1914.

6. См.: История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 12.

7. См.: Zarzębski T. *Biblioteka Rzeczypospolitej Załuskich zwana (Fakty z dziejów)* // *Rocznik Biblioteki Narodowej*. XXVII-XXVIII. 1991-1992. Warszawa, 1994. S. 57.

8. Вопросы истории самой Библиотеки Залуских в работах российских авторов последних лет не затрагиваются, что их принципиально отличает от публикаций зарубежных коллег, занимающихся изучением истории РНБ (См. напр.: Stuart M. *Aristocrat-Librarian in Service to the Tsar: Alexei Nikolaevich Olenin and The Imperial Public Library*. Boulder, 1986. P. 31-33, 163).

Показательно и то, что в единственном на сегодняшний день российском учебнике по истории библиотечного дела за рубежом (Талалакина О. И. *История библиотечного дела за рубежом*. М., 1982) Библиотека Залуских не упомянута совсем.

В то время, как российских библиотекарей оберегают от информации о Библиотеке Залуских, история Библиотеки в самой Польше изучается очень активно. Только в выборочном списке основной литературы по теме, подготовленном Кристиной Беднарской-Рушайовой приведено более 30 названий (См.: *Bednarska-Rusajowa K. Das polnische Buchwesen: Bibliographische Einführung*. Frankfurt am Main etc., 1994. S. 313-315).

9. См.: Bańkowski Piotr. *Biblioteka Publiczna Załuskich i jej twórcy*. Warszawa, 1959. S. 12.

10. См. там же. С. 14.

11. В 1745 г. из Лотарингии в Амстердам были вывезены книги, приобретенные Юзефом Залуским. Однако из-за чрезвычайно высоких транспортных расходов их удалось доставить в Варшаву только через 4 года.

12. История покупок в Лотарингии и возвращения этой части коллекции в Польшу особенно подробно описана в работе: *Manteufflowa M. Księgozbiór Józefa Załuskiego w Lotaryngii i jego droga do Polski (Przyczynek do zyciorysu Załuskiego)* // *Rocznik Biblioteki Narodowej*. 1966. Т. 2. S. 338-361.

13. Об экспедициях Юзефа Залуского имеется также обширная литература. См. напр.: *Baranowski I. Biblioteka Załuskich w Warszawie*. Warszawa, 1912. S. 15.

14. Это, в частности, отмечает Мариан Лодыньский, автор целого ряда публикаций по истории Библиотеки Залуских, в одной из наиболее интересных работ, посвященных истории Библиотеки — *Łodyński M. Biblioteka Rzplitej — Załuskich zwana na tle ówczesnych bibliotek zagranicznych (Jej powstanie, organizacja i wewnętrzne prace porządkowe)* // *Z dziejów książki bibliotek w Warszawie*. Warszawa, 1961. S. 11-50.

Именно в этой работе особое внимание уделено влиянию зарубежных библиотек, зарубежных ученых и библиотекарей по организации работы библиотек на Юзефа Залуского.

В приложении к этой статье впервые были опубликованы письма Анджея Залуского к брату. Они показывают, что старший брат также имел хорошее представление об организации работы библиотек в других странах. В частности, в опубликованном здесь письме Анджея Станислава от 17.IX.1753 г. имеется

ссылка на опыт Гетце, о чем он пишет в связи с необходимостью организации отопления библиотеки в зимний период (с. 47).

15. Это, в частности, отмечает в вышеназванной работе Мариан Лодыньский (с. 23).

16. Связи братьев Залуских с немецкими учеными являются предметом исследования в монографии Х. Лемке: Lemke H. Die Brüder Zaluski und Ihre Beziehungen zu Gelehrten in Deutschland und Danzig. Berlin, 1958.

17. См.: Kupść B. St. Biblioteka Załuskich (1747-1794) // 50 lat Biblioteki Narodowej. Warszawa. 1928-1978. Warszawa, 1984. S. 12.

18. Юзеф Залуский основной акцент делает на создание национальной библиографии "Bibliotheca Polono-literaria, universalis et completissima", на отражение в ней всей польской письменности — как печатных материалов, так и рукописных. По замыслу Ю. Залуского она должна была включать в себя труды авторов из Польши, Литвы, Пруссии, Силезии, Поморья, Ливонии, Курляндии и отражать разные исторические эпохи. Один из разделов плана посвящен созданию центрального каталога рукописных книг, имеющихся в Польше.

Одновременно эта работа Ю. Залуского является и масштабной программой издательской деятельности. Впоследствии он сам издает немало книг, среди которых можно назвать 5-томное собрание современных поэтов (1752–1756).

Основной труд Юзефа Залуского — "Великая польская общая библиография" ("Bibliographia polona magna universalis"), состоявший из 10 рукописных томов, учитывавший польскую литературу от начала письменности до 1700 г. Он был закончен в 1767 г.

Научная деятельность Ю. Залуского получила признание и в других странах. Он был избран членом Академий наук в Болонье, Берлине и Петербурге.

В целом, польские исследователи имеют все основания утверждать, что Юзеф Залуский является одним из самых выдающихся распространителей в прошлом современных идей национальной библиотеки и национальной библиографии (См. выше названную работу Богумила Купшча — с. 13).

20. Этот дом сохранился до наших дней, хотя его облик изменился — т. н. "Дом под королями" ("Dom pod królami") у улицы Хипотечной (ul. Hipoteczna).

21. Письмо от 12. VIII. 1747 г. — см. : 14, с. 38.

22. Анджей Станислав высоко оценивает способности Яноцкого и пишет брату в письме от 29 июля 1751 г. о необходимости освоения столь способным библиотекарем иностранных языков, дабы стать "un Bibliothécaire parfait" (совершенным библиотекарем) — см. там же, с. 44.

Я. Д. Яноцкий умер в 1786 г.

23. Так, в письме от 6 мая 1741 г. он просит брата внести уточнение по конкретной книге из "его библиотеки" — см. там же, с. 33.

24. Письмо от 12. VIII. 1747 г. — см. там же, с. 37.

25. Российский историк литературы А. В. Липатов полагает, что братья Залуские взяли за образец научного общества петербургскую Академию наук, которая была, как он отмечает, сориентирована не только на служение науке, но и на поддержку общественных реформ (См.: История всемирной литературы. Т. 5. М., 1988. С. 305).

26. См.: 16, с. 15.

27. См.: 17, с. 21.

28. См. там же, с. 22.

29. Комиссия народного образования (Komisja Edukacji Narodowej), по

мнению польских ученых, является результатом живого культурного и интеллектуального движения эпохи короля Станислава, хотя при этом признается влияние родственных европейских институтов. — См. напр.: Kawecka A. *Biblioteka narodowa w Warszawie*. Warszawa, 1934. S.5.

30. См.: Brückner A. *Dzieje kultury polskiej*. T. III. *Czasy nowsze do roku 1831*. Kraków, 1931. S.290-297.

31. См.: Kocojowa M. *History of Polish libraries*. Krakow, 1993. P. 14.

32. Показательно понимание значения науки одного из главных идеологов Комиссии Гжегожа Пирамовича. Он полагал, что науки должны развиваться не ради самой науки, а быть сориентированными на образование людей, а именно — “все науки нацелены на личности” См.: Wąsik W. *Historia filozofii polskiej*. T. 1. *Scholastika—Renesans. Oświecenie*. Warszawa, 1958. S.235.

33. См. об этом подробнее: Kozłowski J. *Z dziejów Biblioteki Załuskich (1747-1773)* // *Kwartalnik historii nauki i techniki*. 1981. R.26. N. 1. S.57-86.

34. Новое название библиотеки — *Biblioteka Rzeczypospolitej Załuskich zwana* — можно перевести на русский язык как Библиотека Речи Посполитой им. Залуских с известной степенью условности, ибо по-польски это дословно означает: Библиотека Речи Посполитой, называемая (библиотекой) Залуских. В современном польском языке последнее слово “zwana” часто опускается и в этом случае определение выглядит более близким к современному языку — *Biblioteka Rzeczypospolitej Załuskich* (см. напр. 31). Встречаются и варианты написания с указанием “им. Залуских” (см. напр.: Łodyński M. *Biblioteka Rzeczypospolitej im. Załuskich* // *Przegląd biblioteczny*. 1935. R.9. N.3. S.77-84)

35. Наиболее многоаспектно библиотечная деятельность Комиссии проанализирована в работе Мариана Лодиньского “У колыбели польской библиотечной политики” (Łodyński M. *U kolebki polskiej polityki bibliotecznej (1784–1794)*. Warszawa, 1935).

36. Łodyński M. *Z dziejów “Biblioteki Rzeczypospolitej Załuskich zwanej” w latach 1783–1794*. Warszawa, 1935. S.54.

Следует отметить, что речь идет именно о московских книгах, т.е. изданных в России, т.к. в самой Речи Посполитой русский язык был распространен в ее восточных землях, где выходили книги на русском языке.

37. См. 14, с. 28.

38. В 1814–1815 гг. после образования Царства Польского Адам Чарторыйский обратился к императору Александру II с просьбой о возврате Библиотеки Залуских в Польшу. Позже с аналогичной просьбой обращался министр Соболевский.

В 1842 и в 1862 гг. были возвращены некоторые дублеты из Библиотеки.

В начале 1930-х гг., согласно Рижскому мирному договору, польской стороне была возвращена некоторая часть фондов Библиотеки Залуских (См.: Kuntze E. *Zwrot polskich zbiorów bibliotecznych z Rosji*. Kraków, -1937). Она трагически погибла в Варшаве в конце II мировой войны. Часть коллекции сохранилась в РНБ и других библиотеках Петербурга. В 1997 г. в РНБ подготовлена к печати работа М.Д. Моричевой, в которой подробно анализируется история возврата книг из Публичной библиотеки в Ленинграде в Польшу в 1920–1930-е гг.

39. Kempa A. *Jak umierała biblioteka* // *Bibliotekarz*. 1984. q 4. S. 109.

40. Именно к такому выводу приходит, Богумил Купшч — см. 16, с. 24. См. также: Bieńkowska B., Chamerska B. *Tysiąc lat książki i bibliotek w Polsce*. Wrocław etc., 1992. S.128.

Бернхард Фабиан — профессор Вестфальского университета им. Вильгельма в Мюнстере, руководитель отделения английской филологии, доктор наук.

Будучи известным ученым в сфере английской филологии, одновременно является одним из самых авторитетных в мире специалистов в области библиотечного дела. Имеет десятки публикаций по различным аспектам библиотечной теории и практики на немецком и других языках.

Он является руководителем проекта по ряду общегерманских и международных проектов. Среди них — «Справочник по немецким исторически ценным книжным фондам». В его реализации наряду с библиотеками Германии и Австрии принимают участие библиотеки многих стран Европы, в том числе и Россия. Б. Фабиан неоднократно бывал в России, где выступал с докладами на научных семинарах в Петербурге и Москве. На русском языке опубликована его монография «Книга, библиотека и гуманитарные исследования» (СПб., 1996) и статья «Библиотека и просвещение» (Сб. РНБ «История библиотек. Исследования, материалы, документы». — Вып. 1-СПб., 1996).

30 апреля 1993 г. проф. Фабиан выступил с речью на открытии нового здания Государственной и Университетской библиотеки Нижней Саксонии в Геттингене — одной из лучших библиотек современной Германии. Эта библиотека особенно тесно связана с сохранением и развитием традиций немецкого библиотечного дела. Текст этого выступления публикуется на страницах нашего журнала.

НА БЛАГО ЧИТАТЕЛЕЙ¹

В своем эссе «О чтении и книгах» Артур Шопенгауэр обращается к «трагической истории литературы» — истории литературы, запечатлевшей «как различные нации — каждая из них, разумеется, испытывает чувство великой гордости своими писателями и деятелями искусства — поступают с ними при их жизни». Что, по мнению Шопенгауэра, за этим стоит, я цитировать не буду, поскольку здесь речь пойдет не об истории литературы, а об истории библиотек. И у тех, кто хорошо представляет себе историю библиотек, тоже складывается представление об их истории как об истории «трагической» — истории пренебрежительного отношения к книгам, истории их утрат, истории разрушения, опустошения и грабежей библиотек. Таким образом развивается «трагическая» история библиотек от древности — со времен Александрии до современности — вплоть до

¹ Fabian B. *Dem Publico zu Nutze // Bibliothek: Forschung und Praxis* - 1993. № 3. S.330-333

Сараева и Бухареста.

Но все же, как несмотря на весь свой пессимизм, признавал сам Шопенгауэр, имеются некоторые исключения. Это относится как к истории литературы, так и к истории библиотек. Таким исключением, мне кажется, следует считать библиотеку, в которой мы собрались, чтобы с момента торжественного открытия ее нового здания символически начать новую главу истории ее развития.

Нельзя сказать, что в истории Геттингенской библиотеки одни только светлые стороны. В ней есть и темные пятна и неизученные периоды. Но библиотека никогда не могла пожаловаться на то, что ход ее истории прерывался, и она даже не была, как многие другие наши библиотеки, разрушена во время Второй мировой войны.

Спустя менее нескольких десятилетий со дня основания, библиотека пережила взлет, подобный взлету кометы — из ничего она превратилась в библиотеку, достойную одного из первых мест среди самых значительных библиотек Европы. Она стала служить образцом для новых библиотек, которые создавались позднее, и если обратиться к истории, то вполне можно сказать, что Геттингенская библиотека даже представляла собой прообраз современной научной библиотеки.

И она всегда была, по крайней мере в Германии, лидером в области развития библиотечного дела. Но все же иногда казалось, что путь ее развития, обусловленного внутренними обстоятельствами или внешними факторами, не всегда был прямым, а отклонялся в том или ином направлении, как например, в начале XIX века после кончины Христиана Готтлоба Хейне или в отдельные периоды нашего века.

У тех, кто в течение последних десятилетий судил о библиотеке по ее внешнему облику, могло даже сложиться впечатление, что от ее былого глянца сохранился лишь слабый отблеск. Но такое впечатление обманчиво.

Библиотеки — это собрания книг, но не безжизненные хранилища печатных изданий. Это живые организмы, и как все живые организмы, они имеют особую жизненную силу и им свойственна четко выраженная индивидуальность. С момента ее основания в Геттингенской библиотеке проявилась необыкновенная жизненная сила, и к тому же, эта библиотека всегда отличалась определенностью своего характера.

При неблагоприятных обстоятельствах и в условиях экстремальной загруженности то и другое проявлялось столь сильно, что даже у самых просвещенных ее читателей, отличающихся широтой мышления возникал вопрос: а не владеет ли библиотека некоей тайной?

Есть ли тут какая-то тайна, этот вопрос пусть останется открытым, но определенную особенность, отличающую Геттингенскую библиотеку от других библиотек, все же следует подчеркнуть. Я не смог бы назвать ни одной другой публичной научной библиотеки в Германии, которая с момента своего основания и в течение начального периода своего развития ощущала бы на себе заботу и благожелательное отношение своего, как теперь говорят, спонсора.

Озабоченность, которую проявил в отношении развития библиотеки барон фон Мюнхаузен, который был первым куратором университета и который хотел сделать университетскую библиотеку “многолюдной библиотекой” — факт, хотя и хорошо известный, но постоянно вызывающий удивление.

На ранней стадии формирования библиотеки он, находясь при этом в Ганновере, оставил за собой право личного надзора за ее становлением, так как он —

может быть, и вполне обоснованно — не доверял этого никому на месте. “По высочайшему повелению” направлялось в Геттинген даже то, чего там не требовали и не ожидали, выделялись дополнительные средства, о чем даже не ходатайствовали. Это была, по словам автора “Истории науки в Геттингене”, произнесенным им в 1765 г., та “светлейшая забота нашего мецената о будущем”, благодаря которой эта библиотека стала ведущей универсальной научной библиотекой своего времени. Она заняла это место на долгие годы, и сейчас она все еще относится к числу наших выдающихся библиотек.

Ожидалось, что в ответ на проявление “светлейшей заботы о будущем”, библиотека будет образцово выполнять свои функции. И она великолепно справлялась с этим.

В своих “Рассуждениях о протестантских университетах в Германии” (1776) Иоганн Давид Михаэлис пишет, что она сможет “не просто приносить огромную пользу, но даже в необычной до сих пор степени быть необходимой ученым и тем, кто желает ими стать.

С самого основания эта библиотека, по словам Хейне, стала служить “прогрессу научной культуры”. И делала она это — целиком отказываясь от какой-либо помпы в отражении своей собственной роли — настолько естественно, что читатели воздавали ей, как никакой другой библиотеке, свою хвалу и выражали свою признательность.

Они постоянно отмечали полноту и разнообразие ее фондов, качество каталогов и либеральность в отношении доступа в библиотеку. Я бы не хотел выделять особо кого-либо из читателей, цитируя его слова, поскольку по неписанным правилам Геттингенской библиотеки, в Республике ученых и желающих ими стать принято обходиться со всеми одинаково, независимо от авторитета. И если — иногда случалось и такое — библиотека не послужила “на благо читателя” или предоставила книги не вовремя, из Ганновера поступало предупреждение с пожеланием уладить возникшие проблемы, как например, письмо от 28 мая 1764 года, в котором шла речь о жалобах на “непоступление книг по заявкам тамошних ученых, а также на их медленную доставку”.

Будет ли библиотека и в будущем следовать столь замечательной традиции, а если будет, то каким образом, — вопрос, который в такой день, как сегодня, возникает совершенно естественно. Мы не можем рассчитывать на то, что ответ на подобный вопрос — что могло бы избавить нас от всяких трудностей — придет сам собой. Библиотеки — это учреждения-долгожители, и они обладают удивительной жизнестойкостью.

Но библиотека, созданная 250 лет назад — библиотека еще относительно молодая, и вряд ли можно ожидать, что особенно хорошо послужив “на благо читателя” в прошлом, она сможет обойтись без “светлейшей заботы о будущем” в течение грядущих лет и десятилетий.

В европейском библиотечном мире, в который, собственно, Геттингенская библиотека входила всегда, сейчас происходит нечто экстраординарное. Три самые крупные библиотеки континента одновременно готовятся к тому, чтобы эффективно работать в условиях будущего.

Британская библиотека в Лондоне получает новое, исполинских размеров, здание. Библиотека Франции в Париже преобразуется в соответствии с гигантским по замыслу проектом, и Государственная библиотека в Берлине соединяет в единое целое две крупные библиотеки.

При разработке планов говорится о создании книгохранилищ, обеспечиваю-

щих условия для хранения миллионов и миллионов книг, о библиотечной технике, которую следует производить с учетом возможностей ее применения в будущем, об оптимальной направленности работы библиотеки на читателя. Но при этом совершенно неожиданно возникают вопросы совсем иного рода.

Чем же должны быть библиотеки-гиганты?

Для кого возводятся эти библиотечные здания?

Станут ли они, говоря на языке естествоиспытателей, подлинными учреждениями для большой науки? Или они тоже будут представлять собой лишь место встречи с книгой для обычного читателя?

Какова же все-таки концепция библиотеки, которая на разных уровнях удовлетворяет потребности в литературе и которая должна справляться с задачей выполнения неординарных запросов?

Сможет ли, например в Лондоне, не соответствующее, с точки зрения архитектуры, эстетическим требованиям здание целевого назначения стать символом того места, где сосредоточена вся национальная литература?

Будет ли, например в Париже, монументальное архитектурное сооружение так хорошо оборудовано библиотечной техникой, чтобы суметь достигнуть высокой степени функциональной эффективности?

В спорах по всем этим вопросам отмечается очень много разногласий, эти споры очень остры, порой даже злы.

По характеру дебатов о крупнейших библиотеках, как впрочем и о других вопросах, по неуверенности в ведении культурной политики, по неприменимым на практике предложениям, по плохо продуманным рекомендациям ощущается, что само существование библиотеки стало проблематичным.

Она — и это не следует оценивать только в негативном смысле — воспринимается как нечто, вызывающее много сомнений. Уже давно говорят о том, что библиотеку правильнее было бы определить как медиатеку, поскольку появились “новые” носители информации, которые наряду с книгами тоже можно найти в библиотеке.

Результатом триумфального шествия компьютера и создания новых накопителей текстов стало то, что библиотека становится стилизованным информационным центром, в котором “информацию” извлекают уже не только из книг, а скорее, получают ее из книг значительно реже, чем из других источников.

Если сделать еще один шаг, то вслед за проблемой существования библиотек, возникает проблема существования книги.

Дальнейшая судьба книги стала вызывать сомнения, и в связи с этим почти автоматически под сомнением оказалась и дальнейшая судьба библиотеки как центрального института книжной культуры. В течение уже нескольких десятилетий строятся различные прогнозы, предсказывающие конец книги, и вслед за этим — конец книжной эпохи. В семидесятые годы конец книги казался настолько близким, что даже библиотекари (я не говорю: все библиотекари) верили в то, что необходимо сделать рывок вперед и оставить книгу в прошлом. Библиотекам это не пошло на пользу.

Едва ли все же это был бы рывок вперед, скорее это было бы проявлением покорности судьбе. Неужели библиотека будущего станет тем, что можно охарактеризовать как “центр передачи информации с вызывающим ностальгические настроения отделением, хранящим старые книги?”

То, что книга конкурирует с другими носителями информации, уже давно является предметом обсуждения. Действительно ли она в опасности, если по-

казатели выпуска книжной продукции постоянно возрастают, и мы скорее тонем в потоке книг, нежели ощущаем недостаток их количества? На первый взгляд может показаться, что конец книги — лишь плод воображения. Но не испытываем ли мы такое ощущение, что мы уже лишились книги или что нам грозит опасность утратить ее из-за того, что мы плохо справляемся, а иногда и вовсе ничего не можем поделать с потоком выпускаемых изданий, включающим в себя огромное количество названий? Не является ли это все той же конкуренцией средств передачи информации? Не ощущаем ли мы, по крайней мере, в подсознании, что эта конкуренция становится все более жесткой, если даже не сказать жестокой, и не кажется ли нам, что книга может не выдержать конкуренции и что она и не должна выстоять в этой борьбе?

Ранее представление о том, что прочитано должно быть как можно больше, казалось устаревшим убеждением некоторых из тех немногих, чьей страстью была книга. Со временем это стало потребностью, в которой явно просматриваются культурно-политические и общественно-политические компоненты. Но еще никто не смог толково обосновать, почему же прочитано должно быть больше и почему книга есть нечто, от чего мы не можем отказаться не нанеся себе такой ущерб, который никто даже не сможет точно описать.

Между тем, отход от книги продолжается. Раньше — и это было не так уж давно — никто не мог быть “информированным”, не будучи начитанным. Сегодня, поскольку “информированность” выдается за основное условие нашего интеллектуального существования, между определениями “быть информированным” и “быть начитанным” разверзлась пропасть. Разве уже не стало в нашем обществе признаком особого шика быть полностью информированным и совершенно не начитанным?

Не стала ли в связи с этим книга, а вместе с ней и библиотека тем, без чего вполне можно обойтись?

Электронным средствам свойственно особое очарование. Оно состоит в их способности перекрывать пространство и сокращать расстояние. Телефон соединяет нас с любой точкой Земли за секунды. Телевидение через спутники окончательно превратило мир в ту “глобальную деревню”, появление которой предсказывал Мак-Луган. Мы можем, не сдвигаясь с места, потенциально быть везде. В этом созданном электронными средствами мире книга представляет собой инородное тело. Создается впечатление, что она является остаточным элементом старой эпохи, неприменимым для преодоления расстояния, которое без труда можно сократить иными способами.

Если обратиться к истории, то можно сказать, что книга была первым средством распространения массовой информации, первым из “магических каналов” века коммуникаций. Современник Гутенберга совершенно неожиданно смог с помощью книги сообщать миру много сведений, причем так много, как до этого было невозможно.

Но оказалось, что книга способна на большее: она была средством, с помощью которого стало возможным услышать тех, кто жил в прежние времена. Книга преодолела не только пространство, она перескочила через границы времени. Для всех тех, кто научился читать и благодаря этому приобщился к культуре полиграфии, великие писатели прошлого стали непосредственно узнаваемыми современниками.

Тому, что книга, пройдя такой путь развития, в конце-концов стала доступным для всех инструментом познания прошлого, мы обязаны гуманистам, кото-

рые часто и сами работали в типографиях.

За всю свою исчисляемую половиной тысячелетия историю и вплоть до недавнего времени книга была единственным средством массовой информации. Газета и журнал, которые, пожалуй, тоже можно было бы отнести к этим средствам, являются все же сокращенными формами книги, или же ее побочными формами.

За эти пятьсот лет книга стала фундаментальным средством получения информации для всего — для познания, и для духовного обогащения, для обучения, и для досуга. И это надолго укоренилось в нас. То, каким образом мы что-либо воспринимаем духовно, каким образом мы систематизируем наши идеи и представления, каким образом мы поступаем в интеллектуальном плане — все это запечатлено в книге, в описаниях индивидуального характера и в описаниях социальных традиций. И нас самих, даже если мы этого не сознаем, определяет текстовая культура.

Сейчас мы находимся в такой ситуации, когда мы должны решить — либо мы — с постмодернистской небрежностью — оставляем книгу перед угрозой надвигающейся опасности, либо мы пожелаем снова подстраховать ее. Вопрос не в том, хотим ли мы и дальше иметь книгу в ее прежней физической форме или не хотим.

С появлением новых средств обозначились пределы возможностей книги, прежде всего ее возможностей как накопителя больших объемов текстов, которыми нужно или желательно манипулировать. Скорее, в этом случае речь идет о том, хотим ли мы снова отвести место книге там, где ей как основному средству передачи информации в исторически сложившейся текстовой культуре нет альтернативы.

Если книга должна быть снова восстановлена в своих правах и занять центральное место в нашем обществе, то в таком случае ей нужны не красивые слова, а убедительные и твердые аргументы, которые должны одержать верх при оказании сопротивления в борьбе с препятствиями на этом пути. Эти аргументы — если они должны быть такими, чтобы достигнуть цели — должны быть основательно подкреплены фактами из истории книги как средства массовой информации. Они должны исходить из библиотек, откуда можно получить их не столь легко и быстро, как это было бы желательно в силу неотложности решения поставленной задачи.

Поэтому мы должны составить себе ясное представление о том, как должна быть обустроена библиотека, чтобы она могла, по красивым словам Мюнхаузена, служить “для блага читателей”.

До тех пор, пока книга была единственным средством хранения и передачи всевозможной “информации”, подобные вопросы не возникали. Библиотека в течение столетий была попросту говоря всего лишь хранилищем, в котором содержатся необходимые книги.

Проблема заключалась только в том, чтобы это хранилище было до предела заполнено книгами и чтобы к этим книгам был обеспечен доступ. На ранней стадии своего существования Геттингенская библиотека была именно таким хранилищем. Она была образцовой общедоступной библиотекой для научной работы, и тому, чтобы роль библиотеки понималась и рассматривалась именно так, придавалось большое значение.

Неоднократно подчеркивал это и Хейне. Сегодня торжественным открытием нового здания библиотеки мы в современных условиях продолжаем осуществление этой концепции. На тот случай, если те, кто содействовал открытию нового

здания этой библиотеки, об этом, может быть, не слышали, я хотел бы сказать, что уже имеются новые варианты восхваления Геттингенской библиотеки, которые распространяются, во всяком случае пока устно.

Обычно общедоступную библиотеку определяют как библиотеку, в которой хранится и предоставляется в пользование читателей “актуальная” литература. Но получается, что у этого определения есть и оборотная сторона — в библиотеке накапливается и “неактуальная” литература, которая, если следовать такому определению и просто отрицать необходимость ее наличия в библиотеке, может показаться ненужной, без которой можно обойтись. В Германии — к сожалению — уже давно было высказано предложение, чтобы “не имеющие ценности” издания исключались из фондов библиотек.

Впервые такое предложение сделал Фридрих Альтхофф, сомнительный покровитель библиотек, который хотел чтобы об изданиях, вышедших в свет после 1750 г. можно было судить в лучшем случае, по одному экземпляру каждой книги, оставленной в библиотеке. Библиотекари, работавшие тогда в нынешней Государственной библиотеке в Берлине, сумели воспрепятствовать этому.

В нашей ситуации, когда дальнейшее существование книги и библиотеки оказалось проблематичным, скорее всего окажется целесообразным и полезным обратить внимание не только на общедоступную библиотеку. Общедоступная библиотека утверждается как институт, хотя она не всегда уверена в своем фонде. Как институт, она должна сама о себе заботиться, и она делает это, даже если перед финансирующими ее органами и перед ее библиотекарями возникают бесчисленные проблемы.

При новых условиях получения и хранения информации общедоступной библиотеке конечно суждено претерпеть некоторые изменения, но она не перестанет из-за этого быть библиотекой.

Что должно было бы привлечь наше внимание, так это та часть “неактуальных” изданий, которую мы, применяя обобщенное понятие, стали называть “исторически ценными фондами”. Эти фонды — если посмотреть на весь библиотечный мир — в семидесятые годы почти полностью игнорировались, а в восьмидесятые годы их стали открывать заново. И то, что с ними будет в девяностые годы и позднее, зависит от нас.

Мы можем сделать из них надежно сохраняемые передвижные театральные декорации некой декоративной культуры. Мы можем небрежно отправить их в некие “вызывающие чувство ностальгии” отделения и оставить их для тех читателей, о которых обычно думают, что они, из-за недостатка более серьезных замыслов, захотят заняться изучением этих фондов. Но мы также можем, и к тому в эти часы я горячо призываю, осознать актуальность этих фондов и на основе этих фондов создать особую библиотеку — библиотеку, в которой книга сама призывает к себе и тем самым помогает нам открыть ее заново.

В общедоступной библиотеке книга является в какой-то мере неким оптическим средством, через которое мы смотрим, обращаясь к предмету, о котором идет речь в книге. Мы никогда не берем книгу из общедоступной библиотеки для того, чтобы получить сведения о книге как таковой. Мы не обращаем особого внимания на саму книгу.

Исторически ценная книга, напротив, требует от нас самого пристального внимания. Она заставляет нас принимать ее как нечто такое, что нам пока еще чуждо. Она заставляет нас учитывать ту дистанцию, которая существует между ею и нами и понимать ее как средство, преодолевающее время, как мост из

прошлое в настоящее. И хотя по своему содержанию она может не представлять для нас интереса, как книга она может иметь самое большое значение.

Фонды изданий XVIII века, хранящиеся в Геттингенской библиотеке, будущая “неактуальность” которых вызвала тревогу у Хейне, в своей совокупности составляют самые драгоценные исторические фонды из имеющихся в ФРГ. Они ведут свое происхождение из той эпохи, которая, как едва ли какая другая эпоха, была эпохой книги.

История полиграфической культуры в Европе свидетельствует о том, что в XVIII веке развитие книгопечатания достигло высшей точки. Здесь книга настолько своеобразно проявляет свои свойства и как продукт полиграфической техники и как средство воздействия на общество, что становится символом эпохи.

Но духовную субстанцию эпохи, из которой происходят эти фонды, нам предстоит освоить заново. XVIII век был веком Просвещения, которое еще нельзя считать завершенным. Но вместе с тем XVIII век — это время, когда просветители вели разъяснительную работу о самом просвещении. И для нас это не менее важно.

Не следовало ли бы попытаться извлечь это единственное в своем роде собрание исторически ценных источников из контекста универсальной научной библиотеки и создать, обеспечив особые условия, характерные для исследовательской библиотеки, предпосылки для научной работы по изучению одной из самых значительных эпох духовной истории Европы? В Германии до сих пор нет подобной библиотеки, и Геттингенская библиотека смогла бы вписать новую страницу в историю библиотек.

Имеющийся за рубежом опыт принятия решений по подобным вопросам, отдаленно сопоставимым с нашими, обнадеживает и вдохновляет. И моделью такой библиотеки могут быть специализированные естественнонаучные лаборатории. Ведь считается совершенно нормальным, что для тех работ, которые не укладываются в обычные рамки и для которых необходимо обеспечить особые предпосылки, необходимо оборудовать и особые рабочие места.

“Светлейшая забота” о будущем перспективной библиотеки нового типа проявляется в достаточном объеме, так что — это важно для любой библиотеки, а для Геттингенской особенно — традиция не нарушается. Ее фонды, хотя они и выдающиеся, уже выросли и увеличиваются еще больше. Это происходит благодаря реализации программы “Сосредоточение немецких изданий”, инициатором которой выступил Фонд Фольксваген с целью дополнительно и не прибегая к помощи центра создать такой национальный архив печатных текстов, какого в Германии не было никогда. При этом Геттингенской библиотеке поручено собирать издания XVIII века.

Для раскрытия исторически ценных фондов простых перечней литературы недостаточно.

В Геттингенской библиотеке уже существует новый каталог отдельных частей фонда, эквивалентов которому нет нигде в Германии. Его создание финансировалось Немецким исследовательским обществом. Естественно, предстоит сделать еще очень многое чтобы можно было — по словам русского экономиста Николая Кондратьева — достичь того “духовного комфорта”, который даст нам возможность обзора тех больших интеллектуальных пластов, изучение которых было бы для нас очень кстати.

Кондратьев требовал этого в тюрьме, где он находился в сталинские време-

на, так что здесь двусмысленного понимания возникнуть не может. Запросы библиотек, как считал Адольф фон Харнак, вступая в должность генерального директора Королевской библиотеки в Берлине, “не всегда могут быть так же четко обоснованы, как требования нового естественнонаучного или технического института”. Если речь идет о том, чтобы обосновать потребности исследовательской библиотеки, то необходимо, по крайней мере, указать на то, что ученым должна быть предоставлена возможность изучить как можно больше.

Во многих областях науки уже стерлись все границы между достойным изучения и тем, что изучать излишне.

Поэтому нужно привести доказательство того, что библиотека по своей функции — на всех промежуточных стадиях, на которые разделяется фундаментальное исследование в процессе пользования литературой — вполне могла бы служить “на благо читателя”.

Ожидания обращены не к самой библиотеке, как это было в начале существования Геттингенской библиотеки, а к науке.

В течение последних десятилетий положение гуманитарных наук осложнилось из-за того, что и они оказались ответственными за общество. Зачастую они преклонялись перед эзотерикой, которая и отдалила от них многих интересующихся гуманитарными науками. К этому имеет самое прямое отношение их периферийное положение, на что недавно стали очень сетовать.

Многие проблемы, которые мешают развитию нашего общества, нашему существованию, требуют решений, для принятия которых нужно будет буквально молить о таких сведениях, дать которые могут только гуманитарные науки, поскольку именно в компетенции гуманитарных наук изначально находится изучение всех проблем, порождаемых масштабами времени и историческим развитием общества.

Говорить о том, что наука возлагает совершенно законные надежды на государство, а также о том, что общество питает законные надежды в отношении науки, не опасаясь, что это может быть неправильно понято той или другой стороной можно лишь в немногих местах. К таким местам, благодаря своим выдающимся традициям, относится Геттингенская библиотека.

Ираида Константиновна КИРПИЧЕВА —
75 лет со дня рождения

НАТУРА
ТВОРЧЕСКАЯ И
НЕОРДИНАРНАЯ

*Она узнала зыбь и дымы,
Огни, и мраки и дома —
Весь город мой непостижимый —
Непостижимая сама.*

А. Блок

17 июля 1997 г. исполнилось бы 75 лет Ираиде Константиновне Кирпичевой (1922–1994) — одному из ведущих отечественных специалистов библиотечного дела, лидеров петербургской библиотечной школы. Эрудиция, разносторонность ее профессиональной деятельности поразительны: библиограф, библиотековед, педагог, библиотекарь–практик. Старший научный сотрудник (1955), доктор педагогических наук (1974), заслуженный работник культуры РСФСР (1975). Автор 130 научных работ, среди которых монографии, статьи, программы, методика, практические пособия, др. материалы для библиотечных работников и читателей. Некоторые из них переведены на английский, болгарский, грузинский, немецкий, польский, чешский языки. Ее хорошо знали работники библиотек и в нашей стране, и за рубежом.

Время тяжело сказалось на ее жизни и судьбе. Она родилась в голодные 20-е годы в дер. Борисново Мещевского района Калужской области в доме деда. Уже в 1924 г. оправившийся от ран отец — Константин Иванович Ерохин, выпускник физико-математического факультета Московского университета, воевавший в I Мировую войну в качестве артиллерийского офицера, перевозит семью в Москву. Он начинает работать на АМО (в будущем — ЗИЛе), экстерном поступает в Московский автотракторный институт и к моменту его окончания в 1932 г. является начальником планового отдела завода. В январе 1933 г. — обыск в маленькой комнате коммунальной квартиры заводского дома, арест отца по ложному и типичному в те годы обвинению в шпионской и вредительской деятельности (в 1943 г. К. И. Ерохин погиб в лагерях, в 1957 г. — полностью

реабилитирован). Так для 11-летней девочки кончилось детство и она на долгие годы стала “дочерью врага народа”. Несмотря на пережитые потрясения, голод и другие лишения (мать Мария Ивановна, урожденная Лавецкая — дочь сосланного в Россию поляка, по специальности медицинская сестра, проработавшая всю I мировую войну сестрой милосердия в полевых госпиталях, с трудом находила хоть какую-то работу), Ираида Константиновна в 1940 г. с отличием закончила 422 среднюю школу Москвы и поступила на литературный факультет Московского городского пединститута (в Институт востоковедения дочери “врага народа” поступить не позволили). В годы Великой Отечественной войны — трудфронт (валила лес на пути немецкого наступления в районе Нарофоминска), шефская работа в госпиталях и на полставки библиотекарем в Центральной городской детской библиотеке. В 1942 г. перешла в возобновивший занятия МГБИ, в 1944 г. — закончила его с отличием и поступила в аспирантуру по кафедре библиографии (1944–1947 гг.). В 1945–1946 гг. — секретарь кафедры библиографии. Работая под руководством проф. Б. С. Боднарского, в 1947 г. защитила кандидатскую диссертацию “Библиографическая деятельность К. Н. Дерунова”. В 1950 г. внезапно уволена из МГБИ и, оставшись без работы как дочь “врага народа”, вынуждена переехать в Ленинград. С этого времени ее деятельность в течение 34 лет неразрывно и органично связана с нашим городом и ГПБ. Она прошла путь от старшего библиотекаря, старшего, затем главного библиотекаря (1950–1954) до зав. научно-исследовательским отделом библиотековедения (1955–1983).

Именно здесь, в Петербурге, где все “наперекор стихиям” и обстоятельствам, с максимальной полнотой и щедростью раскрылись ее таланты и проявилась личность — сильная, крупная, неординарная.

Ираида Константиновна в полной мере обладала столь необходимым в науке чувством нового, была широко образованным человеком, глубоким аналитиком, выдающимся исследователем, умела четко сформулировать наиболее актуальные проблемы и предложить оригинальные пути их решения, при этом прекрасно ориентировалась в практических вопросах библиотечного дела, понимала потребности библиотекарей и читателей. Закономерно, что именно она была инициатором и руководителем первых семинаров по основам библиотечно-библиографических знаний для читателей ГПБ (1950-е гг.). Проведение семинаров, консультаций для читателей, побудили ее создать первое в нашей стране пособие для специалистов “Библиография в помощь научной работе” (Л., 1958). Возглавляя научно-исследовательский отдел библиотековедения, она являлась одновременно крупным организатором междисциплинарных коллективных исследований российского масштаба, привлекала к совместной исследовательской деятельности широкий круг специалистов библиотечных учреждений как России, так и республик, входящих в СССР. Именно отсюда, из Ленинграда, на протяжении многих лет исходили оригинальные научные идеи, “делающие погоду” в библиотечном мире. Благодаря Ираиде Константиновне ленинградская библиотечная школа заняла в те годы лидирующее место в стране. Под ее руководством и при активном участии осуществлялись крупнейшие комплексные исследовательские программы 60–80-х гг. “Библиотека и научная информация” и “Общие проблемы оптимизации функционирования библиотечных систем”. Проводилось широкое, многоаспектное изучение социальных потребностей в библиотечно-библиографических ресурсах научной информации и способов их доведения до потребителей. В ходе исследований разрабатывался теоретический и методи-

ческий инструментарий, позволивший осуществить многоаспектное изучение информационных потребностей читателей в библиотечно-библиографических средствах информации, обосновать пути совершенствования информационной деятельности библиотек, их место и роль в условиях начинающихся процессов информатизации общества, развития информационных служб. Материалы исследования “Библиотека и научная информация” впервые в отечественном библиотекведении были обработаны с использованием ЭВМ и послужили основой монографии “Специалист — библиотека — библиография: Опыт исследования профессиональных потребностей в информации” (М., Книга, 1971) — настольной книги многих специалистов, работавших в те годы в библиотеках. Полученные материалы, в значительной мере послужили основой для блестящей защиты в 1974 г. докторской диссертации “Проблемы библиотечно-библиографической ориентации ученых и специалистов”. Все крупнейшие исследовательские программы И. К. Кирпичевой имели “выход” непосредственно в сфере библиотечной практики, совершенствования обслуживания читателей. Не случайно после завершения централизованной коллективной работы по проблеме “Библиотека и научная информация” последовала целая серия многочисленных самостоятельных исследований различных библиотек России, решающих аналогичные задачи (с использованием разработанного инструментария), но на материалах конкретных регионов и специфических, приоритетных для данных регионов (или типов библиотек) читательских групп.

И. К. Кирпичева — основатель серий сборников научных трудов “Библиотекарь и научная информация”, “Проблемы оптимизации функционирования библиотечных систем”.

Научную работу сочетала с педагогической деятельностью: в 1946–1950 гг. — ассистент МГБИ, преподавала на высших библиотечных и других курсах повышения квалификации ГБЛ, в 1951–1952 гг. в Харьковском библиотечном институте, затем в разные годы — на курсах повышения квалификации ГПБ, на заочном отделении ЛГБИ. Способствовала приобщению к научной работе многих библиотечных работников (и не только нашего города), помогала им подготовить и защитить диссертации.

И. К. Кирпичева активно влияла на библиотечную жизнь страны. Она — член Межведомственной комиссии по координации деятельности специальных, научных и технических библиотек Гос. комитета Совмина СССР по науке и технике, специальных комиссий министерств культуры СССР и РСФСР, член ученых советов ГПБ и ЛГИКа, общественной редколлегии сборника “Сов. библиотекведение”. Активный участник всех важнейших общесоюзных и республиканских совещаний библиотечных работников 1953–1983 гг. Выступала с проблемными докладами по актуальным вопросам библиотечного дела. Оказывала большую научно-организационную и методическую помощь библиотекам страны, многократно выступала оппонентом и рецензентом при защите кандидатских и докторских диссертаций, подготовке и издании различных трудов.

Ираида Константиновна активно участвовала в ныне широко развернувшемся международном сотрудничестве между специалистами разных стран. Она участник 38-й сессии ИФЛА (Будапешт, 1972 г.), семинара библиотечных работников стран Азии и Африки (Москва–Ташкент, 1972 г.), семинара по теоретическим проблемам библиотечного дела (Берлин–Лейпциг, 1975 г.), 1-го советско-американского семинара библиотечных работников (Вашингтон,

1979 г.), основной организатор с советской стороны двусторонних библиотечно-ведческих исследований по согласованным программам между ГПБ и национальными библиотеками Польши и Чехии (1973–1983 гг.) соответственно по проблемам пропаганды и чтения специальной литературы и информационной деятельности публичных библиотек.

Заслуги И.К. Кирпичевой признаны библиотечным сообществом. Она награждена орденом “Знак почета” (1981), медалями “За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина” (1970), значком МК СССР “За отличную работу”, “Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР” (1964), грамотами ГПБ.

Оригинальный ученый, великолепный организатор, прекрасный психолог, тонкий аналитик, богатая и сложная личность, по природе лидер, она всегда и везде притягивала взоры присутствующих, обращала на себя внимание яркими выступлениями, страстным участием в дискуссиях. Она жила чрезвычайно насыщенно и интенсивно жизнью, обладала поразительно тонким чувством юмора, как человек сильный и умный не боялась пошутить над собой. Ее ценили, уважали, к ней прислушивались, на ее мнение ссылались, ее цитировали. При этом Ираида Константиновна была вполне реальной женщиной, иногда порывистой, с сильными эмоциями и бурно проявлявшимися чувствами. Она хорошо знала и любила отечественную поэзию (особенно поэзию Серебряного века, современных авторов), увлекалась музыкой была удивительной хозяйкой и отличным кулинаром, умеющей и любящей поразить гостей оригинально и необыкновенно вкусно приготовленным блюдом или вещью, сделанной своими руками. И всегда — готовность помочь делом в трудную минуту, придти на помощь, поддержать.

И.К. Кирпичева воспитала не одно поколение специалистов (теоретиков и практиков), получивших под ее руководством прекрасную подготовку, достойную Петербургской научной школы. Вклад И.К. Кирпичевой в отечественное библиотечное дело несомненно требует глубокого и серьезного осмысления.

Литература:

Румянцева Э.М. И.К. Кирпичева // Сов. библиотекосведение.

— 1983. — № 1. — С.95-98.

Bratkova E. Kirpičeva Iraida Konstantinovna // Bibliografický slovník k teorii bibliografie. — Praha, 1985. — S.66-67.

Петрусенко Т.В. Останется в памяти коллег // Библиотека.

— 1995. — № 6. — С. 78.

Иениш Е.В. Ираида Константиновна Кирпичева. Биобиблиогр. указ. // РНБ.

— 1996. — 67 с.

Володин Б.Ф. И.К. Кирпичева — лидер ленинградской школы библиотекосведения // Петербургские чтения — 97. Материалы Энциклопедической библиотеки “Санкт-Петербург — 2003”. СПб, 1997. С.560-563.

*Татьяна Викторовна Петрусенко —
канд. пед. наук, зав. отделом комплектования
Российской национальной библиотеки, член
правления Петербургского библиотечного
общества*

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Моему поколению есть что вспомнить, чем поделиться из сокровенного с молодыми. Людей моего поколения связали схожие судьбы грандиозного созидания и одновременно немислимых разрушений, репрессий, войн, ломки биографий. Объединяющим началом были общие методология и мифология, что сделало нас фанатичными работягами, вопреки логике патриотами и, что греха таить, идеалистами. Среди коллег моего поколения были незаурядные личности. Из них выделяю *Ираиду Константиновну Кирпичеву* — человека глубокого и трезвого ума, мастера общения с людьми, жизнелюбивого, обладающего безупречной логикой суждений, энциклопедической образованностью, разносторонними интересами.

Отравленная драмой века (дочь врага народа), она никогда не выказывала обиды на судьбу, была верной дочерью Отчизны, что проявлялось в самом бескорыстном служении избранному ею библиотечному делу.

Меня всегда привлекала ее индивидуальность. Быть самой собой мало кому удается, а она умела не подлаживаться под моду, не сливаться с конъюнктурой. Это дается лишь сильным, мужественным и духовно богатым личностям. И.К. Кирпичева была именно таким специалистом и гражданином. На всем протяжении нашего знакомства я всегда видел ее в стороне от грязи, вне группировок, мышинной возни, возникающих в некоторых коллективах. Но не иметь мешанских пороков не означает быть безучастным к проблемам бытия. Будучи демократом и тактичным дипломатом, она как никто другой умела отстаивать свои принципиальные позиции, находить общую точку зрения в интеллигентном профессиональном споре.

Впервые мне довелось встретиться с И.К. Кирпичевой осенью 1945 г., когда в большую аудиторию библиографического факультета МГБИ энергичным шагом вошла молодая красивая женщина в ярко голубом платье, резко контрастировавшая с одеянием студенческой братии первых послевоенных месяцев. Сдержанно улыбаясь, спокойно, с неподражаемым кирпичевским достоинством, произнесла: “Здравствуйте! Садитесь!”

Будучи новичком, в библиографических делах, я шепотом осведомился у соседки: “Кто это?”. Смирив меня снисходительным взглядом, означавшим — “лопух”, она написала на бумажке: “Ираида Константиновна Кирпичева, ассистент Боднарского”.

Слушая первую в жизни лекцию по проблемам общей библиографии, я, честно признаюсь, мало что усваивал, но был зачарован чистотой русской речи, спокойной манерой общения преподавателя с аудиторией. Ни одной лекции или практического занятия Ираиды Константиновны, до предела насыщенных высоким профессионализмом, точными библиографическими сведениями, я не пропустил, сдал экзамен на “отлично”, зачеты и контрольные работы...

Но речь не об этом. Суть в другом: ведь ассистенты были и у других профессоров и доцентов МГБИ. Однако никто из них не вышел на уровень знаний своих шефов. И.К. Кирпичевой это удалось. Параллельно с Б.С. Боднарским она вела курсы по общей русской библиографии и по истории русской библиографии, одновременно исследуя библиографическую деятельность К.Н. Дерунова, и в 1947 г. защитила кандидатскую диссертацию. Вся эта колоссальная нагрузка — свидетельство высокого интеллектуального потенциала и большой силы воли.

Кстати, студенты и студентки, которые рассчитывали на снисхождение, предпочитали экзаменоваться не у Кирпичевой, а у Боднарского, уверенные, что у него легче скромность библиографической эрудиции компенсировать обаянием молодости и кокетством.

Закончив в 1948 г. Институт, я оторвался от него и не скоро узнал, что И. К. Кирпичева тоже его оставила и работает в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Работая после МГБИ в различных библиотечных учреждениях, я, естественно, “натякался” на статьи и книги Ираиды Константиновны, доводилось слушать ее выступления на московских совещаниях. Особенно большое впечатление на меня произвела ее книга “Библиография в помощь научной работе” (1958). Но вторая встреча с ней в моей памяти связана с 1965 годом, когда я был утвержден в должности начальника отдела научных и специальных библиотек Управления библиотек МКСРФСР.

Мой непосредственный начальник В. В. Серов, справедливо полагая, что без знания главной библиотеки России, ее специалистов нельзя успешно выполнять возложенные на меня задачи, организовал командировку в Ленинград. И здесь, в легендарном директорском кабинете, состоялась наша вторая встреча с Ираидой Константиновной, переросшая в дружбу длиной в 29 лет.

Оказавшись “за столом переговоров” в кругу В. М. Барашенкова, О. Д. Голубевой, Н. А. Ефимовой, И. К. Кирпичевой, М. Д. Моричевой, несколько робея, сдавал первый зачет на начальническую должность. И в этом загадочной улыбкой Моны Лизы поддержала меня Ираида Константиновна, придала мне уверенности, помогла на равных обсуждать острые вопросы, которые поставил В. В. Серов. Один из вечных: укрепление контактов с ГБЛ. Дирекция ГПБ, приводя убедительные примеры амбициозности московской альма-матер, противилась этому.

Разгорячившийся начальник Серов воскликнул: “Что же Салтыковка располагает силами, чтобы руководить всей библиотечной Россией? Почему не утратить их за счет союза с ГБЛ?”

Ираида Константиновна первой поддержала идею Серова, а в последующем всей своей деятельностью показала, как это делать. На принципиальной основе межведомственного партнерства она руководила проблемной комиссией МКСРФСР “Библиотека и информация”, провела главное в своей жизни исследование, венцом которого стала коллективная монография “Специалист — библиотека — библиография” (1971), получившая самую высокую оценку в отечественной и профессиональной зарубежной печати. В 1966 г. на стадии подготовки труда, когда голос критиков и маловеров был ощутим, мне довелось выступить в его защиту¹. Результаты исследования были одобрены и официально Комитетом по науке и Министерством культуры страны.

¹ Бачалдин Б. Н. Проблемы библиотекостроения решать коллективам // Техн. б-ки СССР. - 1966. - сб. 4(46). - С. 12-17

Однако главные итоги в принципе шире и глубже, в выходе исследования на практику. Оно, в сущности, изменило все мировоззрение библиотекарей, их самосознание, внесло новые информационные формы и методы повседневной работы — стимулировало создание информационных звеньев во всех библиотеках вплоть до районных, которые, например, в агрокомплексе — были единственными реальными службами НТИ. Если вспомнить, какую удушающую атмосферу создали в 50–70-е гг. лидеры нарождающейся государственной системы НТИ, предвещая отмирание книги и библиотеки, вытесняя их из сферы информатики, то станет ясно, сколь великой должна быть благодарность участникам исследования “Библиотека и информация”.

Мне всегда импонировала способность Кирпичевой завоевывать умы и привлекать таланты, симпатии сотен специалистов во многих сферах деятельности. Непререкаемым авторитетом она пользовалась у сотрудников библиотек России, коллег в союзных республиках и за рубежом.

Редкое качество Кирпичевой как ученого — внимательное отношение к соавторам. Она никогда не тянула одеяло на себя, скрупулезно фиксируя в объемных списках роль каждого участника исследования и подавая себя скромно лишь как члена редколлегии. А какой удивительной и эффективной была связка Кирпичева — Иениш — Гольдберг!

И, наконец, с рядом работников МК РСФСР, прежде всего с зам. министра В. М. Стригановым Ираиду Константиновну связывали не только официальные, но и дружеские отношения. В. М. Стриганов всегда ее поддерживал, интересовался ее делами, содействовал поощрению ее заслуг (звание, орден).

Вообще, на опыте Кирпичевой можно утверждать, что взаимоотношения властных структур с федеральными научно-методическими библиотечными центрами могут быть идеальными и результативными. Лично меня никогда не оставляло чувство глубочайшей признательности ей за поддержку акций Библиотечного управления, за участие в подготовке документов, постановлений и приказов Министерства, докладов и выступлений на больших форумах. Она утраивала успех позиции Управления, если выступала или даже присутствовала на коллегиях, когда рассматривались перспективные планы библиотечного дела России или сводные планы НИР и НМР.

В данном контексте, мне представляется однобокой позиция тех коллег, которые рассматривают творчество Кирпичевой лишь как библиографическое. След, оставленный ею в библиотековедении, не менее глубокий.

И еще одна очень важная особенность Ираиды Константиновны: она, как никто другой, органически сочетала в себе три таланта специалиста: исследовательский, преподавательский и организационно-управленческий. Она разрабатывала программу, обсуждала ее в коллективах, не жалея времени и сил обучала как ее выполнять, не гнушалась самой прозаической работой, связанной с реализацией программы: ехала в Эстонию, чтобы организовать машинную обработку анкетного материала, в один из городов (Псков, Суздаль, Рязань и т. д.), чтобы лично убедиться в их готовности достойно разместить участников исследования, накормить их, ознакомить с памятниками культуры и т. д. Одно из заседаний проблемной комиссии проходило в Ленинграде. Здесь с гостиницами всегда туго. И Кирпичева организует размещение гостей по квартирам сотрудников библиотеки.

Выделю еще один нюанс личности Ираиды Константиновны: историческое мышление, помогавшее ей анализировать современные библиотечные тенденции

во взаимодействии с историческими фактами. И совсем не случайно темой ее кандидатской диссертации было творчество К.Н. Дерунова, а руководителем Б.С. Боднарский — связующее звено между прошлым и настоящим отечественного библиотечного дела. Не случайна ее многолетняя дружба с М.К. Деруновой, дочерью героя диссертации. Словом у нее всегда было пристрастное отношение к библиографической классике. Убедительно это подтвердилось, например, в 1968 г. на одном из наших совещаний в Курске. Утром поступила телеграмма из Москвы с известием о кончине Б.С. Боднарского. Как ведущий совещания я попросил объявить об этом И.К. Кирпичеву. Она экспромтом произнесла удивительное слово о нем, а я пожалел, что оно не было застенографировано. И лишь почти через два десятилетия Ираида Константиновна опубликовала обстоятельную аналитическую статью о библиографе и человеке — Б.С. Боднарском.

Многое, еще очень многое вспоминается, но в предлагаемых строках приведены лишь некоторые штрихи к биографии выдающегося библиотечного деятеля XX в. — И.К. Кирпичевой, которая никогда не щадила себя в работе, дружбе, заботах о коллегах и учениках. Ее популярность при жизни, особенно в регионах России, была огромной. Это объясняется не только ее заслугами перед отечественным библиотековедением, библиографией, информатикой, но и неповторимой яркостью творческой индивидуальности.

И как бы хотелось, чтобы все специалисты, прежде всего молодое племя ученых, достойно продолжили ее дело, изучили ее наследие.

Борис Николаевич Бачалдин — канд. пед. наук, работал в библиотечных учреждениях АН СССР и ВАСХНИЛ, зам. гл. редактора журнала "Технические библиотеки СССР", с 1969 по 1974 возглавлял журнал "Библиоткарь", около 20 лет занимал руководящие должности начальника отдела и управления библиотек Министерства культуры РСФСР, автор свыше 150 работ в области библиотечного дела, опубликованных в отечественной и зарубежной профессиональной печати.

ЯРКИЙ ПРИМЕР ВЫСОКОГО ПРОФЕССИОНАЛИЗМА

Меня ошеломило известие о тяжелой болезни и кончине Ираиды Константиновны. Такой она казалась основательной, прочной, будто уготована ей долгая и вполне благополучная жизнь, а умерла она совсем еще не старой...

Впервые имя ее я услышала в 1960 году, когда постигла азы теории и практики рекомендательной библиографии в "Ленинке" под патронатом таких асов этого вида библиографии, как Бася Абрамовна Смирнова и Суламифь Соломоновна Левина. Вышла брошюра И.К. Кирпичевой "Что надо знать каждому читателю", не слишком доброжелательно принятая, как позже осознала, моими наставницами. И они заронили у меня самонадеянную мысль, что могу выступить с критическим разбором данной работы. Я очень старалась, писала и

зачеркивала, но ничего путного не получалось, так, мелкие придирки, к тому же слабо аргументированные. Одного желания “потягаться” со специалистом было явно мало, мне не хватало знания предмета, о котором рассказывала И. К. Кирпичева, в ту пору уже известный библиограф. Быть может, это и не была ее лучшая книжка, но она вполне отвечала цели, поставленной автором.

Несколько лет спустя в коридорах “Ленинки” уважительно заговорили об Ираиде Константиновне в связи с комплексным исследованием информационных запросов ученых и специалистов, по материалам которого в 1971 году был издан коллективный труд ГПБ “Специалист. Библиотека. Библиография”, ставший значительной вехой в развитии теории и практики библиотечного дела. В ГБЛ к исследованию были подключены некоторые сотрудники, среди них моя близкая подруга И. П. Осипова, неизменно с восхищением отзывающаяся о руководителе труда.

Ираида Константиновна довольно часто приезжала в Москву, бывала в исследовательском отделе, где я работала, советовалась с Оганом Степановичем Чубарьяном. Тогда-то я увидела ее и сразу восприняла как личность незаурядную, увлеченную своим делом. Статная, в одежде, подчеркивающей ее величавость, с римским профилем, не красивая, но приметная, она умела заставить слушать себя и говорила всегда умно, логично. Несколько наших коротких встреч вряд ли запомнились ей, однако я считала себя уже лично знакомой с И. К. Кирпичевой.

А с начала 70-х гг., когда мне довелось наряду с журналом “Советское библиотековедение” заниматься координацией научно-исследовательских работ по библиотечному делу, я действительно тесно контактировала с Ираидой Константиновной. Ведь она возглавляла в ГПБ соответствующий отдел, много внимания уделяла собственно научным работам своей библиотеки и вовлечению в нее сотрудников региональных библиотек России, а также и методическому обеспечению этого по сути нового направления деятельности библиотек на рубеже 60-70-х гг.

Мне довелось регулярно общаться с И. К. и составлять координационные планы НИР и НМР, и продумывая организационные мероприятия в помощь развитию этих работ, и определяя головные учреждения, руководившие соисполнителями. В такой кропотливой, задевавшей интересы коллективов работе, компетентным помощником и надежным партнером была И. К. И хотя в этой деятельности было больше благих намерений, чем реальных достижений, сам инструмент планов учил библиотеки брать на себя посильные задачи, обязывал ответственно взвешивать свой потенциал, прививал вкус к коллективным исследованиям.

И. К. правомерно считала очень важным поддерживать постоянные связи с областными и краевыми библиотеками, снабжать их научными методиками, консультировать, добиваясь, чтобы региональные исследования имели отчетливо выраженную практическую направленность.

Ей в немалой степени принадлежит заслуга в организации и успешном проведении целой серии ежегодных конференций, совещаний или семинаров, всякий раз в одном из городов России. На такие встречи И. К. по договоренности с

Управлением библиотек Минкультуры РФ приглашала и меня с докладом о состоянии НИР по библиотечному делу в масштабе бывшего СССР. Программа таких совещаний несла на себе явный отпечаток научного потенциала и организаторских способностей И. К., и каждый раз участники разъезжались, много почерпнув от общения практиков с учеными.

Поразила меня И. К. в 1973 году, неожиданно обратившись ко мне с просьбой придирчиво прочитать автореферат ее докторской диссертации. Что это было? Проявление скромности истинного ученого? Доверие ко мне, только недавно защитившей кандидатскую, но ежедневно просматривавшей рукописи для теоретического издания по проблемам библиотечного дела? Конечно, мне была легка ее просьба, я с удовольствием и вниманием ознакомилась с авторефератом, отчетливо излагавшим научные идеи И. К.

С середины 70-х гг. у нас завязалась дружеская переписка с И. К., ведь командировки в Ленинград для сотрудников ГБЛ были весьма нечасты. В ее письмах выделяю две темы, к которым она возвращалась. Первое — доброе напутствие нескольким ведущим специалистам “Ленинки” продолжать научную разработку проблем, поднятых в кандидатских диссертациях. И. К. журила за ленность, предлагая свою помощь. Вторая тема, которая ее очень заботила, — поиск себе замены.

Она твердо решила уйти на пенсию, однако серьезно думала над тем, кому доверить свое детище, научно-исследовательский отдел с его проблематикой, методикой, накопленным организаторским опытом. В письмах она приводила “за” и “против” облюбованной кандидатуры своего молодого преемника, и несмотря на уговоры, намерение свое осуществила, ушла на пенсию, полная сил и творческих замыслов.

Мы еще несколько лет обменивались открытками и письмами. Я узнавала о ее активном отдыхе, путешествиях по родной стране и по Чехословакии, об участии в ученом совете ЛГИК, о выступлениях в Ленинградском Доме ученых. Она не порывала с нашим библиотечным миром, который благодаря ее работам, идеям стал более общественно значимым.

Остались книги И. К. Кирпичевой, коллеги, которых она хотела видеть высокими профессионалами, сама являя яркий пример такого профессионализма.

Людмила Моисеевна Инькова — канд. пед. наук, на протяжении многих лет заведовала сектором координации НИР в Государственной библиотеке СССР им. В.И.Ленина, была заместителем гл. редактора, а впоследствии гл. редактором журнала “Библиотековедение” (“Сов. Библиотековедение”), автор многочисленных публикаций по проблемам библиотековедения, активно участвует в профессиональной библиотечной жизни.

ПАРАДИГМЫ МЫШЛЕНИЯ: БИБЛИОТЕКИ И ОБЩЕСТВО

Виноградов Н.А. — доктор историч. наук, профессор СПб лесотехнической академии. Кафедра культурологии, социологии и политологии. Автор более ста работ в области науковедения и культурологии, в том числе и библиотечного дела.

В культурной жизни России произошло заметное событие: библиотекари получили концепцию выхода из состояния развала, хаоса и омертвения. Библиотека — это не только хранилище книг и рукописей, но и центр живой мысли, питающей общественные перемены. Именно это — главная идея новой книги сотрудников научно-исследовательского отдела библиотековедения Российской национальной библиотеки¹.

Предпосылкой глубоких размышлений и выводов всегда должно быть осмысление прошлого опыта. Введение и часть I книги — это галерея образов творцов библиотечного дела, история теорий, идей и представлений о взаимодействии книжных святилищ человеческих знаний и общества. Историко-сравнительный подход, взятый в качестве метода для обоснования предмета и целей исследования, здесь себя полностью оправдал. Авторы в ходе своих рассуждений, базирующихся на солидных источниках, многие из которых введены в научный оборот впервые, открывают историю формирования и развития двух концепций в библиотечном деле: библиотека — это хранилище книг, универсальных или специально подобранных учеными и любителями, предлагаемых читателю для пользования, или это культурный и научный центр, где книги собирают, обрабатывают, где ведут научную работу специалисты, вовлекая в нее и читателей.

В книге справедливо отмечается, что концепции библиотечного дела, сложившиеся в той или другой стране — это отражение исторического пути ее развития, идеологии взаимодействия общества и государственной власти. Например, в России, где идеи демократии были эпизодическим явлением на практике и разрабатывались до уровня космических масштабов в теории, всегда отсутствовали подлинно демократические методы в организации и управлении библиотеками и просвещении. Широко рекламируемая сегодня идея частной инициативы или спонсорства — это ничто иное как попытка переложить ответственность российского государства на граждан в области культурного созидания.

В западных странах, например в США, граждане осознавали последствия зависимости от государства и стремились своими средствами реализовать соб-

¹ Гусева Л.Н., Смолина Е.В. *Библиотековедение: Нормативный подход (понимающая парадигма мышления)*. СПб., — 1997. — 207 с.

ственные идеи в полезной для общества деятельности, предоставляя правительству незначительные и ограниченные права. Авторам книги следовало бы отметить и то, что русская государственность начиналась с добровольной отдачи себя чужестранным пришельцам, а позже очаги свободомыслия жестоко подавлялись наследными правителями — юриковичами. Так формировалось в сознании всякого русского (правда в разной мере) ощущение вечной зависимости или рабства. Правители же просвещали народ, поскольку это требовалось для их престижа или социально-экономических целей развития страны (Петр I, Александр II, Ленин, Сталин, Хрущев). Ничего удивительного нет в том, что и средства в России отпускались на то, что требовали идеологические установки режима, а не интересы дела библиотек, значение которых понимали даже не все их работники. В советское время мы имеем не просчеты в управлении библиотечным делом, а твердо установившийся производственный принцип его организации, где существовали пеха комплектования, каталогизации, систематизации и т.д. со своими планами, администрацией, парт- и профорганизациями, то есть централизованная производственная структура — аналог завода или фабрики. Соответственно строилось и управление, которое никак не могло укладываться в каноны свободного творчества.

Крупная библиотека — это системно организованная структура (модель), которая успешно функционирует при оптимально задействованных связях между различными ее элементами. Авторы в своей книге исследуют модели крупных библиотек России периода 60–80-х годов. Это оправдано, так как именно в эти годы обострились проблемы в управлении библиотеками, а с другой стороны началась разработка и применение нетрадиционных для России автоматизированных систем управления библиотечным делом, началась разработка различных систем классификации, нормативов, ГОСТов, инструкций и т.д. Появились разработки, посвященные методологии библиотековедения.

Несмотря на кажущийся подъем в теоретическом библиотековедении, идеологические препоны в очередной раз стали на пути дела. Авторы правильно отметили в книге, что “теоретические концепции не имели эмпирического обоснования, а служили для идеологической оценки результатов исследований “специального библиотековедения” (с. 41). Что же касается социологических исследований, которые могли бы стать источником создания моделей взаимодействия библиотеки и читателя, то и они должны были только подтверждать то, что навязывалось идеологическими установками.

Системный анализ, моделирование, программно-целевое планирование, применяемые на практике, — это все тот же эмпирический уровень познания, а не теоретический. Что же касается высказывания К. В. Тараканова в отношении недостатков математического моделирования, то авторы, на наш взгляд, достаточно терпимо отнеслись к его утверждениям конца семидесятых годов, когда увлекательная управленческая терминология была далека от практики жизни библиотек, многие из которых обладали ресурсами периода петровских времен. Исключением в России этого периода можно было назвать ГПНТБ СО АН СССР, где в 80-е годы внедрялись в библиотечное дело АСУ и новые информационные системы.

Создание управленческих моделей современной библиотеки немислимо без учета опыта практиков. Это крайне важный путь для обеспечения связи научных исследований с практикой, что всегда создает благоприятные условия для внедрения новых разработок.

С полным знанием дела авторы пишут, что в крупных библиотеках, методи-

ческих центрах и публикациях представлен громадный опыт высококвалифицированных специалистов. Для решения проблем своей работы они опираются на концептуальное видение деятельности библиотеки со сложившимися в их сознании стереотипами (с. 70). Именно подобного рода традиции, обеспечивая, с одной стороны, устойчивость библиотечной системы, с другой — сохраняют ее внутреннюю консервативность, наряду с внешним идеологическим давлением авторитарного государства. Проводя различие между практиком и исследователем, на наш взгляд, авторы логично подводят читателя к необходимости новой философской (библиотечной) парадигмы, где бы сочетался опыт практиков и теоретические концепции. Так определяются контуры “понимающей парадигмы”. Среди нескольких ее определений, предложенных авторами, наиболее ценным видится утверждение, что она строится на признании человеческого самосознания, зафиксированного в определенных формах культуры и значимости опыта для развития деятельности. Опасение в ее субъективности, на наш взгляд, является неубедительным, т.к. уровень теоретического обобщения осуществляется на основе исследования действующей модели.

Вторая (основная) часть книги посвящена методологии прогнозирования и проектирования деятельности библиотек на основе “понимающей парадигмы мышления”. Профессионально написанный исторический очерк предлагаемой авторами концепции подтверждает глубокое знание проблемы. Приятно отметить и то, что концепция управления библиотекой рассчитана прежде всего на практиков. Поэтому наряду с теоретическими обоснованиями написан и раздел, посвященный применению ее концептуально-теоретических положений.

Прежде всего, следует обозначить достаточно тонкое и тщательное обоснование понятий библиотечной философии и ее типов, разграничений с идеологическими представлениями. Надо признать справедливым утверждение авторов, что слабость современной управленческой деятельности в библиотечной сфере кроется в крайне недостаточном обосновании ее стратегии и целей. Существующие же философские школы и авторитеты достаточно отдалены от понятий профессиональной деятельности библиотек.

Надеяться на сближение в плане переосмысления целей теоретической деятельности и радикального поворота к практике в ближайшее время не приходится, даже если библиотековеды попытаются выйти за пределы собственного опыта, сложившихся традиций библиотечной деятельности (кстати, это демонстрируют авторы рецензируемой книги). Отличим любой хорошо выполненной работы является профессионализм, складывающийся на основе таланта и опыта. Поэтому можно говорить о необходимости сближения теории и практики, осуществления некоторых теоретических разработок, но всегда будет существовать “чистая наука” (философия) и прикладная наука (профессиональная философия), на которых и должно базироваться библиотечное дело.

Подлинным “прорывом” в работе библиотек станет применяющийся на практике вывод, что эмпирические исследования в области истории, социологии, психологии, экономики и др. наук должны создавать методологическую основу стратегии и практики управления библиотек. Для осуществления этой задачи в книге предлагаются конкретные рекомендации. Это новые системы переподготовки специалистов в крупных библиотеках, внедрение теоретически обоснованных стратегий и планов управления, налаживание деловых связей и отношений с читателями и учреждениями с целью коллективной выработки представлений о назначении библиотек в современном обществе. Таким образом библиотеки дол-

жны интегрироваться в духовную среду общества, наполняя ее своим духовным потенциалом.

В заключение отметим, что рецензируемая книга снабжена обстоятельным научно-справочным аппаратом, что крайне важно как для читателя, так и специалиста-библиотековеда. Некоторые историософские отступления общего характера в определенной мере сделали ее “тяжеловатой” в плане восприятия основной идеи, но это не снижает ценности работы, написанной с целью преобразования как конкретной сферы человеческой жизнедеятельности, так и всего общества.

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

*Людмила Николаевна Гусева — научный сотрудник
НИОБ Российской национальной библиотеки, автор мно-
гих публикаций по наиболее дискуссионным проблемам
библиотековедения*

Проявившееся в последние годы повышенное внимание специалистов в области библиотековедения и библиографоведения к гуманитарному знанию способствовало появлению интересных, отличающихся новизной взгляда на предмет публикаций. К числу таких работ относится и монография А. В. Кумановой¹. Предлагаемая читателям рецензия на данное исследование не претендует на полноту и глубину анализа. Это попытка взглянуть на проблему заинтересованного в полноценном библиографическом обслуживании специалиста-исследователя одной из областей гуманитарного знания — профессионального знания библиотекарей.

Центральное место по объему (72 стр.) и по своему значению занимает история философских и научных концепций гуманитарного знания (раздел 1), между которыми автор устанавливает определенные связи. Генеалогия концепций гуманитарного знания представлена в виде отдельной схемы (схема 22) в “Приложении”. По мнению А. В. Кумановой, ее исследование — это “культурологический и феноменологический эскиз проблемы человека в истории философской и научной мысли и в современном документальном потоке, сложившейся в ходе мирового историко-культурного процесса, интерпретирован как контур содержательной структуры гуманитарной библиографии в соответствии с грандиозной философской идеей многоярусного диалектически единого мира” (с. 16).

Широкая панорама философских и научных идей и концепций великих мыслителей прошлого и современности, изложенная в книге, несомненно расширит представления библиографов о содержательной структуре гуманитарной библиографии. Этому способствует и огромный материал “Примечаний”, где автор комментирует отдельные концепции. Особенно ценным, на наш взгляд, является освещение процессов, происходящих в современной западной науке и культуре.

Не умаляя достоинств монографии и осознавая всю сложность задачи, за которую взялась А. В. Куманова, хотелось бы отметить, что в результате прочте-

¹ Куманова А. В. Введение в гуманитарную библиографию. Философско-научно-ведческая картина гуманитарного знания: Библиографоведческое исследование. — СПб., — 1995. — 252 с.

ния книги не складывается ясного представления о разграничении понятий “гуманитарное знание” и “гуманитарные науки”, что принципиально важно для обслуживания исследователей-гуманитариев. Классификации, представленные в “Приложении”, — это, в основном, классификации наук, а в схеме 18, где даны уровни познания, гуманитарное научное знание не выделяется на уровне “гуманитарное знание”. Только в одном месте, анализируя различные философские концепции проблемы человека, автор замечает, что “понятия “гуманитарное знание” и “гуманитарно-научное знание” далеко не тождественны. Первое является более обширным, чем второе, поскольку подразумевает не только научное знание о человеке, но и все то знание, которое содержится в искусстве, в жизни людей, в сознательном сопоставлении науки с искусством, художественной литературой...” (с. 95).

Сложность выделения научного гуманитарного знания из всего комплекса гуманитарного знания обусловлена, на наш взгляд, методом исследования, теми культурологическими традициями исследования знания, которые сложились в нашей стране и были использованы автором. Культурологи исследуют историю идей, то есть документированные философские и научные знания, не ставя перед собой вопрос, а как эти знания создаются? В западной традиции в культурологических исследованиях демонстрируется зависимость языка и норм научного сообщества от культуры того общества, в котором они живут и работают².

Для понимания происходящих в обществе процессов интеграции дисциплин и специализации знания и деятельности по их организации, в том числе и библиографической, важно установить связи не столько между самими концепциями, сколько между языком, истиной и властью знания, понять механизм принятия (институционализации) знания сообществом или отдельной социальной группой. Наука, как считает М. Фуко, формируется на основе уже имеющегося знания об объекте и “играет в нем определенную роль — роль, которая изменяется в соответствии с различными дискурсивными формациями и преобразуется вместе с ними”³. В связи с этим положением М. Фуко выглядит довольно спорным утверждение автора рецензируемой работы о том, что в антропологии и социологии не имеется оснований разграничивать знания на научное и донаучное и что развитие наук и философии происходит в отдельных странах не с одинаковой скоростью (с. 36).

Своеобразие сложившихся в разных странах научных школ, направлений, дисциплин как раз и обусловлено ценностно-нормативным различием дискурсивных практик, на основе которых организуются социальные институты. Но уже сложившись, наука начинает развиваться по своим собственным законам, то есть в соответствии с теми принципами и методами исследования, которые устанавливают ее создатели, не уничтожая при этом позитивности практического дискурса. Научные и донаучные понятия не разделяются в дисциплинах, которые находятся на ранней стадии развития науки и служат для передачи социального опыта. Они заимствуют способ организации у научных моделей, по существу не являясь ими.

Для библиографического обслуживания специалистов в области социальных и гуманитарных наук необходимо хорошо знать терминологию, социальную структуру, способы мышления, сложившиеся в отдельных науках и дисципли-

² Роуз Д. Что такое культурологические исследования научного знания? // *Вопр. История естествознания и техники*. — 1994. — №4. — С. 32

³ Фуко М. *Археология знания: Пер. с фр.* — Киев, 1996. С. 177—194

нах, и не только те, что институционализированы и задокументированы, но и те, что еще не изучены и не опубликованы. В противном случае библиографические указатели устаревают еще до выхода в свет. Получить невербализованные знания можно непосредственно общаясь с исследователями или в процессе эмпирического исследования. Метод “сетового анализа”, о котором упоминает А.В.Куманова в одном ряду с концепциями подходов к исследовательской деятельности в области социальных и гуманитарных наук К.Леви-Стросса (объективной) и М.Фуко (нормативной), — это прекрасный способ наглядной демонстрации формирования каких-либо сообществ. Отсутствие разграничения в методологии таких понятий как “метод” и “подход” характерно для отечественной библиотечной школы.

Раздел 2 монографии посвящен анализу характера, состава и места гуманитарного знания в современной системе знаний. Автор приходит к выводу, что “единого, всеобъемлющего и удовлетворительного, общепринятого знания о человеке на сегодняшний день пока не имеется (стадии науки фиксируют ряд концепций, теорий и т.п.)” (с. 80). Вывод не нов, но очень обнадеживает. В отличие от практиков, которые для решения проблем (в т.ч. и мировых) стремятся к созданию единых концепций совместной деятельности на основе общих ценностей, исследователи в социальных и гуманитарных науках не пытаются создавать единое знание о человеке. Они заинтересованы в разнообразии научных концепций, которое обеспечивает развитие этих наук. Как считает П.Монсон: “стремление с благими намерениями направить общественно научные исследования по одному прямому пути, с целью сделать их кумулятивными, точными и т.п., может только задушить их. Если это так, то плюрализм — это единственно верная установка в том, что касается будущего общественных наук”⁴.

В разделе 3 определяются понятия “гуманитарное знание”, “гуманитарный подход” и “гуманитарная библиография”. Автор сама осознает, что в результате исследования ей не удалось конкретизировать уже имеющиеся в сознании людей представления, но рассмотрение гуманитарной библиографии как составной части гуманитарного знания и соответствующее обоснование необходимости предоставления библиографической информации о гуманитарном знании в максимальной полноте, “не пренебрегая ни одной из областей и сторон познания”, — это, несомненно, ценный вклад в развитие библиографической деятельности.

Идея заслуживает особого внимания, тем более когда речь идет об автоматизации библиографического процесса. Исследователи в области гуманитарных наук прежде всего нуждаются в описании источников, определении их местонахождения и в использовании компьютеров для оперативной передачи текстов и исследовательской работы. Что касается вмешательства в текст (сжатие и комментаторство) то оно в этом случае не допустимо даже с самыми благими намерениями, так как исследователи сами изучают гуманитарное знание во всей его полноте и разнообразии.

Рецензируемая книга — это 1-я часть большого труда по созданию новой концепции библиографоведения, и хотелось бы надеяться, что начатая дискуссия только поможет автору в ее дальнейшей работе.

⁴ Монсон П. *Современная западная социология: теории, традиции, перспективы/ Пер. со шв.* — СПб., 1992. С. 443

Двадцать шесть вечеров с Александром Сокуровым

Что такое кинематограф Сокурова ?

Универсального ответа быть не может. Но после того, как удалось посмотреть в определенной последовательности почти все фильмы режиссера, можно попытаться дать ответ на этот вопрос — свой ответ, а это значит — один из возможных ответов.

Многим деятелям кино не нравится в Сокурове отсутствие стремления вести диалог с ними и вписываться в кинематографический контекст. Так, совсем недавно, после завершения XX Московского международного кинофестиваля, на котором именно фильм Сокурова “Мать и сын” стал бесспорным лидером конкурсной программы, после чего не признать значимость кинематографа Сокурова уже казалось бы просто невозможно, определенный круг кинематографистов забеспокоился. Это настроение особенно точно выразил кинокритик Сергей Лаврентьев: “Представляя в конкурсе картину “Мать и сын”, мы тем самым настойчиво провозглашаем именно сокуровское направление в нашем кино. Вот это истораживает”. (Культура. 1997. 31 июля). А его коллеги, Ольга и Юлия Ставьские, предпринявшие в статье “Есть ли у нас “общее кино” попытку найти “общее кино” в России, не без сожаления его не обнаружили, и особенно огорчило их то, что получило развитие определенное направление авторского кино: “Сокуров с первых своих фильмов поставил себя в оппозицию по отношению к собратям по профессии, к критике, к зрителям” (Москва. 1997. N 7. С. 186).

В данном случае нет стремления полемизировать с авторами приведенных точек зрения. Их авторы имеют право на свое отношение к творчеству Сокурова и могут его высказывать. Фильмы режиссера вовсе не должны нравиться всем, кто их смотрит. Подлинное, самое высокое искусство всегда было избирательно. И слава Богу, что у нас нет “общего кино”, но есть уникальнейший, ни на кого не похожий художник — Александр Николаевич Сокуров.

Именно то, что столь явностораживает одних, как раз и привлекает многих других. Что же привлекает других? Ведь круг поклонников кинематографа Сокурова существует, и он достаточно значителен, в чем данная ретроспектива также убедила. Разумеется, и здесь единого ответа быть не может. Но выскажу свою точку зрения, в чем особенно убедили именно вчера в стенах Российской национальной библиотеки, которая является не просто большой библиотекой, а представляет собой одну из крупнейших научных библиотек с универсальным фондом, в котором столь многопланово отражено мировое письменное наследие.

Убежден, что искусство Сокурова не имеет аналогов в кинематографе. Оно уникально, ибо рождается и живет не в контексте сегодняшней кинематографической культуры и не в контексте развития кинематографа вообще, хотя как-то параллели и взаимосвязи с творчеством другим мастерам возможны.

Искусство Сокурова рождается и живет в пространстве значительно более широком — в пространстве мировой культуры, ее исторического развития, высших проявлений человеческого духа. Более того, кинематограф Сокурова меньше всего имеет отношения к киноискусству, хотя им и является. Это нечто принципиально иное — искусство значительно более высокого порядка, которое надо рассматривать в ряду ином — вместе с высшими проявлениями человеческого духа в литературе, музыке, живописи. Но язык этого искусства — язык кино.

На мой взгляд неслучайным является то, что это искусство особенно близко той части людей, которых едва ли можно считать киноманами. Этих людей (не хочется их вообще называть зрителями) привлекают не выдающиеся фильмы как произведения киноискусства, а произведения искусства, созданные на языке кино, принадлежащие не только и не столько кинематографу, сколько искусству, которые сам режиссер называет фундаментальными. Сокуров творит свои работы так же, как творит их литератор, как творит их композитор, как творит их живописец. А сами произведения, создаваемые им, рождаются в диалоге с творениями писателей, композиторов, живописцев, а не в диалоге с режиссерами кино, как работает основная часть кинематографистов.

То, как например, взаимодействует Сокуров с литературой, не похоже на то, как контактирует кинематограф с литературой. Кинематограф занимается экранизациями, поисками эквивалента литературному материалу. Отношения этого поиска могут быть разными — от добротного иллюстративного воспроизведения до весьма вольного обращения с “первоисточником”.

Но в отличие от традиционных отношений литературы и кинематографа Сокуров литературу не экранизирует. Так, обращаясь к роману Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”, он не стремится создать некий киновариант. Он создает абсолютно самостоятельное произведение — фильм “Тихие страницы”, который находится в иных отношениях с произведением литературным — отношениях диалога с ним.

Сложны и отношения режиссера с Бернардом Шоу в фильме “Скорбное бесчувствие”. Для того, чтобы свободно войти в мир этого фильма, стоит прочесть пьесу “Дом, где разбиваются сердца”. Но и этот фильм не является экранизацией, хотя автору фильма интересна и пьеса Шоу, и сам драматург, но еще больше — его время. В диалоге с Шоу Сокуров создает фильм, который на языке кино раскрывает мир целой эпохи искусства — эпохи модерна.

И даже там, где нет прямого диалога с тем или иным писателем, в кинематографе Сокурова неизбежны параллели и аналогии с высшими творениями мировой литературы. Например, понять фильм “Круг второй” едва ли возможно без обращения к Данте. А осмысление целого ряда фильмов Сокурова, в том числе уже названного фильма “Скорбное бесчувствие”, в особенности его картины “Дни затмения”, требуют обращения к самой Библии.

Кинематограф Сокурова рождается в не менее активном диалоге с музыкой. Тот же фильм “Тихие страницы” возникает не только из мира Достоевского, но и из мира Густава Малера. Он неотделим от его “Песен об умерших детях”.

Музыка в фильмах Сокурова не иллюстрирует изображение, как это обычно происходит в кинематографе, а является одним из способов осмысления, таким же значимым как и слово. Фильм “Ампир” мог родиться только в диалоге с музыкой Джузеппе Верди, с его “Травиатой”. Понять фильм “Простая элегия” можно только вслушавшись в музыку фортепьянных прелюдий Микалоюса Константинаса Чюрлениса, которые исполняет Витаутас Ландсбергис, бывший в недавнем прошлом музыкантом, музыковедом, а ныне ставший политиком. И ни в одном сценическом воплощении столь мощно не звучала трагическая тема оперы М.И. Глинки “Руслан и Людмила”, возникающая в арии Руслана “Ах, поле, поле, кто тебя усыл...” как звучит в сложном многоголосии картины “И ничего больше”.

Особое значение имеет для кинематографа Сокурова музыка П.И. Чайковского. Именно музыка Чайковского — начало оперы “Евгений Онегин” — столь многое открывает во внутреннем мире А.П. Чехова. Миниатюры из “Времен

года” расширяют рамки пространства — времени картины “Ленинградская перспектива”. 5-я симфония Чайковского становится тем произведением, через которое всматривается режиссер в повседневную жизнь ленинградцев на рубеже 1980–1990-х гг. А финал 6-й симфонии Чайковского завершает фильм “Пример интонации”: изображение официальных черных правительственных машин в их движении по подмосковному шоссе в яркий солнечный весенний день. Изображение начинает восприниматься через призму трагического. В фильме становятся ощутимыми события, которые находятся за пределами физического времени данной картины.

Есть все основания говорить и о диалоге кинематографиста Сокурова с живописцами. Например, в фильме “Тихие страницы” изображение картины Гюбера Робера не становится иллюстрацией, а взаимодействует с изобразительным строем фильма.

Кинематограф Сокурова — это, в первую очередь, потрясающий своей силой изобразительный ряд, и каждая из его картин — это уникальная операторская работа: Сергея Петровича Юризицкого, Алексея Васильевича Бурова и Алексея Эмировича Федорова. Но огромную нагрузку несет и ряд звуковой. Кинематограф Сокурова неотделим и от уникальной работы звукооператора Владимира Марковича Персова, вместе с которым режиссер создал основную часть своих картин.

В образной системе фильмов Сокурова звук играет роль не меньшую, чем изображение. При этом во многих случаях в картине сосуществуют одновременно несколько звуковых рядов, которые вступают друг с другом в отношения сложного взаимодействия. А в фильме “Мать и сын” взаимодействие звука с изображением доведены до высшей точки: звук несет в отдельных эпизодах основную нагрузку.

В целом кинематограф — это искусство временное. Это означает, что фильм живет в определенном времени — и в плане времени длительности фильма, и в плане того времени, в котором фильм появляется и начинает свою жизнь в контакте со зрителем. Проходят годы, и взаимоотношения зрителей с фильмами меняются: фильмы неизбежно устаревают.

Кинематограф Сокурова развивается за пределами этих отношений, потому что он не ждет воздействия Времени, а сам — весь, полностью нацелен на тему Времени. В каждом из его фильмов речь идет о Времени, которое движется без остановки, ограничивает жизнь человека определенными рамками, подводит черту под его земным бытием и продолжает свой путь дальше. Неслучайно не раз в фильмах Сокурова появляется сам символ Времени — колесо времени. Впервые оно возникает в фильме “Одиноким голос человека”. В несколько ином виде оно же присутствует и в изобразительной символике фильма “Дмитрий Шостакович. Альтовая соната”, снятом совместно с С. Д. Арановичем. Кстати, в этой картине особенно сильно тема Времени звучит в финале, когда на фоне надгробного памятника Д. Д. Шостаковичу начинает звучать продолжение прерванного ранее телефонного разговора Шостаковича с Д. Ф. Ойстрахом, записанного на пленку. Совершенно по-другому воспринимается предложение Ойстраха созвониться через несколько минут.

В картинах Сокурова вступают в диалог разные эпохи. Так, в фильме “Разжалованный”, снятом в 1980 г., звучит по радио явно из будущего голос М. К. Мамардашвили. Он звучит из того времени, когда голос философа действительно оказался услышанным не только людьми из его ближайшего окружения. Хрони-

ка 1957–1990 гг. в многосерийной картине “Ленинградская ретроспектива” представлена в историческом контексте всего XX столетия. Картины о Ф. И. Шаляпине развиваются в контексте двух эпох — времени жизни самого артиста и времени создания фильмов.

В фильмах Сокурова время живет и в пространстве, которое словно лишено географических границ. Фильм о французе Гюбере Робере начинается со спектакля японского театра Но, играемого сегодня. Атмосфера французской культуры живет и в картине “Спаси и сохрани”, который рождается в диалоге с Густавом Флобером, с его романом “Мадам Бовари”. Этот фильм живет в пространстве Коро, Делакруа, Доре, и в значительной степени — в среде самого французского языка. Но в начале фильма как знак возникает важная деталь — героиня рассматривает карту Москвы — карту на русском языке.

В фонограмме фильма “Дни затмения” звучат самые разные языки — русский, туркменский, армянский... и латынь. В нем ошутим ход исторических событий в Европе — и не только в России, но и, например, в Германии 1930-х гг. Здесь возникают храмы и богослужения разных конфессий — православия, католицизма, мусульманства... Но тут, как ни в одной другой картине Сокурова, живет и дышит пространство Востока, в котором ход времени как бы отсутствует вообще. И это единственный фильм режиссера, в названии которого присутствует одна из категорий времени — дни. Впрочем, с категориями времени связано одно из слов, определяющих название самой продолжительной картины режиссера — сериала “Ленинградская ретроспектива”. Там же имеется и подзаголовок, который точно определяет временные рамки данной работы: 1957–1990 гг.

Названия фильмов Сокурова, как правило, очень метафоричны. Метафоричность заложена в самой природе ключевых слов, из которых складываются названия картин режиссера: человек, одинокий голос, жизнь, духовные голоса. Они являются и ключом к пониманию фильмов. В названиях сформулированы главные темы картин, которые проходят через множество его работ: “Одинокий голос человека” и “Духовные голоса”, “... Счастливая жизнь” и “Смирненная жизнь”...

Некоторым фильмам режиссер дает названия, определяющие жанр и форму музыкального произведения — “Соната для Гитлера”, “Альтовая соната”.

О многом говорят и названия картин, объединенные общим настроением элегии: “Элегия”, “Петербургская элегия”, “Московская элегия”, “Советская элегия”, “Простая элегия”, “Элегия из России”, “Восточная элегия”.

Если поставить перед собой вопрос: какая тема определяет творчество Сокурова, то в первую очередь хочется сказать: человек и Время, хотя и эта и любая другая формулировка не может не показаться категоричной, ибо она не вмещает в себя многого из того, что следовало бы назвать, выделить. Не менее важной представляется и другая тема — осмысление человеческой жизни, представляющей полноту выбора между добром и злом. Но и это не охватывает всего космоса внутреннего мира режиссера, ибо этот мир огромен, и то, что выделяет в нем один человек, который пережил духовную Встречу с этим миром, будет отличным от переживаний другого человека. Для того, чтобы соприкоснуться с этим миром, надо быть к этому готовым.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕТРОСПЕКТИВЕ В РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Идея проведения этой ретроспективы родилась неожиданно. Александр Николаевич Сокуров 6 марта 1996 г. представил переполненной аудитории читателей и сотрудников Российской национальной библиотеки свой новый фильм «Восточная элегия».

После просмотра он долго и щедро отвечал на многочисленные вопросы зрителей. А через несколько дней здесь же — в течение двух вечеров — был показан другой его новый фильм — «Духовные голоса». И этот фильм потряс всех присутствовавших. А после него было высказано пожелание — обратиться к режиссеру с просьбой показать и другие работы и, может быть, даже все фильмы. При этом, естественно, речь могла идти только о показе на видеозэкране, так как кинозала в библиотеке нет.

Александр Николаевич эту идею поддержал. Была подготовлена программа в расчете на показ на протяжении нескольких месяцев — по два вечера в течение каждого месяца. А далее режиссер специально подготовил для просмотра в этом зале видеоварианты своих картин.

6 апреля был показан фильм «Одиноким голос человека». А далее с перерывом на июль-август до мая 1997 г. регулярно два раза в месяц шли параллельно два цикла «Игровые фильмы» и «Неигровые фильмы» ретроспективы «Все фильмы Александра Сокурова», хотя в кинематографе Сокурова практически нет деления жанров на художественный и документальный. Граница между его игровыми и неигровыми картинами очень условна. В принципе ретроспектива строилась по хронологическому принципу — в соответствии со временем создания картин. Но при составлении программы учитывалось и то, в каком контексте прозвучит именно сейчас та или иная работа Сокурова.

Фильм «Одиноким голос человека» был показан накануне Страстной недели, а следующая программа, включавшая фильмы «Мария» и «Жертва вечерняя», были показаны непосредственно перед Пасхой. А в 1997 г. на следующий день после Пасхи был показан фильм «Тихие страницы».

В мае 1996 г., когда наша страна отмечала 50-летие со дня окончания Великой Отечественной войны, а мир — 50-летие со дня окончания II мировой войны, с особой остротой восприняты были показанные накануне этих юбилейных дат фильм «Скорбное бесчувствие», а после окончания торжеств — фильм «И ничего больше» и «Соната для Гитлера». Показ фильмов о Ф.И. Шаляпине совпал с началом музыкального и театрального сезона в Петербурге и прошел в сентябре 1996 г. Напротив, для восприятия картин о Борисе Николаевиче Ельцине — «Советская элегия» и «Пример интонации» имело значение то, что они показывались в октябре, когда позади остались политические бури предвыборной кампании, во время которой показ этих фильмов был едва ли уместен. Эти картины требовали настроения, свободного от политического воздействия.

Фильмы «Спаси и сохрани» и «Круг второй» были показаны в ноябре — начале декабря. И это было неслучайным — ноябрь в Европе проходит под знаком поминовения ушедших из жизни, и в эти дни в церквях особенно часто звучат реквиемы. А фильм «Камень» был сознательно показан в день рождения Антона Павловича Чехова — 29 января.

Каждая из программ неигровых фильмов объединяла, как правило, два фильма, которые были связаны общим героем и общей темой. Были и иные мотивы соединения фильмов в одну программу. Так, у А.Н.Сокурова есть небольшая картина «К событиям в Закавказье». И хотя она полностью включена в заключительную серию фильма «Ленинградская ретроспектива» и посетители ретроспективы должны были бы его увидеть. Этот фильм, снятый в 1991 г., был сознательно показан перед игровой картиной 1988 г. «Дни затмения». В обоих фильмах ощущалось неотвратимое приближение сложных и противоречивых событий распада Советской империи, и не только событий политических. Сближает эти картины острота постановки сложнейших вопросов и отчетливо выраженная авторская позиция.

Не следует из этого, разумеется, делать вывод, что сама ретроспектива была идеальной с точки зрения своей изначальной продуманности. Многое было заложено в самом начале, но что-то менялось и корректировалось помимо воли тех, кто ее проводил, и эти изменения делали внутреннюю драматургию ретроспективы еще более глубокой, словно кто-то вел всех нас и помогал нам.

Был ли какой-то компромисс в том, что фильмы шли не на большом экране, а на видеоэкране? На первый взгляд компромисс был. Поскольку система кинопроката существовать перестала и увидеть полноценные художественные произведения, которые относят к трудному кинематографу или к «кино для избранных» практически негде, библиотека начала выполнять не свойственные ей функции и показывать эти фильмы. Конечно, на видеоэкране что-то неизбежно воспринималось иначе, с какими-то потерями. Но родилось то, что невозможно в огромном кинозале. Казалось, будто сам размер экрана удивительно гармонировал с размерами конференц-зала, а условия просмотра стали едва ли не идеальными. Просматривая одну работу за другой без спешки, без суеты, можно было долго находиться под впечатлением. Ведь особенность кинематографа Сокурова в том, что его фильмы продолжают жить в душе зрителя, оказывая целительное воздействие. Здесь оказалось возможным и другое — на фильмы очень редко приходили случайные люди. В основном, их смотрели и пересматривали те, кто и в первый раз пришел на встречу с киноискусством мастера неслучайно. И в итоге в этом зале среди людей, с особой теплотой относящихся к самому Александру Николаевичу и его работам, создавалась неповторимая атмосфера для восприятия. И почти каждый раз после окончания просмотра возникали разговоры и не хотелось сразу расходиться.

Разумеется, ретроспектива была бы просто-напросто неосуществима без доброго внимательного отношения самого Александра Николаевича и без огромной помощи со стороны его помощника и единомышленника — оператора Алексея Федорова.

* * *

Можно ли делать какие-либо обобщения и тем более давать какие-то рекомендации? Едва ли, хотя определенный опыт есть, и он показывает, что РНБ является одним из крупнейших культурных центров города и может проводить масштабные мероприятия. Но важнее другое — то, что состоялась по-своему неповторимая не столько по длительности,

сколько по своей духовной значимости встреча читателей и сотрудников РНБ с искусством уникального художника, который живет и творит в нашем городе. И хорошо, что ретроспектива еще не завершена. Предстоит еще раз показ видеоварианта фильма «Мать и сын», предстоит просмотр фильмов, в которых А.Н.Сокуров выступил как режиссер дубляжа. Хочется надеяться на то, что будут и новые встречи с режиссером в этих стенах.

Ниже мы предлагаем нашим читателям запись выступления А.Н.Сокурова в Российской национальной библиотеке 4 февраля 1997 г. В этот вечер он представил в рамках ретроспективы своих фильмов новую работу — фильм «Робер. Счастливая жизнь». Этот фильм снят по заказу Государственного Эрмитажа в качестве первой картины будущей серии работ о сокровищах этого музея.

Выступление А.Н.Сокурова дается почти полностью в соответствии с записью, осуществленной в этот вечер. Опущены лишь некоторые частные моменты, связанные с ответами на конкретные вопросы, а также небольшой фрагмент, который оказался не записанным по техническим причинам. Сами вопросы зрителей не приводятся, поскольку их содержание ясно из ответов режиссера.

Борис Володин

ВСЕ ОПИРАЕТСЯ НА ТРАДИЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Александр Николаевич Сокуров — кино-режиссер. Живет и работает в Петербурге. Автор более 30 игровых и неигровых фильмов, которые завоевали множество призов на международных и российских фестивалях.

Среди последних наград — в 1996 г.: Гран-при на международном кинофестивале в Оберхаузене (Германия) за фильм «Восточная элегия» и премия «Золотой овен» как лучшему российскому режиссеру года; в 1997 г.: несколько главных наград за фильм «Мать и сын» на Международном кинофестивале в Берлине (Германия) и на VIII Открытом российском кинофестивале в Сочи.

В июне 1997 г. за фильмы «Элегия из России. Этюды для сна» и «Духовные голоса» ему присуждена Государственная премия Российской Федерации в области литературы и искусства.

В июле 1997 г. на XX Московском международном кинофестивале за фильм «Мать и сын» А.Н.Сокуров получил целый ряд наград — Большой специальный приз «Серебряный Св. Георгий», премия гильдии российских киноведов и кинокритиков, приз Андрея Тарковского и премию «Кодак».

Пути художника и кинематографиста

Литературная деятельность для меня несомненно выше и глубже кинематографа. Литератор, художник, композитор — все эти деятели искусства выше тех людей, которые занимаются кинематографом. И так, я надеюсь, будет всегда. Я надеюсь, что кинематограф будет маленьким и не очень развитым существом. Дай бог, чтобы так было всегда.

Опыт живописца, опыт пейзажиста имеет для меня, конечно, огромное значение, — по возрасту искусства, по тому пути, который проходит художник, прежде чем станет мастером. Это гораздо более сложный путь, гораздо более индивидуальный путь, чем путь любого кинематографиста, даже самого высокого, самого возвышенного. Путь писателя, путь композитора, путь живописца — это вещи, несопоставимые с кинематографической деятельностью по определению своему. Вообще в искусстве очень важно, чтобы было не просто элементарное какое-то отчуждение эмоций, такая элементарная эксплуатация возбуждения — экзальтации. По крайней мере той степени экзальтации, которой очень часто терроризируют художники аудиторию, опираясь на свои индивидуальные особенности или на свои национальные особенности.

Это один из очень высоких признаков или качеств европейской цивилизации Старого света — XVIII, XIX век, уже в меньшей степени начало XX века, когда настоящий художник — это, конечно, настоящий мастер — и в литературе, и в музыке, и в живописи. Отличия, наверное, внутреннего существа творческих людей XX века и нашего времени в том числе — в том, что сегодня вовсе не обязательно быть мастером своего дела — в области культуры или искусства.

Очень многие этой задачи перед собой не ставят — по многим причинам. Сам художник не ставит перед собой этой задачи: в современной живописи это видно. Я недавно был на выставке, которая проходила здесь, в Манеже. Я понимаю, что, конечно, такие выставки — они всего не охватывают. Индивидуальности не могут там прозвучать очень часто. Многие люди просто там не выставляются, потому что не считают возможным. Мне было стыдно. Было очень стыдно. Мне кажется, очень важно, чтобы художник писал портреты. Я исхожу здесь из того, что в течение собственной жизни я находил недостатки — очень серьезные, свои, в себе, в образе размышлений о каких-то критериях, — именно потому, что я вдруг терял какой-то интерес к этому, к самому трудному, что есть — человеческому лицу. Были обстоятельства, когда я терял этот интерес. Я сто раз себя оправдывал всякими жизненными проблемами, вопросами несовершенства своего развития, недостаточного образования. Это все равно непростительно.

В литературе — это вы чувствуете особенно остро. Вопросы стилистики часто имеют гораздо большее значение, чем культура слова, чем сама профессиональная культура.

Я не совсем понимаю что такое постмодернизм. Просто этот термин я слышу с разных сторон. В принципе, мне кажется, сама эта терминологическая установка мало интересна — даже для теории искусства. Что такое терминологическая установка? Она останавливает впечатление, ощущение. И кроме того, она создает, может быть, ложную систему координат, ложное пространство. Не то, что это пространство несовершенно, оно — не существует, это пространство.

Остается все же загадка — каким образом мы все, такие разные, не похожие друг на друга идем одним путем, идем одной дорогой. Почему степень развитости цивилизации не определяет глубины искусства, глубины содержания искусства? Почему очень часто происходит как бы развитие обратное — в обратном

смысле? Уровень цивилизации — в самом грубом смысле — японского средневековья, например, это — одно, а аналогичный уровень в Европе — другое. Уровень искусства, уровень внутреннего напряжения, внутреннего пространства искусства не зависит от уровня цивилизации.

Потом меня всегда интересовала и интересует сейчас одновременность течения времени — исторического или художественного — в каком-то пространстве. И в данном случае это очень грубая, схематичная попытка, но все же попытка представить, соотнести одновременное течение развития искусства.

Области изобразительного искусства аналогичная по отношению к историческому этапу европейской культуры японская культура не выдерживает сравнения. Но зато во многих других областях они абсолютно равнозначны!

Такого художника, как Рембрандт, нет в традициях восточной культуры, но там есть другое. И сколько бы ни пытались европейцы понять смысл, художественную ценность, самоценность, например, японского театра *Ню* — понять это невозможно.

Европейское сознание понять это не может. Даже известные люди, которые знают язык, и много лет живут жизнью Востока, любят его, перед которым преклоняются — они не в состоянии понять этого. На Востоке же могут понять европейскую культуру, и очень многие. А обратного хода нет. Из Европы в эту часть жизни входа нет, возврата нет. Но для меня вот это внутренне существует в одном мире, в одном пространстве — без сомнения. Это для меня одна жизнь, одна художественная порода человеческая. Поэтому они оказались вместе, в одном пространстве, но без каких-либо претензий на окончательный анализ, на какие-либо выводы — попытка только прикоснуться, насколько возможно осторожно, если это удалось.

Фильм о Робере

Мне не кажется странным, что у меня какое-то особенное отношение к художнику, в данном случае — к Роберу. Хотя для меня он немного в стороне, поскольку он практически не занимался портретом, что является для меня самым важным в живописи. Но я думаю, что это было связано с персональной историей жизни этого живописца, конкретного человека.

Робер — это краски, цвет, колорит, композиция — разнообразие композиции, отсутствие всякой боязни перед масштабом картины, а это очень важная проблема — психологическая, личная. Картина может быть огромной, иметь колоссальные размеры, быть неадекватной к пропорциям человека, а может быть и миниатюрной, почти миниатюрной — двадцать сантиметров на тридцать. В экспозиции Эрмитажа есть и такие картины. Это завораживает. Остро чувствуется масштаб мастерства.

Мы не ставили перед собой с самого начала задачу создать изобразительное произведение, собственно живопись — никаких амбиций, я опять подчеркиваю, сделать лучше или соревноваться, войти в какую-то конфронтацию с традицией живописца не было, тем более — живописца классического периода. Была просто задача создать собственное произведение. И исходя из своеобразия нашей задачи, мы с оператором жестко, последовательно шли по этому пути. Может быть немногие из наших коллег пошли бы на это, тем более, что будем говорить прямо, картина идет 26 минут. Это такая миниатюра. Это то, во что обычно силы серьезные режиссеры не вкладывают. Не принято в мировой и вообще профессиональной практике над такими вещами работать таким образом. Это считается черной работой, на которую, в соответствии с мнением, устоявшимся во все мире, не стоит тратить силы. Я имею в виду кинематографическую среду, конечно.

Потому каких-то идей — профессиональных, технологических, технических, усилий, времени, затраченного на то, чтобы сформировать каждый кадр этого

изображения — сил затрачено столько, сколько, может быть, затрачивается на две большие игровые полнометражные картины. Фильм делался на киноплёнке, затем использовалась электроника. И я не знаю, в какой другой стране мира стали бы так работать.

По крайней мере, по нашему с Алексеем (Федоровым) мнению, даже в Японии — стране, где, казалось бы, технология экстра-класса, мы все равно не могли найти специалистов, которые бы на нашем уровне эти проблемы стали бы решать. Мы решали их сами. Даже когда в нашем распоряжении находился один из самых развитых во всем мире телевизионных центров — NHK в Токио. Потому что там не было людей, которые в состоянии были бы хоть каким-то образом стать рядом с нами. Мы просто понимали, что за нашей спиной совершенно определенная традиция, культура, определенный уровень требований. Я сейчас говорю о профессиональных проблемах мастерства, профессиональных обстоятельствах, которые мне кажутся очень важными, если речь идет об ответственности. Время просто абстрактного наития и каких-то абстрактных кратковременных усилий и всплесков в области культуры давно прошло, очень давно прошло. Поэтому, прежде всего, нужен труд.

Что касается текста в фильме, то слов здесь говорится больше, чем следовало бы. Я перешел эту меру. Есть некоторые обстоятельства, о которых не следовало бы ничего говорить. Но это уже сделано, и ничего не поделаешь. Конечно, Робер в оригинале другой.

К картине надо придти в какое-то важное для нее время дня. А в искусстве временном — кинематографическом — человек должен придти к производству искусства в очень важное для него психологическое время.

Мы должны видеть какой-то фильм именно тогда, когда психологически что-то у нас есть общее. Не каждый раз мы можем позволить себе смотреть его. Временное искусство, скажем, кино. А картина требует, чтобы к ней пришли тогда, когда в том зале, или в том доме, где она живет, был определенный свет — ее свет. Робера надо смотреть после 12 часов, когда в этот белый зал как раз попадает солнце, или чуть позже, если есть возможность. Рембрандта можно смотреть в любое время, а такого мастера, как Робер, надо смотреть только в определенное время.

Можно ли совпасть со временем?

На самом деле это большое счастье, когда человек, живущий в искусстве, имеет силы сдержаться, имеет силы не сорваться со временем. Это огромное счастье. И в этом смысле, конечно, я завидую Роберу. Я завидую ему еще и потому, что он на самом деле совпал со своим временем. Я завидую ему как человеку, который со своим временем не совпал — в том смысле, что он, создавая свои картины, был угоден обществу и угоден огромному количеству людей, и не только потому, что он на самом деле был мастером и заслуживал того. Была объективная потребность в том, что он делал, и повезло еще, что он был художником.

Он занимался и жил тем искусством, которое имеет фундаментальное основание — школу, историю, традиции, — вот это все очень важно. Если ты занимаешься искусством, которое не имеет фундаментального основания, школы, традиции и длительности жизни, то возникает ужасное ощущение. Все время оглядываешься по сторонам — где люди умнее, откуда может придти помощь? Так чувствует себя режиссер в кино. Кто, где, что опора? Это Толстой, Чехов, Чайковский, Бриттен, Диккенс, Мессиаен...

Очень важен и вопрос совмещения со временем. У нас этот момент закончился, скажем, например, на биографии Тарковского. Он совпал со временем, как бы он ни жаловался. Он со своим временем совпал потому, что, во-первых, за его спиной было

государство, и какое государство — советское государство. Оно оказалось в состоянии вкладывать в кино огромные деньги. Известна история с его фильмом “Сталкер”. Картина была заново переснята — просто так — взяли и пересняли. Во-вторых, он по своему возрасту совпал с огромным количеством людей в Советском Союзе, которым нужно было на самом деле тоже самое, что и ему — те же требования к жизни и потребность в культуре, и в свободе — такая же как у него, одна планета — искусство, духовная жизнь. И таких людей было очень много... Огромная опора в лице интеллигенции.

Можно ли в наше время совпасть со временем? В философском смысле, наверное, невозможно, а в буквальном смысле — десятки, сотни тысяч соотечественников совпали со временем, ждали этого времени.

Но в тоже время разные времена всегда взаимодействовали. В средневековой Японии одновременно существовали и влияния, и цитирования, и взаимодействия — и с европейской культурой, и корейской культурой, скажем, XVI века, и с японской культурой XIV–XV веков. Всегда существует потребность в соприкосновении с реальной культурой для человека, который хоть немножко образован, ну хоть немножко. Даже художник-живописец в самых лучших своих произведениях — самые высокие художники, конечно, — они все схватывали свои произведения из опыта практического и интеллектуального, художественного разных времен. Это есть на любой странице Достоевского, на любом полотне Рембрандта... Масштаб равнозначности, равновеликости знаний...

Русский язык — явление невероятное

Что касается вопроса о национальном ощущении, то, пожалуй, в России я больше всего люблю русский язык — в природе самой России. И где бы не приходилось бывать, я очень быстро устаю от того, что я не слышу русского языка. Вот просто русский язык — не из-за какой-то русскости, а из-за природы языка, из-за каких-то других очень внутренних оснований — мелодики языка, возможно, особых темпоритмов. Свобода темпоритмической языка — такая, какая она есть в русском языке — темпоритмическая свобода и мелодика — ни в одном языке нет такого. Можно бесконечно долго преклоняться перед итальянцами, французами, но такого, такой невероятности, которую дарит русский язык, нет нигде — такой свободы. Мы ничем не скованы в нашей речи. В тоже время есть великие законы. Это прекрасно.

Все остальное очень сложно. Я не люблю русскую историю. Потому что не люблю той крови. Я не понимаю смысла многих побед. Я не понимаю гордости, потому что за каждой этой победой, каждой гордыней стоят десятки, сотни тысяч убитых солдат. Понимаете, исторические шаги русские, российские оплачены таким масштабом крови — не просто крови, а масштабами крови — вот этого я не люблю. Может быть, я ошибаюсь, но я не горжусь этим. Не горжусь Петром I. Я не горжусь Блокадой. Больно бесконечно. Горько бесконечно. Невыносимо горько и больно бесконечно. И я даже не могу себе позволить гордиться каким-то интеллектом нашим отечественным, потому что на каждом этапе исторического развития России обязательно не находились те, кто должен был бы схватить управляющих за руку — обязательно не находились.

Русский же язык — явление невероятное. От него пошла музыка, конечно, — вокальная романтика русской музыки XIX века. Она, конечно, пошла от языка, от природы языка, от Чайковского пошла... А Рахманинов — это явление, когда язык уже отступал. И Прокофьев, и Шостакович — это уже шаг в сторону — от природы этого языка. И я это чувствую. В России — самое важное,

конечно, язык. Все, что выходит за пределы человеческого голоса — это чувства, поэтому их определить невозможно. По крайней мере, мне кажется, что то, что мы называем, условно говоря, движением воздуха, существовало всегда, и будет существовать, пока здесь будет существовать жизненная среда. Всегда кто-то будет ударяться о дерево. Будут прыгать птицы. Это всегда будет. Это всегда было. Это не зависит от того, сейчас это происходит, или во времена Робера, или в XVI–XVII вв. Деревья шевелились. Река текла. Птицы летали.

Это единственное, что донесло до нас время без перемен. И все время есть желание опираться на то, что неизменно. Все время хотелось бы чувствовать классическую форму искусства, вечных звуков — музыки, которая создана огромным трудом, и за которую дорого — судьбой, очень важным чем-то оплачено.

Для меня в Японии экзотики нет

В Японии есть ощущение тайны для меня. Здесь я был восемь раз. С каждым разом я все больше и больше убеждаюсь в том, что эта страна совершенно лишена экзотики. Одна из немногих стран мира. Экзотичность абсолютно растворяется, уходит, и ее нет для меня вообще — именно в Японии. И еще, для меня это такая страна, или такое место, где я ощущаю человеческое и доброе отношение ко мне.

Многого в моей жизни последних лет не было бы, если бы близкие, дорогие люди не помогали бы конкретными, практическими вещами. Сейчас мы делаем картину. Условное название “Тан”¹. Это большая картина, которая длится более часа. Делается она на ничтожные средства, которых практически нет. Конкретные усилия делались конкретными людьми, которые собирали деньги среди своих друзей, обеспечивали передвижение, переезды, прекрасно понимая, что за этим не стоит никакой коммерческой перспективы. У нас там есть огромный друг — переводчица с русского на японский и с японского на русский — Хироко Кодзима. Во многом благодаря ей и ее семье оказалось возможным существование, создание этих картин — то, что в России себе даже представить невозможно. Трудно представить, что в России какой-то режиссер может быть окружен таким вниманием, такой поддержкой — просто человеческой. Это люди, не имеющие за душой никаких средств, никаких сбережений, которые необыкновенно любят Россию — по сути своей Россию, и которым почему-то очень нравится то, что я делаю. Ну, это, может быть, частный случай. Это, конечно, необыкновенный человеческий характер — то, что человеческое общество — современное имеет такой феномен социальной, национальной группы какой являются японцы.

Конечно, в разных случаях они ведут себя по-разному. Но я сталкивался все время с огромным самопожертвованием, добротой, лаской — ни с чем не сопоставимыми. Хотя в жизни у этого народа есть вещи, которые трудно понять. Трудно даже себе представить, например, зверства, которые японские военные творили во время Второй мировой войны — эксперименты, которые они проводили над пленными, изуверствовали, саму жестокость, которая допускалась в концлагерях со стороны японцев по отношению к пленным. И это наряду со всеми уникальными, тонкими вещами, идущими на уровне интуиции, когда нация существует с точки зрения взаимоотношений между людьми на уровне интуиции — не высказанного слова, не явного жеста, удара по лицу друг друга, а на уровне интуиции существует дистанция. Это невероятно совершенно — есть ли где еще такое.

¹ Позднее режиссер этому фильму, который был показан в мае 1997 г. в Российской национальной библиотеке, дал новое название — “Смиренная жизнь”.

конечно, язык. Все, что выходит за пределы человеческого голоса — это чувства, поэтому их определить невозможно. По крайней мере, мне кажется, что то, что мы называем, условно говоря, движением воздуха, существовало всегда, и будет существовать, пока здесь будет существовать жизненная среда. Всегда кто-то будет ударяться о дерево. Будут прыгать птицы. Это всегда будет. Это всегда было. Это не зависит от того, сейчас это происходит, или во времена Робера, или в XVI–XVII вв. Деревья шевелились. Река текла. Птицы летали.

Это единственное, что донесло до нас время без перемен. И все время есть желание опираться на то, что неизменно. Все время хотелось бы чувствовать классическую форму искусства, вечных звуков — музыки, которая создана огромным трудом, и за которую дорого — судьбой, очень важным чем-то оплачено.

Для меня в Японии экзотики нет

В Японии есть ощущение тайны для меня. Здесь я был восемь раз. С каждым разом я все больше и больше убеждаюсь в том, что эта страна совершенно лишена экзотики. Одна из немногих стран мира. Экзотичность абсолютно растворяется, уходит, и ее нет для меня вообще — именно в Японии. И еще, для меня это такая страна, или такое место, где я ощущаю человеческое и доброе отношение ко мне.

Многого в моей жизни последних лет не было бы, если бы близкие, дорогие люди не помогали бы конкретными, практическими вещами. Сейчас мы делаем картину. Условное название “Тан”¹. Это большая картина, которая длится более часа. Делается она на ничтожные средства, которых практически нет. Конкретные усилия делались конкретными людьми, которые собирали деньги среди своих друзей, обеспечивали передвижение, переезды, прекрасно понимая, что за этим не стоит никакой коммерческой перспективы. У нас там есть огромный друг — переводчица с русского на японский и с японского на русский — Хироко Кодзима. Во многом благодаря ей и ее семье оказалось возможным существование, создание этих картин — то, что в России себе даже представить невозможно. Трудно представить, что в России какой-то режиссер может быть окружен таким вниманием, такой поддержкой — просто человеческой. Это люди, не имеющие за душой никаких средств, никаких сбережений, которые необыкновенно любят Россию — по сути своей Россию, и которым почему-то очень нравится то, что я делаю. Ну, это, может быть, частный случай. Это, конечно, необыкновенный человеческий характер — то, что человеческое общество — современное имеет такой феномен социальной, национальной группы какой являются японцы.

Конечно, в разных случаях они ведут себя по-разному. Но я сталкивался все время с огромным самопожертвованием, добротой, лаской — ни с чем не сопоставимыми. Хотя в жизни у этого народа есть вещи, которые трудно понять. Трудно даже себе представить, например, зверства, которые японские военные творили во время Второй мировой войны — эксперименты, которые они проводили над пленными, изуверствовали, саму жестокость, которая допускалась в концлагерях со стороны японцев по отношению к пленным. И это наряду со всеми уникальными, тонкими вещами, идущими на уровне интуиции, когда нация существует с точки зрения взаимоотношений между людьми на уровне интуиции — не высказанного слова, не явного жеста, удара по лицу друг друга, а на уровне интуиции существует дистанция. Это невероятно совершенно — есть ли где еще такое.

¹ Позднее режиссер этому фильму, который был показан в мае 1997 г. в Российской национальной библиотеке, дал новое название — “Смиренная жизнь”.

Я не мог позволить себе такой роскоши как “Битлз”

Я бы не хотел, чтобы это звучало так выпендрено — “Я и время”, потому что я говорю просто о своих ощущениях. Может быть это просто история жизни, в данном случае конкретного человека — меня. Когда я начинал себя немного понимать или чувствовать, мои ровесники увлекались “Битлз”, считалось, что это не только высокое искусство, но это и особая степень внутренней свободы и т. д. и т. д. Я никогда не считал так. Я считал, что гораздо более сложным и более свободным меня делает Простая симфония Бриттена, которым я увлекался, когда мои ровесники увлекались “Битлз”, или, может быть, симфонические танцы Рахманинова, или Оннигер... Длительное время — сейчас, а тогда особенно — у меня не было никакой опоры в человеческом обществе среди людей, поскольку я мог надеяться только на собственные силы. И ни родители, никто не мог мне помочь в жизни — день изо дня. Многим это знакомо, поэтому я мог опираться на то, что я постигну, что я узнаю, что я услышу. И, конечно, я не мог себе позволить такой роскоши, как обратить внимание на “Битлз”.

Я понимал, что существует сложный язык, сложная литература. Я уже видел отличие латыни от европейских языков. Я уже пытался постигнуть гносеологию европейской культуры. Поэтому меня было трудно увлечь тем, что называется поэзией этого ансамбля. Мне казалось это невероятно. Потом я прошел мимо советской литературы. Так случилось, что я ее практически не читал. Этой необходимости не было и в университете, когда я там учился на историческом факультете. Поэтому я практически не знаю советской литературы, за исключением А. Платонова — это та самая граница, которую я мог себе позволить. Неинтересно было, душевно неинтересно. Так сложилось.

“Привычка свыше нам дана...”

Почему в моем фильме “Камень” звучит музыка Чайковского? Я очень люблю оперную форму саму по себе. Я очень люблю русскую оперу. Я даже не могу сформулировать как. Я очень много ее слушал. У нас мама очень любит, очень хорошо знает русскую оперу, и не только — итальянскую тоже. Я, конечно, воспринимал все понаслышке — по пластинкам, по радио, по спектаклям оперным, которые удавалось посмотреть. Это то, что является частью моей жизни. Вопрос только в том, почему в конкретном случае это проявляется.

Чехов, Чайковский для меня вообще рядом — и когда “Камень” делали, все время. Мне кажется, что это мягкая жизнь какая-то. Есть такое странное слово — сожаление. Все очень важное для меня русское духовное искусство — оно все под этим знаком: сожаление. Это даже не искусство — такая жизнь... Потом там есть такие удивительные слова — “привычка свыше нам дана”. В этом есть огромная проблема жизни человеческой вообще — необыкновенная проблема, очень глубокая, неформальная. Такая простая-простая, но на всю жизнь на самом деле.

“Мать и сын”: только два персонажа

Как я работаю с оператором? Я должен сказать, что я начал работать с оператором на телевидении в Горьком. Потом несколько картин было сделано с Сергеем Петровичем Юризицким, затем несколько картин с Алексеем Васильевичем Буровым. И вот теперь — Алексей Федоров. Каждый из этих этапов был очень важным для моей жизни, и за каждый из этих этапов я благодарен каждому из работавших со мной операторов. Как правило, мы были вынуждены разойтись. Те требования, то напряжение, которое не ослабевало, становились очень утомительными для моих коллег. Это не их вина — это моя вина — что в дальнейшем работать вместе нам было невозможно.

Алексей закончил ВГИК. То, что с ним происходит сейчас — начало большой жизни — художественной. Многому приходится учиться, поскольку задачи часто ставятся очень сложно — не хватает запасов образовательных. ВГИКовская систематическая школа не дает знаний, навыков. Конечно, приходится тяжело. В фильме “Мать и сын” с изображением очень сложные отношения, хотя картина смотрится очень легко. Были эпизоды, когда кадр снимался 6-7 часов — весь день, с утра до вечера. Причем там есть изображение, которое рукотворно — оно создано с помощью и кисти, и цвета, и света, и т.д. и т.д. Может быть я с удовольствием работал бы один, чтобы не унижать своими нервами и требованиями работающего рядом человека, потому что мы все — один темпоритм. Условия производства — жесточайшие. Работать надо быстро. Но я думаю, что в конечном счете здесь надо идти от результата — от того, что получилось. Картина “Мать и сын” сделана в технической версии мирового качества DOLBY-STEREO. Для ее показа нужны особые условия. Там объемное звучание, качество мировое. Благодаря участию немецкой стороны — министерств внутренних дел и культуры, которые оплатили всю технологию, все это можно было сделать. Картина некоммерческая.

Вообще считается, что в Петербурге не наберут полного зала даже на один сеанс. Если бы существовала традиция, например, в мэрии, или в отделе кино или культуры мэрии — кинотеатрам, которые показывают картины такого рода, хоть каким-то образом компенсировать хотя бы часть потерь, потому что кинотеатры у нас по сути все частные. Я очень надеюсь, что может быть, кому-то этот фильм покажется очень близким по духу. Эта картина, наверное, самая красивая из того, что мы сделали, из того, что мне, как режиссеру, удалось сделать. Ранее никогда не удавалось достигнуть таких результатов работы с цветом — не могу сказать, что так всегда было. Фильм очень лаконичный. Там только два персонажа — мама и сын. Картина идет час 10 минут, всего. Я хочу еще подчеркнуть что там великолепная музыка, которую мы записывали с эрмитажным оркестром. Там звучит и Глинка, и Чайковский... Эта картина существует в двух версиях — русской и немецкой. Русская делалась здесь. А в Германии мы сделали озвучание с немецкими актерами — очень хорошими. За немецкую версию мы также отвечаем, потому что мы заставили в конце концов наших коллег — кинематографистов из Германии — говорить тихо, ласково, спокойно, не кричать. Буквально заставили. Борьба шла за это: взгляните на свой язык с другой стороны. Поэтому это удалось.

Для меня поэзия — это не мир интеллекта

Задан вопрос по поводу Иосифа Бродского. Это очень сложная для меня поэзия — непостижимо сложно. И очень много слов для меня. Для меня у Бродского слов очень много. За этим, конечно, я вижу огромное интуитивное образование, интеллектуальную интуицию Бродского, но внутренне, для души для меня слов слишком много. Для меня поэзия — это не мир интеллекта, не мир эстетики, не мир соперничества. Это не поле битвы. Это — слезы, сочувствие, грусть. Например, мой поэт — Тютчев. Когда же в поэзии возникает много социального, много исторического, много философского — это уже не мое пространство. Бродский — это какое-то изделие из золота, что-то очень блестящее, тяжелое. А для меня поэзия — это что-то невоздушное, нематериальное, нет ни цвета, ни запаха.

Кинематограф — явление непростительно волевое

Почему я продолжаю работать в том, что называется кинематографом, имея такие претензии к нему, понимая его неразвитость? И почему я надеюсь, что это будет продолжаться бесконечно? Это связано, возможно, с ошибочным, но моим отношением к процессу зрения или созерцания картины или композиции. На

лист бумаги, на страницу книги также смотрят, но там отсутствует композиция — среди прочих вещей. А в том, что называется кинематографом, композиция присутствует.

Кинематограф для человеческой природы, для души человека, для его необычайных возможностей, явление слишком примитивное. Он не оставляет человеку внутреннего интуитивного и интимного пространства, которое остается и без сомнения существует при чтении, или даже тогда, когда человек слушает музыку. Кинематограф своей визуальностью очень много навязывает. Кинематограф — безусловно волевое явление, непростительно волевое — по очень многим каналам. Картину какого бы режиссера вы не смотрели, все равно совершается насилие. Пока эта проблема не решена. Может что-то нравится или не нравится, но слишком велика та степень поправок или корректур, которое производит визуальное искусство, существующее во времени, оно производит такой страшный акт очищения или расхищения человеческой, внутричеловеческой натуры. Причем это тот самый дворник, который иногда выметает из нас что-то очень важное — то, что надо чтобы где-то осталось и лежало, потому что это положено природой и натурой человека.

И вот именно визуальные искусства — кинематограф и телевидение проходят с этой метлой и выбрасывают из нас очень многие вещи. Это видно по детям. Природой много заложено внутрь человека — в душу, в его психологию, в деятельное пространство. И должно, может быть, лежать до глубокой старости — нетронутым, а когда-то в какой-то момент стать востребованным.

Это как бы трава, растущая внутри человека, которой не должен касаться никакой сквозняк, никакой ветер. Она должна избежать даже дуновения, а визуальные искусства, я сейчас подчеркиваю, что я не отношу сюда живопись, а говорю о визуальных искусствах, существующих во времени, внутри времени, жизнь которых измеряема временем, проводят страшную работу с сущностью человека, с самой сущностью человека.

Режиссер не всегда стремится к образованию и самообразованию. Кроме того 99% режиссеров строят драматургию — даже самых высокохудожественных своих желаний — на криминальной основе. Я имею в виду криминальную идеологию драматургии — убийства: убил не убил, что было потом, и т.д. — все, что связано с насильственной смертью, с насилием. Это имеет особенное значение. Это вообще тема бесконечно интимная, бесконечно опасная. Нельзя тренировать человечество, пропускать через этот тренажер, через этот самый круг.

Смерть должна существовать только в одной проблеме для людей. В искусстве не должно быть инерции на простое убийство. Поэтому, чем дольше кино будет таким, то есть неразвитым, тем лучше. Надо делать все, чтобы литература и фундаментально развитые искусства были бы на самом деле властителями душ.

Кино — это проходной двор, куда может прийти любой человек. Намерения этого человека абсолютно непонятны — неизвестны, и непонятно через кого, через душу какого человека, может быть, даже очень одаренного, способного, этот дьявол будет действовать, эти черные силы будут действовать на миллионы миллионов людей. Это чувство меры, моральное чувство меры, которое должно существовать у людей, занимающихся кинематографом, оно, к сожалению, напроць у них отсутствует. Его просто нет по определению. Кино в других условиях появилось. Оно родилось раньше времени, может быть, не говоря о том, что оно родилось не там. Этот вундеркинд стал развиваться жуткими темпами, невероятно быстро потерял человеческий облик. Этот ребенок вырос в дракона, крокодила.

Как удалось мне сохранить себя, живя в области кино? Я не знаю насколько мне удалось сохранить себя. Трудно судить об этом, но я думаю, что единственная возможность заключалась в отказе от контактов с профессиональной средой. Постоянное нахождение в Петербурге, невозможность выезжать в Москву для участия в профессиональных всякого рода акциях — будь то пленумы Союза кинематографистов, или какие-то другие акции, которые проходят в Москве еженедельно и которые многим моим коллегам обеспечивают и хлеб, и славу и т.д.

Я как бы не участвую вообще в этом движении. Это рождает очень большие проблемы для меня и моих коллег. Но это единственное, что как бы спасает меня.

Кинематографическая среда — это не самое прекрасное, что есть. Я не хочу никого обвинять — тут просто так сложилось. Только отказом от плотных и во многом связывающих тебя контактов с профессиональной средой можно наверное себя сохранить. Времени очень мало. Вообще жизнь короткая. Вы понимаете — в том деле, которым занимаемся мы, точка может быть поставлена в любой момент. Это все на самом деле просто — отсутствие элементарных технических или экономических обоснований — они не позволят сделать ни одного шага. Это может настать в любой момент. Надо успеть скорее что-то сделать.

Акварель — это что-то чудесное

Как я отношусь к акварели? Это что-то совершенно чудесное. Когда мы готовили фильм “Мать и сын”, нам удалось в Германии посмотреть выставку немецкого художника Каспара Давида Фридриха. Я очень люблю этого художника. И это была выставка акварели, которую он писал во время путешествия по Германии. Это все из мира гениальных людей и великих людей искусства, какими являются художники. Вот они на самом деле богом отмечены. Это невероятно.

Можно только эмоционально относиться, разводить руками. Вот подождишь — и тебя нет... Вообще непонятно, как человек с его грубым физическим основанием создает это — совершенно непонятно.

Человек победил в отношении к пространству

Как я отношусь к древней русской архитектуре? Все свои представления о пространстве, о пропорциях, архитектор получил, изучая древнеримские развалины. Ничто не дает такую степень постижения прекрасности искусства как это ощущается на уровне физиологии — гениальность пропорции.

Кто из вас бывал в Италии, испытывал это чувство. Тот, кто ощущал и в нашей псковской или новгородской архитектуре — на уровне физиологии, прочувствованный восторг перед тем, что называется пропорция — тот, наверное, понимает, о чем я говорю. На самом деле это наверное мир чего-то такого, в чем человек превзошел самую природу. Может быть единственное в чем превзошел — пропорции.

Проблема времени не решена человеком — как с ним быть, что с ним делать, а вот с точки зрения соотношения человека с пространством, отношения человека к пространству — здесь человек победил. И Робер и архитектура — неразделимы. А буквальной связи с русской архитектурой нет и не может быть, потому что для меня наша архитектура как национальная представляет некую большую проблему, потому что в моем представлении она все же в значительной степени безымянна. Она в значительной степени не персонафицирована.

Я сейчас имею в виду не отсутствие имен — нам известны имена тех людей, кто строил Петербург, известны истории жизни этих прекрасных людей. Но национальных развернутых оснований я не вижу в архитектуре — в том смысле

в котором она нам известна, она подарена Европой. Она нам привнесена европейской традицией в значительной степени.

Я не хочу умалять значения нашей традиции, но все же в значительной степени она нам преподнесена в подарок от европейской цивилизации, то есть по каким-то причинам — то ли потому, что не было на самом деле и не должно быть абсолютно национального становления архитектуры, мы как-то не прошли. Как-то на крыльях поднялись и уже оказались где-то сразу в вышине.

Это есть в русской литературе

Вопрос, связанный с замедленностью кадров мне кажется на самом деле гораздо более простым. Здесь все гораздо проще. Это не есть мой индивидуальный стиль, потому что это есть в русской литературе. Я ничего не в состоянии изобрести, я не могу изобрести. Это не исходит от моих художественных способностей, дарований. Это в меня привнесено. Я уверен, что в значительной степени, в такой же степени, как и у Андрея Арсеньевича Тарковского, по крайней мере, по моим беседам, по моим разговорам с ним, хотя там было немного по-другому. На него и на его поколение огромное влияние оказала эстетика Бергмана, немного Брессона. На меня эта эстетика не оказала ни малейшего впечатления. Вот эти все картины я уже посмотрел после того, как сделал первые свои работы. По настоящему я даже самого Андрея Арсеньевича посмотрел после того, как я сделал “Одинокий голос человека”. До этого я практически его не видел. В Горьком, где я жил, его не показывали. А во ВГИКе, пока я учился, его даже не упоминали. Поэтому я считаю, что это все же традиции литературы и традиция, может быть, программной русской музыки — культуры русского романса, симфонической культуры и структуры симфонической драматургии, и, может быть, российской живописи в том числе, которая очень часто повествовательна, подробна, которая отличается от всего прочего. Я вообще хотел бы сказать, что здесь следует идти еще дальше — наверное к Довженко, который для художественной природы языка — не для спекулятивно-профессионально-политико-искусствоведческой, как иногда у Эйзенштейна, а по сути своей художественного явления, — сделал гораздо больше для кинематографа, чем все остальные.

По крайней мере, мне казалось, что, например, Андрей Арсеньевич болезненно относился к этому, когда я начинал говорить на эту тему, потому что было понятно, что он картины Довженко посмотрел по несколько раз. Это вопрос о том, что и как глубоко входит в природу. А Довженко сам также опирался на традиции литературы. Все опирается на традиции литературы. В этом и достоинства и огромные проблемы кинематографа. Если человек собирается и хотел бы хоть в какой-то степени быть цивилизованным, он должен читать, а если он должен читать, значит его внутреннее пространство, его представление о драматургии, представления о времени постоянно формируются литературным образом, миром литературы, писателем.

На меня огромное влияние оказал в свое время Томас Манн — необыкновенное. Я ни с чем не могу сравнить то впечатление — огромное, какое он на меня произвел. И очень многие идеи кинематографические идут от того глубочайшего изумления, которое я испытывал... Опорой всего является, конечно, литература. Вот что бы ни говорили, как бы ни выдумывали, как бы ни изобретали этот кристалл — нет другого пути. Есть только один кристалл. По сути он заключается в том, что литературная идея, литературное открытие, литературный талант — он бесконечно интимен, и это тот самый процесс, когда человек, будь то

писатель или читатель произведения — когда они один на один друг с другом.

Почему иногда режиссеру трудно работать с оператором? Объяснить невозможно ничего словами. Чем серьезнее идея, тем невозможнее назвать ее словами, объяснить. У писателей нет этой проблемы.

Результат непрерывного труда

Если говорить о профессиональных навыках, то нужно оговорить: критерием является то, что мы с вами говорим о профессиональном искусстве, не о народном.

Там, где речь идет о профессиональном искусстве, там вопросы конкретного мнения, профессиональных навыков, попросту говоря мастерства — имеют значение огромное. Кроме того, я уверен, что гений и злодейство вещи совместимые, совместимые абсолютно. Поэтому существует опасность — через художественное произведение, даже гениальное можно вызывать очень противоречивые, мягко говоря, какие-то желания и чувства и т. д.

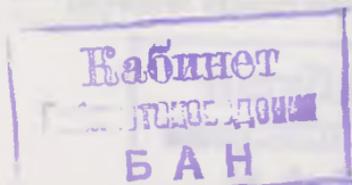
Это видно по некоторым очень способным кинорежиссерам. Но мне кажется, что случайно, без какого-то усилия, может появиться что-то простое, ограниченное во времени. А все остальное — более серьезное — требует, конечно, неадекватных для человеческих возможностей, усилий.

Вопрос таланта далеко не всегда имеет вообще какое-либо значение, потому что уровень мастерства, например, в области фортепьянного или виолончельного исполнения таков, что его иногда огромное число людей воспринимает просто как одаренность. К тому же не надо забывать, что исполнительское мастерство — это и вопрос интерпретации. Я считаю, что пианист может достичь очень больших высот, сформулировав внутри себя невероятным трудовым усилием определенную систему игры, построить мир, который мы будем принимать за талант. Огромным трудом виолончелист может стать Ростроповичем. На самом деле исполнительское искусство — это не богом отпущенный дар. Это — огромный труд и огромное усилие, которое в течение длительного времени позволяют совершенствовать человеческое мастерство.

В исполнительском мастерстве особенно важно, что все эти люди прошли через опыт насилия над собственной натурой. Они все были сломлены духом. Они все пережили в этом смысле огромную драму при формировании какого-то целостного человеческого существа. Если что дано богом этим людям, это — предрасположенность к труду, это — дар, это — их талантливость. Музыка учатся тысячи людей во всем мире, так же как и балету учатся многие-многие люди во всем мире, но они переходят эту грань в результате труда.

Также и в операторском искусстве — это результат огромного, непрерывного, постоянного труда. И актерское искусство — это не озарение. Ведь было время, когда мы не знали, например, какой необыкновенный труд стоит за прекрасным, необыкновенным актером Евстигнеевым. Только результат труда. Вообще человек строится, по моим наблюдениям только на этом.

Может быть, есть исключения только в одном виде искусств — в живописи. Это — загадка: легкая рука человека при соприкосновении с белым пространством и какое-то непонятное озарение. Оно начинает водить руку так, что мы видим такие линии. Но первая линия — это графическая гениальность — она возможна. Если он начинает писать маслом, то у него ничего просто так не получится. И во всех остальных случаях, на мой взгляд, это проблема трудолюбия человека.

СОДЕРЖАНИЕ № 3 (4) 1997

К читателю 1

ХРОНИКА 3

ГОРИЗОНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Михалева Р.А. Итоги первого этапа информатизации 12

Соколова Т.В. Информационные потребности гуманитарного
профиля: проблемы изучения и удовлетворения 22

Красильникова Г.И. Концепция исследовательской библиотеки
и проблемы обслуживания читателей-студентов в РНБ 28

Стамат Н.Ю. Текущее и ретроспективное комплектование
отечественных документов в Российской национальной библиотеке 30

УНИКУМЫ

Чигарева И.В. Особенности проблем научно-исследовательских библиотек
бывшей партийной сети (на примере библиотеки Таврического дворца) 34

Рослик Г.М. Главное академическое богатство (из истории
библиотеки Военно-медицинской академии) 36

ИЗ ИСТОРИИ БИБЛИОТЕК

Володин Б.Ф. Европейский феномен библиотеки Залуских 39

НАШИ ПЕРЕВОДЫ

Берхард Фабиан. На благо читателей 53

ЛИДЕРЫ ПЕТЕРБУРГСКОЙ БИБЛИОТЕЧНОЙ ШКОЛЫ

Петрусенко Т.В. Натура творческая и неординарная 62

Бачалдин Б.Н. Две встречи 66

Инькова Л.М. Яркий пример высокого профессионализма 69

ИЗДАНО В ПЕТЕРБУРГЕ

Виноградов Н.А. Парадигмы мышления: библиотеки и общество 72

Гусева Л.Н. Гуманитарное знание и гуманитарные науки 75

БИБЛИОТЕКА КАК ЦЕНТР КУЛЬТУРЫ

Володин Б.Ф. Двадцать шесть вечеров с Александром Сокуровым 78

Размышления о ретроспективе в Российской национальной библиотеке 82

Сокуров А.Н. Все опирается на традиции литературы 84

